

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**
РАНХИГС ХАБАРОВСК

ISSN 1818-4049
(print)

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Д. А. ИЗОТОВ

Факторы роста открытой макрорегиональной и региональной экономики: Дальний Восток и Хабаровский край

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

С. В. РАЕВСКИЙ

Региональная система поддержки малого предпринимательства в Приморском крае

СОЦИОЛОГИЯ

С. Н. БАСОВА, Н. П. СИДОРОВА, Т. А. ТОРОПОВА, А. П. ШЕСТОПАЛЬКО

Имидж ведущего учреждения культуры Дальнего Востока в социологических оценках

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

К. И. ПАЛЮК

Деятельность преференциального режима TOP на территории Хабаровского края

ХАБАРОВСК

**№ 2
(107)
2024**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2024 г. № 2 (107)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2024 г. № 2 (107)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: Ю. В. Березутский

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

- Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. А. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)
- При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.
- Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.
- Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2024, no. 2 (107)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: Yu. V. Berezutskiy

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscomnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

Yu.V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)
Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyannpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Изотов Д. А.	Факторы роста открытой макрорегиональной и региональной экономики: Дальний Восток и Хабаровский край	8
Бардаль А. Б.	Государственная поддержка развития транспорта на современном этапе: влияние на транспортный комплекс Дальнего Востока	26
Грицко М. А.	Демографическая динамика Дальнего Востока и ее компоненты: итоги 2014–2023 гг.	36

Теория и практика экономики и управления

Раевский С. В.	Региональная система поддержки малого предпринимательства в Приморском крае	43
Алешков А. В. Синюков В. А. Ивашкин М. В.	Искусственный интеллект в реальном секторе экономики (на примере пищевой индустрии)	51

Социология

Салогуб А. М. Арсельгова М. А.	Экологическая ответственность в комплексе эффективности социального управления научным учреждением	64
-----------------------------------	--	----

Михайлова А. В.	Ключевые детерминанты экосистемы креатосферы для Арктики России	73
Толмачева И. А. Ошлакова З. В. Мироненко Е. В.	К вопросу экологического сознания населения Хабаровского края	86
Черевко М. А.	Изменение имиджа профессии педагогического работника в условиях трансформации современного образовательного пространства	94
Басова С. Н. Сидорова Н. П. Торопова Т. А. Шестоपालко А. П.	Имидж ведущего учреждения культуры Дальнего Востока в социологических оценках	105

Представляю к защите

Палиюк К. И.	Деятельность преференциального режима ТОР на территории Хабаровского края	117
Спека К. И.	Дополнительное образование детей: состояние и тенденции в региональном измерении	127

CONTENTS

The Far East: strategies and development models

Izotov D. A.	Economic growth of an open regional system: the Russian Far East and the Khabarovsk Territory	8
Bardal A. B.	State Support of Transport Development at the Present Stage: Impact on the Transport Complex of the Far East	26
Gritsko M. A.	Demographic dynamics of the Far East and its components: results of 2014–2023	36

Theory and practice of economics and management

Raevskiy S. V.	Regional system of support for small businesses in the Primorsky Territory	43
Aleshkov A. V. Sinyukov V. A. Ivashkin M. V.	Artificial intelligence in the real sector of economy (on the example of the food industry)	51

Sociology

Salogub A. M. Arselgova M. A.	Environmental responsibility in the context of the effectiveness of social management in the scientific institution	64
----------------------------------	---	----

Mikhailova A. V.	Key determinants of the kreatosphere ecosystem for the arctics of Russia	73
Tolmacheva I. A. Oshlakova Z. V. Mironenko E. V.	On the issue of environmental awareness of the Khabarovsk Territory population	86
Cherevko M. A.	Changing the image of the teaching profession in the context of modern education transformation	94
Basova S. N. Sidorova N. P. Toropova T. A. Shestopalko A. P.	The image of the leading cultural institution of the Far East in sociological assessments	105

Post-Graduate Research

Paliyuk K. I.	The activity of the TAD of the Khabarovsk Territory in 2015–2021	117
Speka K. I.	Additional education for children: the state and trends in the regional dimension	127

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 332.122(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-8-25

Факторы роста открытой макрорегиональной и региональной экономики: Дальний Восток и Хабаровский край

Дмитрий Александрович Изотов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Аннотация. Целью исследования является оценка факторов роста открытой экономики Дальнего Востока и Хабаровского края в 2000–2021 гг. Показано, что в долгосрочном периоде, несмотря на высокие темпы прироста затрат капитала и значительную открытость экономики, темпы экономического роста Дальнего Востока и Хабаровского края отставали от национальных. Оценка производственной функции указала, что для поддержания темпов роста экономика Дальнего Востока при прочих равных условиях требовала масштабных затрат капитала, а сдерживающее влияние негативных темпов прироста затрат труда компенсировалось другими факторами. Массовый капитал и нейтральный научно-технический прогресс в целом формировали общую положительную экономическую динамику Дальнего Востока, а торговля была ее важным дополнением. Определено, что вклад в экономический рост Дальнего Востока товарооборота с зарубежным рынком был почти в два раза выше вклада торговли с отечественным рынком. В отличие от Дальнего Востока экономика Хабаровского края в долгосрочном периоде характеризовалась близкой к постоянной отдаче от масштаба, требуя меньшего прироста затрат капитала и труда для поддержания ее роста. При этом экономический рост региона генерировался главным образом капиталом и торговлей. Вклад торговли с зарубежными странами в экономический рост Хабаровского края превышал вклад торговли с отечественным рынком. Определено, что массовый экспорт с малой добавленной стоимостью оказывал относительно меньшее воздействие на экономический рост Дальнего Востока и Хабаровского края при заметном влиянии импорта. Предполагается, что в текущих внешнеполитических условиях при смещении экономической активности страны на восток для регионов юга Дальнего Востока, к которым относится Хабаровский край, выполнение функции активного «посредника» между отечественным и зарубежными рынками может позволить использовать имеющиеся у них преимущества для целей ускорения экономики.

Ключевые слова: экономический рост, труд, капитал, нейтральный научно-технический прогресс, торговля, экспорт, импорт, отечественный рынок, зарубежный рынок, Дальний Восток, Хабаровский край

Благодарность: исследование выполнено при поддержке гранта Правительства Хабаровского края № 87с/2024 «Факторы роста открытой экономики Дальнего Востока (на примере Хабаровского края)».

Для цитирования: Изотов, Д. А. Факторы роста открытой макрорегиональной и региональной экономики: Дальний Восток и Хабаровский край // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 8–25 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-8-25>

Economic growth of an open regional system: the Russian Far East and Khabarovsk Territory

Dmitry A. Izotov

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Abstract. *The purpose of the study is to assess the factors of growth of the Russian Far East (RFE) and the Khabarovsk Territory in 2000-2021. The article shows that in the long term, the rates of economic growth of the RFE and the Khabarovsk Territory lagged behind as a whole, despite the high rates of capital growth and the significant openness of their economies. The assessment of the production function indicated that in order to maintain growth rates, the RFE's economy required high rates of capital growth, and the negative growth rates of labor were compensated by other factors. It was determined that capital and neutral technological progress formed the overall positive dynamics of the RFE economy, and trade was its important addition. It was found that the share of trade with foreign countries in the RFE's economic growth was almost twice as large as trade with the domestic market. Unlike the RFE, to maintain economic growth in the Khabarovsk Territory a smaller increase in capital and labor was needed. At the same time, the economic growth of the Khabarovsk Territory was generated mainly by capital and trade. It was found that the share of trade with foreign countries in the economic growth of the Khabarovsk Territory exceeded the share of trade with the domestic market. It was determined that a large-scale export with low added value had a relatively small impact on the economic growth of the RFE and the Khabarovsk Territory, while import had a noticeable impact on it. It is assumed that with the shift of the country's economic activity to the East, the role of South regions of the RFE (including the Khabarovsk Territory) as an "intermediary" between domestic and foreign markets may allow them to use their existing advantages to accelerate their economic growth.*

Keywords: *economic growth, labor, capital, neutral technological progress, trade, export, import, domestic market, foreign market, Russian Far East, Khabarovsk Territory*

Acknowledgments: *the research was carried out with the support of the Khabarovsk Territory Government grant No. 87c/2024 "Growth factors of the open economy of the Far East (using the example of the Khabarovsk Territory)"*

For citation: Izotov, D. A. (2024) Economic growth of an open regional system: the Russian Far East and Khabarovsk Territory *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 8–25 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-8-25>

Введение

Изучению факторов экономического роста посвящено сравнительно большое число эмпирических исследований как в рамках неоклассического, так и кейнсианского направлений. В современных условиях важным аспектом является рассмотрение экономики как открытой системы, тесно связанной с различными рынками, взаимодействие с которыми при прочих равных условиях способно создавать условия для ее роста. Среди

таких рынков наиболее масштабным является рынок товаров. Важность товарообмена для экономического роста следует из того обстоятельства, что примеры национальных экономик, которые росли довольно высокими темпами, стали возможны благодаря открытости и взаимосвязанности в рамках глобальной экономики, обеспечивающей емкий потенциальный рынок сбыта, а также доступ к новым навыкам и технологиям, импортирующимся главным образом из разви-

тых стран [Spence, 2021]. Снижение барьеров для торговых взаимодействий при прочих равных условиях способствовало увеличению темпов экономического роста, создавая условия для эффективного развития экономик [Lucas, 2002]. Помимо этого, экономический рост создается сложным взаимодействием различных секторов экономики, эффективным инвестированием и построением эффективных институтов управления. При этом в рамках национальной экономики регионы могут получать разные стимулы и, соответственно, экономические эффекты от взаимодействий с отечественным и зарубежным рынками [Breinlich, Ottaviano, Temple, 2014]. В зависимости от целей исследований оценки влияния торговли на экономический рост в рамках эконометрического подхода могут строиться как минимум двумя способами: выявление причинности в рамках временных рядов между торговлей и ростом (как правило, на основе квартальных и месячных данных); определение вклада торговли в экономический рост как одного из факторов, его формирующих [Singh, 2010].

Оценка влияния на экономический рост взаимодействий стран и их регионов с различными рынками является часто встречающейся задачей в эмпирических исследованиях. Наиболее распространенным подходом для получения данных оценок является «расширение» классической функции Кобба-Дугласа за счет включения в нее дополнительных независимых переменных: прямых иностранных инвестиций [Wang, Zhang, Teng, Zhang, 2023]; экспорта [Lawal, Ezeuchenne, 2017]; импорта [Marwah, Tavakoli, 2004; Bardhan, Lewis, 1970]; торговли товарами [Zheng, Walsh, 2019] и услугами [Sandri, Alshyab, Ghazo, 2016] с зарубежными странами; показателей внешнеторговой открытости [Yao, Zhang, 2001]; динамики курса национальной валюты [Abendin, Duan, 2021]; дифференциации региональных цен [Ke, 2015]; уровня предпринимательской активности, ориентированной на экспорт [González-Pernía, Peña-Legazkue, 2015] и др. В большинстве случаев было опреде-

лено положительное влияние торгово-экономических взаимодействий на рост различных экономических систем.

Долгосрочные оценки, выполненные для России, указали на положительное влияние товарообмена с зарубежными странами на ее экономический рост, в частности, через условия торговли, улучшение которых позволяло приобретать стране больше импортных товаров, являясь важным источником для обновления ее капитала [Kaitila, 2016]. Также было обнаружено положительное влияние прямых иностранных инвестиций на совокупную факторную производительность и экономический рост российских регионов [Iwasaki, Suganuma, 2016]. Оценки показали, что российский экономический рост стимулировался увеличением объемов внешней торговли, при этом регионы России, более интенсивно изменяющие товарную и географическую структуру своего экспорта, характеризовались меньшими темпами роста экономики, что указало на наличие высоких издержек для входа на зарубежный рынок [Кадочников, Федюнина, 2013]. В проведенном ранее исследовании [Изов, 2018] было определено положительное воздействие торговли на экономический рост российских регионов, причем главным его источником являлся их товарооборот с отечественным рынком, превышая вклад торговли с зарубежными странами более чем в два раза.

Следует заметить, что Дальний Восток (Дальневосточный федеральный округ) занимает особое место в национальной экономике, характеризуясь территориальной близостью со странами АТР и заметной удаленностью от западных российских регионов. Перспективы развития Дальнего Востока тесно связаны с общенациональной стратегией расширения торгово-экономических взаимодействий на восточном направлении, являющейся одним из приоритетов государственной политики России за последние полтора десятилетия. В программных документах на долгосрочную перспективу ускоренное социально-экономическое развитие макрорегиона связывается с освоением на его территории крупных

государственных инвестиций и расширением его торговых взаимодействий с близкими и крупными зарубежными рынками [Минакир, 2017]. В свою очередь, располагаясь в центре Дальнего Востока, Хабаровский край является одним из крупнейших дальневосточных регионов и важным элементом для макрорегиональной экономики. При этом в долгосрочном периоде, по причине относительно низких темпов экономического роста, Хабаровский край по размеру экономики стал постепенно уступать некоторым регионам Дальнего Востока. В связи с этим появляется необходимость в поиске дополнительных источников экономического роста дальневосточного региона.

Как любая субнациональная система Дальний Восток и входящий в его состав Хабаровский край являются открытыми зарубежному и отечественному рынкам [Белоусова, 2011]. Соответственно, динамика сравнительно малых макрорегиональной и региональной экономик зависит от изменений, происходящих в глобальном и национальном экономическом пространстве. Расширение влияния торговли на экономику является следствием интенсификации отраслей, ориентированных на экспорт и вывоз продукции, на импорт и ввоз различного рода оборудования и материалов, а также общего снижения барьеров с отечественным и зарубежными рынками. С этой точки зрения, важным аспектом является определение воздействия торговли на экономический рост Дальнего Востока в целом и Хабаровского края в частности по сравнению с другими факторами роста. По причине различий в отношении торговли к валовому региональному продукту (далее – ВРП) между Дальним Востоком и Хабаровским краем актуальным также является определение направлений политики стимулирования экономического роста для макрорегионального и регионального уровней, отталкиваясь от сравнительной оценки факторов, его формирующих.

Важным замечанием является то, что в конце 2018 г. территориальная конфигурация Дальнего Востока подверглась изменению за счет включения в его со-

став двух регионов – Республики Бурятия и Забайкальского края. Ранее оценка факторов экономического роста макрорегиона как открытой системы в «новых» границах не осуществлялась, в том числе по причине сложности сбора статистических данных, отражающих торговые взаимодействия Дальнего Востока с различными рынками. Таким образом, в настоящем исследовании Дальний Восток рассматривается в составе 11 регионов: Амурская область; Еврейская автономная область; Забайкальский край; Камчатский край; Магаданская область; Приморский край; Республика Бурятия; Республика Саха (Якутия); Сахалинская область; Хабаровский край; Чукотский автономный округ. По причине ограничения публикации официальной статистики Федеральной таможенной службой (далее – ФТС) России экспортных и импортных потоков на региональном уровне с 2022 г., временной период исследования представлен с 2000 г. до 2021 г. включительно.

Таким образом, целью исследования является оценка факторов роста открытой экономики Дальнего Востока и Хабаровского края. Алгоритм исследования предполагает решение следующих задач: 1) анализ динамики экономического роста Дальнего Востока и Хабаровского края, а также факторов его формирующих; 2) сбор массива данных и определение методики оценки; 3) количественная оценка факторов экономического роста Дальнего Востока и Хабаровского края.

Динамика экономического роста и формирующих его факторов: Дальний Восток и Хабаровский край

Дальний Восток. Среднегодовой темп прироста экономики Дальнего Востока в рамках рассматриваемого периода был положительным, составляя 3,5%, уступив аналогичному показателю для страны в целом (темп прироста суммарного ВРП России – 4%). При этом Дальний Восток отличался значительными темпами прироста затрат капитала, среднегодового значение которых равнялось 17,5%, превзойдя среднероссийский показатель почти в 3 раза. Наибольший темп прироста затрат капитала макрорегиона пришелся

на 2000-е гг., в том числе по причине масштабных прямых иностранных инвестиций в проекты добычи углеводородного сырья в Сахалинской области, а также капиталовложений в инфраструктуру юга Приморского края в связи с проведением саммита АТЭС в 2012 г. Далее, капиталовложения со второй половины 2010-х гг., помимо Сахалинской области, осуществлялись в транспортную инфраструктуру юга макрорегиона, а также в инфраструктуру добычи сырья в Республике Саха (Якутия) и в производственную инфраструктуру Амурской области (рис. 1).

Фактически, указанные дальневосточные регионы получили импульс за счет ориентированных на экспорт сырьевых проектов, а также благодаря структурной модернизации на основе масштабного внешнего государственного стимулирования за счет притока капитала. Соответственно, насыщение экономики капиталом в целом смягчало воздействие на экономический рост Дальнего Вос-

тока отрицательных темпов прироста труда (-0,1%), что проявилось в условиях снижения численности населения. Отношение затрат капитала к ВРП макрорегиона также было довольно высоким, составляя в среднем за рассматриваемый период 29,3%, являясь, при прочих равных условиях, более чем необходимой основой для высоких темпов экономического роста, которые, тем не менее, Дальним Востоком не были достигнуты. Дальний Восток является экономической системой с высоким уровнем открытости. В среднем за рассматриваемый период отношение торговли макрорегиона с зарубежным рынком к ВРП составляло 45%, а с отечественным рынком – 34%. Данное обстоятельство дает основание утверждать, что торговые взаимодействия Дальнего Востока с отечественным и зарубежными рынками являлись важными долгосрочными источниками экономического роста макрорегиона. При этом обращает на себя внимание замет-

Рис. 1. Дальний Восток: темпы прироста ВРП, капитала и труда; динамика торговли с отечественным и зарубежными рынками

Примечание: торговля представлена в текущих ценах; торговля с зарубежным рынком включает в себя экспорт и импорт; темпы прироста ВРП и капитала рассчитаны на основе индексов физических объемов ВРП и инвестиций в основной капитал; темпы прироста труда оценены на основе значений численности занятых в экономике.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) России, Федеральной таможенной службы (ФТС) России, региональных ведомств ФСГС, отраслевой статистики России.

ное положительное сальдо торгового баланса Дальнего Востока с зарубежными странами: экспорт макрорегиона превышал импорт в 3,3 раза. Благодаря масштабным объемам экспорта, торговля Дальнего Востока с зарубежными странами превосходила товарооборот макрорегиона с отечественным рынком на 40% за рассматриваемый период. При этом, можно предполагать, что расширение торгово-экономических взаимодействий макрорегиона с отечественным и зарубежными рынками может способствовать росту экономики Дальнего Востока.

Хабаровский край. Экономика Хабаровского края – важнейший элемент в функционировании Дальнего Востока, прежде всего, за счет удовлетворения различных потребностей в продукции переработки, являясь связующим звеном для железнодорожных и автомобильных магистралей России с портами Тихого океана, а также для северных и южных

дальневосточных регионов. Отталкиваясь от ранее существовавших внешнеполитических приоритетов, экономика Хабаровского края формировалась как экономика преимущественно промышленного типа с акцентом на отрасли, обеспечивающие функционирование экономик других регионов страны, на выпуск продукции оборонно-промышленного комплекса, а также в определенной мере на экспорт ряда товарных групп, представленных главным образом сырьевыми товарами. В современных условиях обрабатывающие отрасли продолжают играть заметную роль в региональной экономике, которая остается одной из наиболее диверсифицированных в макрорегионе. При этом экономика Хабаровского края росла медленнее, чем Дальний Восток в целом. За рассматриваемый период среднегодовой темп прироста экономики региона составил около 3% (рис. 2).

Долгосрочные среднегодовые темпы

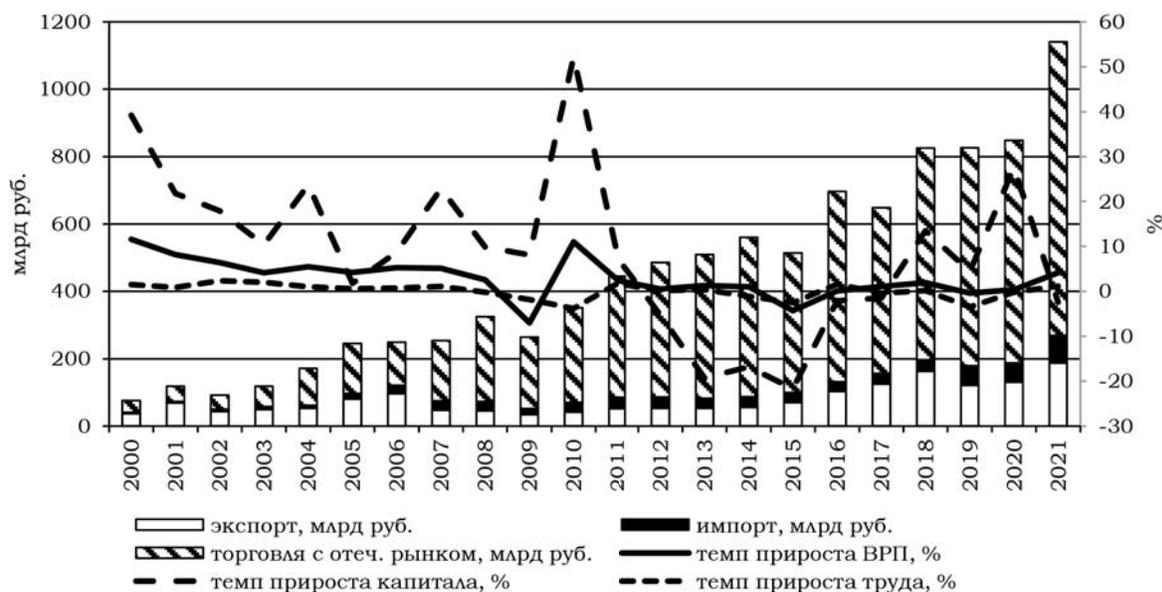

Рис. 2. Хабаровский край: темпы прироста ВВП, капитала и труда; динамика торговли с отечественным и зарубежными рынками

Примечание: торговля представлена в текущих ценах; торговля с зарубежным рынком включает в себя экспорт и импорт; темпы прироста ВВП и капитала рассчитаны на основе индексов физических объемов ВВП и инвестиций в основной капитал; темпы прироста труда оценены на основе значений численности занятых в экономике.

Источник: данные ФСГС, ФТС России, региональных ведомств ФСГС, отраслевой статистики России.

прироста затрат капитала Хабаровского края составили 9,1%, что было ниже по сравнению с Дальним Востоком, но выше, чем для национальной экономики (6,1%). Пик капиталовложений для Хабаровского края пришелся на 2000-е гг. в производственную, транспортную и жилищную инфраструктуру. В последующем инвестиционный «всплеск» в регионе наблюдался в конце 2010-х гг. В результате, отношение затрат капитала к ВРП Хабаровского края удерживалось на довольно высоком уровне, составляя 26,2% в среднем за рассматриваемый период, что, тем не менее, не способствовало достижению высоких темпов экономического роста для региона. В отличие от Дальнего Востока, Хабаровский край за рассматриваемый период характеризовался положительными среднегодовыми темпами прироста численности занятого населения в экономике (0,1%), что частично объяснялось привлечением внешней для региона рабочей силы.

В отличие от Дальнего Востока в целом торговля Хабаровского края была преимущественно направлена на взаимодействия с отечественным рынком и в среднем за рассматриваемый период превосходила более чем в 3 раза товарообмен региона с зарубежным рынком. Следует заметить, что на территории Хабаровского края находятся два крупнейших в макрорегионе нефтеперерабатывающих завода, которые снабжали различными видами нефтепродуктов практически все регионы Дальнего Востока, поддерживая функционирование экономики макрорегиона в целом. Данные предприятия, занимающиеся нефтепереработкой, использовали в качестве сырья сырую нефть, которая ввозилась на территорию Хабаровского края из регионов Сибири, а также частично из Сахалинской области, т. е. с отечественного рынка. Однако большие стоимостные объемы торговли Хабаровского края с отечественным рынком вовсе не означают, что подобного рода взаимодействия являются главным источником роста экономики региона, поскольку добавленная стоимость от данного товарообмена может быть сравни-

тельно невысокой, сдерживаясь в том числе особенностями государственных закупок и субсидий, а также механизма ценообразования. На это в определенной мере указывает отношение торговли с отечественным рынком к ВРП региона, которое за анализируемый период составило в среднем около 80%, а с зарубежным рынком – 25%.

Также как и Дальний Восток в целом Хабаровский край характеризовался в рамках рассматриваемого периода положительным сальдо торгового баланса с зарубежными странами (экспорт региона превышал импорт почти в 3 раза). Импортные потоки были сравнительно небольшими, тем не менее производительность секторов экономики Хабаровского края, связанных с обрабатывающей промышленностью, а также сервисных и природно-ресурсных отраслей, зависела от поставок инвестиционных товаров из-за рубежа, в том числе технологически сложной продукции, а также различного рода компонентов и материалов, которые стимулировали долгосрочный рост ВРП региона. В целом Хабаровский край в рамках анализируемого периода характеризовался сравнительно диверсифицированной структурой экономики, несмотря на некоторое уменьшение доли обрабатывающих производств в структуре ВРП.

Методика оценки и данные

В настоящем исследовании факторы и источники экономического роста Дальнего Востока в целом и Хабаровского края в частности оценивались на основе расширенной макроэкономической производственной функции, предполагающей определение статистически значимой связи между совокупным выпуском и объемами используемых факторов, его формирующих. Несмотря на некоторые критические замечания [Gechert, Havránek, Havránková, Kolcunova, 2019], данная связь может быть установлена, отталкиваясь от базовой производственной функции Кобба-Дугласа [Solow, 1957], предполагающей наличие постоянного темпа нейтрального научно-технического прогресса (далее – НТП) по Хиксу:

$$Y = A \cdot K^{\alpha} \cdot L^{\beta} \cdot e^{\delta}, \quad (1)$$

где: Y – совокупный выпуск; A – константа; K – затраты капитала; L – затраты труда; α и β – коэффициенты эластичности выпуска, соответственно, по капиталу и по труду; δ – коэффициент полуэластичности выпуска по нейтральному НТП.

Для целей настоящего исследования базовая функция Кобба-Дугласа (1) была дополнена следующим образом [Lewer, Berg, 2003]:

$$Y = A \cdot K^\alpha \cdot L^\beta \cdot TRADE^\gamma \cdot e^\delta, \quad (2)$$

где: $TRADE$ – факторы торговых взаимодействий; γ – коэффициент эластичности выпуска по торговле. После логарифмирования зависимость (2) принимает следующий вид:

$$\ln Y = \ln A + \alpha \ln K + \beta \ln L + \gamma \ln TRADE + \delta. \quad (3)$$

В (2) и (3) совокупный выпуск, капитал, труд и торговля представлены в абсолютных значениях, что подразумевает использование для оценки стационарных рядов, в том числе основанных на панельных данных для совокупности региональных экономик. В этом случае зависимость оценивается в следующей форме:

$$\ln Y_{it} = \ln A + \alpha \ln K_{it} + \beta \ln L_{it} + \gamma_{1...n} \ln TRADE_{it} + \delta + \varepsilon_{it}, \quad (4)$$

где: i – регион; t – временной период; ε – случайная ошибка; n – число факторов, отражающих торговые взаимодействия. В (4) нейтральный НТП оценивается как временной тренд.

При наличии нестационарных временных рядов зависимость (2) оценивается в темповой записи:

$$y_t = \alpha k_t + \beta l_t + \gamma trade_t + \delta + \xi_t, \quad (5)$$

где: $y_t = (Y_t - Y_{t-1})/Y_{t-1}$; $k_t = (K_t - K_{t-1})/K_{t-1}$

$l_t = (L_t - L_{t-1})/L_{t-1}$; $trade_t = (TRADE_t - TRADE_{t-1})/TRADE_{t-1}$; ξ – случайная ошибка. Следует заметить, что зависимости (4) и (5) описывают разные производственные функции, а некоторые отличия в оценках между ними могут быть связаны с разным представлением случайной ошибки [Замков, 2001].

Зависимая переменная, отражающая

экономический рост (Y), в настоящем исследовании представлена массивом ВРП для 11 дальневосточных регионов в абсолютном выражении в ценах 2021 г. (млн руб.), полученных корректировкой их текущих значений на индекс физического объема. Статистические данные за 2000–2021 гг. текущих значений ВРП и индексов физического объема ВРП дальневосточных регионов были заимствованы из сборников «Регионы России», размещенных на сайте Федеральной службы государственной статистики (далее – ФСГС) России. В случае темповой зависимости экономический рост был отражен на основе приведения индекса физического объема ВРП к приростным значениям (y).

По аналогии с ранее проведенным исследованием [Изотов, 2018], в качестве затрат капитала (K) выступили инвестиции в основной капитал в абсолютном выражении в ценах 2021 г. (млн руб.), скорректированных на индекс их физического объема. Для зависимости (5) переменная, отражающая темп прироста капитала (k), была рассчитана приведением индекса физического объема инвестиций в основной капитал к темповым значениям. В свою очередь, в качестве затрат труда дальневосточных регионов (L) была использована статистика численности занятых в экономике (тыс. чел.). Темпы прироста труда (l) были оценены на основе соответствующих значений численности занятых. Исходные статистические данные за 2000–2021 гг. для оценки затрат капитала, а также затрат труда представлены в сборниках «Регионы России» ФСГС России.

Факторы торговых взаимодействий ($TRADE$) включают в себя товарооборот дальневосточных регионов с отечественным и зарубежным рынками, который, по аналогии с проведенным исследованием [Изотов, 2018], представлен в текущих ценах. Дальнейшие оценки предполагают декомпозицию торговли на составляющие ее элементы.

Во-первых, торговля с отечественным рынком (RUS), которая для регионов Дальнего Востока основывается на абсолютных значениях стоимостных объемов

их товарообмена между собой, с остальными регионами России, а также внутри данных регионов. Соответственно, для Хабаровского края торговля с отечественным рынком представляет собой его товарооборот со всеми регионами России и в рамках данного региона. Массив торговли Дальнего Востока в целом и Хабаровского края в частности с отечественным рынком основывался на расширенной статистике ввоза и вывоза товаров потребительского и производственно-технического назначения, формируемой ФСГС России. Данные по торговле Дальнего Востока и Хабаровского края с отечественным рынком оценивались в текущих ценах в рублях, в том числе для учета волатильности цен на отечественном рынке. Соответственно, для случая нестационарных временных рядов торговля с отечественным рынком оценивается в темповой записи по отношению к прошлому году (*rus*).

Во-вторых, абсолютные значения торговли Дальнего Востока и Хабаровского края с зарубежным рынком, которые были консолидированы на основе статистики ФТС России, региональных ведомств ФСГС и отраслевой статистики России. Данные по торговле с зарубежным рынком оценивались в текущих ценах (как в долларах, так и в рублях; на основе динамики среднегодового курса рубля к доллару США) для учета волатильности цен мирового и отечественного рынков соответственно. Влияние абсолютных значений торговли с зарубежным рынком на экономический рост оценивалось в следующих формах: товарооборот с зарубежными странами (*FOREIGN*); экспорт (*EXP*); импорт (*IMP*). Аналогично, для оценки факторов экономического роста в темповой записи, влияние торговли с зарубежным рынком было декомпозировано на товарооборот с зарубежными странами (*foreign*), экспорт (*exp*) и импорт (*imp*) на основе темпов прироста к прошлому году.

В результате, исходный массив показателей был представлен статистическими данными за 22 года (2000–2021 гг.) для Дальнего Востока – панелью по 11 регионам, для Хабаровского края – вре-

менными рядами соответствующих показателей. Следует заметить, что Дальний Восток является совокупностью довольно разных регионов, которые заметно различаются по связанности с отечественным рынком и степени включенности в мирохозяйственные связи. Поэтому для учета специфичных признаков формирующих Дальний Восток субнациональных подсистем оценка факторов и источников экономического роста макрорегиона осуществлялась с фиксированными эффектами на в него входящие регионы.

Результаты оценки

Дальний Восток. Оценка факторов экономического роста Дальнего Востока была проведена на основе панельных данных, а для устранения автокорреляции остатков применена процедура авторегрессионного преобразования AR(1). Получение оценок по нейтральному НТП предполагало распространение фиксированных эффектов только на регионы. Предварительный анализ показал, что одновременное включение торговли макрорегиона с зарубежным и отечественным рынками в зависимость (4) не являлось корректным по причине наличия высокой корреляции между переменными. В этом случае в (4) добавлялись переменные, характеризующие торговые взаимодействия макрорегиона с теми или иными рынками, а также отдельно экспортные и импортные потоки, выраженные как в долларах, так и в рублях, во избежание проблемы мультиколлинеарности. В результате были получены статистически значимые оценки для различных спецификаций зависимости (4) (табл. 1).

Отталкиваясь от базовой модели Кобба-Дугласа (спецификация 1, табл. 1), было определено, что эластичность выпуска по капиталу для Дальнего Востока составила 0,11, по труду – 0,37, а темп нейтрального НТП для макрорегиона – 1,8%. Оценки указали на то, что функция Кобба-Дугласа имела убывающую отдачу от масштаба, требуя при прочих равных условиях масштабных затрат капитала и труда для поддержания высоких темпов экономического роста макрорегиона, что согласуется с ранее полученными оценками [Власюк, Редько, 2010] для Дальнего Востока в

существовавших ранее территориальных границах. В свою очередь, увеличение торговли Дальнего Востока с зарубежными странами на 1% приводило к росту ВРП макрорегиона на 0,02% (на 0,01% – для экспорта и импорта соответственно), а с отечественным рынком – на 0,01%.

Далее, на основе средних темпов прироста зависимой и независимых переменных, была получена оценка вклада факторов в экономический рост Дальнего Востока. Отклонения от действительных значений экономического роста для всех спецификаций зависимости (4) были небольшими (табл. 2).

Декомпозиционная оценка указала на то, что в условиях сокращения численности занятых в экономике Дальнего Востока как по причине миграционного оттока населения, так и в целом неблагоприятных демографических процессов, связанных с отрицательным естественным приростом населения, сокращающийся рынок труда сдерживал экономический

рост макрорегиона. При этом с точки зрения вклада данного фактора в экономический рост Дальнего Востока негативное влияние от сокращения численности занятого населения было небольшим, компенсируясь положительным воздействием других факторов. Как показали оценки, несмотря на сравнительно невысокие значения эластичности выпуска по капиталу, большая доля данного фактора во вкладе в экономический рост Дальнего Востока формировалась благодаря высоким темпам его прироста. Фактически, массовый капитал и нейтральный НТП в целом формировали общую положительную экономическую динамику макрорегиона. При этом вклад затрат капитала, даже за минусом негативного вклада труда, превосходил вклад нейтрального НТП в экономический рост Дальнего Востока. По этой причине вклад интенсивного фактора (нейтральный НТП) в экономический рост макрорегиона был в целом ниже, чем совокупный вклад экстенсив-

Таблица 1

Результаты оценки факторов экономического роста Дальнего Востока

Наименование переменных	1	2	3	4
$\ln K$ – логарифм затрат капитала	0,11*** (0,01)	0,11*** (0,01)	0,11*** (0,01)	0,10*** (0,01)
$\ln L$ – логарифм затрат труда	0,37*** (0,14)	0,36*** (0,14)	0,36*** (0,13)	0,32** (0,14)
δ – показатель нейтрального НТП	0,018*** (0,001)	0,01*** (0,001)	0,02*** (0,002)	0,02*** (0,001)
$\ln FOREIGN$ – логарифм торговли с зарубежными странами (в руб.)	–	0,02* (0,01)	–	–
$\ln EXP$ – логарифм экспорта (в долл.)	–	–	0,01* (0,005)	–
$\ln IMP$ – логарифм импорта (в руб.)	–	–	–	0,01* (0,008)
$\ln RUS$ – логарифм торговли с отечественным рынком	–	–	–	0,01* (0,008)
Константа	8,45*** (0,73)	8,32*** (0,74)	8,45*** (0,70)	8,57*** (0,76)
Количество наблюдений	242	242	242	242
Фиксированные эффекты на регионы	да	да	да	да
R^2	0,99	0,99	0,99	0,99
DW	1,73	1,74	1,69	1,74
F -статистика	8086***	7731***	7579***	7103***

Примечание. *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,1$. 1–4 – спецификации зависимости (4).

Источник: оценки автора.

Таблица 2

Декомпозиция экономического роста Дальнего Востока по факторам, %

Наименование переменных	1	2	3	4
Затраты капитала	52,1	49,8	51,2	48,0
Затраты труда	-1,0	-1,0	-1,0	-0,8
Нейтральный НТП	48,9	39,9	45,8	39,6
Торговля с зарубежными странами	–	11,3	–	–
Экспорт	–	–	3,9	–
Импорт	–	–	–	7,2
Торговля с отечественным рынком	–	–	–	6,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Отклонение от действительного значения (п.п. / %)*	0,10 / 2,7	0,22 / 5,8	0,17 / 4,5	0,25 / 7,1

Примечания. 1–4 – спецификации зависимости (3). * – в п.п. показано отклонение расчетного от действительного значения темпа прироста ВРП в постоянных ценах Дальнего Востока за 2000–2021 гг., которое составляло в среднем 3,54% в год; в % отражено отклонение расчетного от действительного (100%) значения.

Источник: оценки автора.

ных факторов – капитала и труда.

Включение параметров торговли с отечественным и зарубежным рынками в зависимость (4) скорректировало доли капитала, труда и нейтрального НТП с точки зрения их вклада в экономический рост Дальнего Востока. При этом наблюдалось сравнительно большее снижение доли нейтрального НТП, указывая на то, что торгово-экономические взаимодействия играли определенную роль в формировании совокупной факторной производительности макрорегиона. Что касается торговых взаимодействий с рассматриваемыми рынками, то вклад товарооборота с зарубежными странами в экономический рост Дальнего Востока был почти в два раза выше вклада торговли с отечественным рынком – 11,3% и 6% соответственно. Это указывает на важность открытости макрорегиона к зарубежным рынкам как источника его экономического роста. Важное влияние на экономический рост Дальнего Востока оказывал импорт, вклад которого превышал вклад экспорта.

Хабаровский край. Согласно обобщенному тесту Дики-Фуллера, для случая Хабаровского края было обнаружено наличие нестационарных временных рядов, что предполагает использование в темповой записи расширенной функции Кобба-Дугласа для оценки факторов экономического роста. В данном слу-

чае, нейтральный НТП оценивается в (5) как свободный член, описывая, соответственно, часть темпа прироста ВРП, обусловленную другими источниками, помимо затрат капитала и труда. В (5) добавлялись независимые переменные, характеризующие торговые взаимодействия региона с отечественным и зарубежным рынками, которые не имели тесной корреляции как между собой, так и с другими факторами. В итоге, используя временные ряды приростов соответствующих показателей, были получены статистически значимые оценки факторов экономического роста Хабаровского края для нескольких спецификаций (5) на основе применения метода наименьших квадратов (табл. 3).

По сравнению с Дальним Востоком функция Кобба-Дугласа в темповой записи для Хабаровского края характеризовалась к близкой к постоянной отдаче от масштаба, требуя, соответственно, меньших затрат капитала и труда для поддержания экономического роста региона. В ходе оценки была обнаружена следующая «деталь»: при попытке одновременного включения в (5) параметров торговли региона с отечественным и зарубежным рынками, вклад нейтрального НТП был статистически незначим, ввиду его «вытеснения» переменными, отражающими торговые взаимодействия. Данное обстоятельство указывает на то, что

Таблица 3

Результаты оценки факторов экономического роста Хабаровского края

Наименование переменных	1	2	3	4	5
<i>k</i> – прирост затрат капитала	0,16*** (0,03)	0,13*** (0,03)	0,15*** (0,04)	0,11*** (0,03)	0,11*** (0,03)
<i>l</i> – прирост затрат труда	0,79** (0,35)	0,52* (0,30)	0,64* (0,37)	0,59* (0,30)	0,54* (0,26)
δ – показатель нейтрального НТП	0,014* (0,007)	0,01* (0,006)	0,01* (0,006)	-0,001 (0,01)	-0,002 (0,01)
<i>foreign</i> – прирост торговли с зарубежными странами (в долл.)	–	0,05*** (0,01)	–	–	–
<i>exp</i> – прирост экспорта (в руб.)	–	–	0,02** (0,008)	–	0,02*** (0,02)
<i>imp</i> – прирост импорта (в руб.)	–	–	–	0,05*** (0,01)	0,05** (0,02)
<i>rus</i> – прирост торговли с отечественным рынком	–	–	–	0,05** (0,02)	0,03* (0,02)
Количество наблюдений	22	22	22	22	22
R^2	0,57	0,71	0,63	0,75	0,79
<i>DW</i>	2,35	2,26	2,38	1,64	1,93
<i>F</i> -статистика	13***	15***	10***	13***	12***

Примечания. *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,1$. 1–5 – спецификации зависимости (5).
Источник: оценки автора.

нейтральный НТП для Хабаровского края мог генерироваться преимущественно за счет импортных поставок и торговли с отечественным рынком (спецификация 4). Однако это ограничивает возможность сравнения вклада торговли с отечественным и зарубежными рынками в экономический рост Хабаровского края между спецификами 2–3 и 4. Для корректного соотношения вклада торговли с отечественным и зарубежными рынками в экономический рост региона была проведена дополнительная оценка (спецификация 5, табл. 4), включающая также экспорт.

Производственная функция Кобба-Дугласа в темповой записи может быть непосредственно использована для оценки вклада факторов в темпы прироста рассматриваемой региональной экономики. Соответственно, используя указанные средние темпы прироста затрат капитала и труда, а также зависимой и других независимых переменных, описывающих торговые взаимодействия региона с отечественным и зарубежными рынками, была получена оценка вклада факторов в экономический рост Хабаровского края

для спецификаций (5) (табл. 4).

В рамках анализируемого долгосрочного периода для Хабаровского края среднегодовой темп прироста затрат труда составил 0,1% (для Дальнего Востока в целом он был отрицательным), среднегодовой темп прироста капитала был равен 9,1% (у макрорегиона – больше в 1,7 раза). Из коэффициентов базовой модели Кобба-Дугласа (спецификация 1, табл. 3) следует, что вклад экстенсивных факторов в экономический рост Хабаровского края – капитала и труда составил 1,48 п.п. ($0,16 \cdot 9,1$) и 0,08 п.п. ($0,79 \cdot 0,1$) соответственно. Вклад интенсивного фактора (нейтрального НТП) в экономический рост региона составил 1,4 п.п. Это указывает в целом на экстенсивный характер экономического роста региона, который, тем не менее, опирался на большую отдачу от масштаба по сравнению с макрорегионом в целом.

Следует заметить, что расхождения между оцененными и действительными значениями экономического роста Хабаровского края для всех спецификаций (5) были небольшими. Данные расхождения могут быть обусловлены тем,

Таблица 4

Декомпозиция экономического роста Хабаровского края по факторам, %

Наименование переменных	1	2	3	4	5
Затраты капитала	50,1	38,5	45,5	33,0	31,2
Затраты труда	2,7	1,8	2,2	1,9	1,7
Нейтральный НТП	47,2	37,4	36,4	–	–
Торговля с зарубежными странами	–	22,3	–	–	–
Экспорт	–	–	15,9	–	13,2
Импорт	–	–	–	32,3	32,2
Торговля с отечественным рынком	–	–	–	32,8	21,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Отклонение от действительного значения (п.п. / %)*	0,01 / 0,13	0,01 / 0,2	0,01 / 0,2	0,1 / 4,7	0,2 / 7,0

Примечания. 1–5 – спецификации зависимости (5). * – в п.п. показано отклонение расчетного от действительного значения темпа прироста ВРП в постоянных ценах Хабаровского края за 2000–2021 гг., которое составляло в среднем 2,96% в год; в % отражено отклонение расчетного от действительного (100%) значения.

Источник: оценки автора.

что зависимость, позволяющая разделить вклад факторов экономического роста, является приблизительной. Включение в (5) имеющихся параметров торговли Хабаровского края с отечественным и зарубежным рынками снизило доли экстенсивных факторов и исключило интенсивный фактор (спецификации 4–5). Как было ранее обозначено, при включении в (5) параметров торговли Хабаровского края с отечественным и зарубежным рынками вклад нейтрального НТП был статистически незначим по причине его «вытеснения» импортом и торговлей с отечественным рынком. В этом случае, если отталкиваться от спецификации 5, то можно заключить, что вклад торговли с зарубежным рынком в экономический рост Хабаровского края более чем в два раза ($13,2\% + 32,2\% = 45,4\%$) превышал соответствующий вклад торговли с отечественным рынком (21,8%). При этом обращает на себя внимание заметная роль импорта, вклад которого в экономический рост региона был сравнительно высоким, несмотря на его относительно небольшие объемы. Анализ структуры товарообмена Хабаровского края с рассматриваемыми рынками и полученные оценки указывают на следующий возможный механизм влияния торговли на экономический рост региона: расширение товарооборота с отечественным рынком осуществлялось,

в том числе на основе импорта, используемого в производственном процессе, а экспортные поставки играли, скорее, вспомогательную роль. Из этого следует, что экономический рост Хабаровского края генерировался с одной стороны масштабными капиталовложениями, с другой – торговыми взаимодействиями с отечественным и зарубежным рынками с точки зрения поставок продукции и расширения ввоза и импорта сырьевых, промежуточных и инвестиционных товаров.

Заключение

В отличие от национальной экономики Дальний Восток и Хабаровский край отличались значительными темпами прироста затрат капитала, превзойдя российский показатель в среднем за 2000–2021 гг. почти в 3 и 1,7 раза соответственно. Вследствие этого, в среднем за рассматриваемый период отношение затрат капитала к ВРП макрорегиона и региона было довольно высоким – 29,3% и 26,2% соответственно. Дальний Восток и Хабаровский край также отличались высокой степенью открытости к отечественному и зарубежному рынкам товаров. Обращает на себя внимание заметное положительное сальдо торгового баланса Дальнего Востока и Хабаровского края с зарубежными странами: экспорт макрорегиона и региона превышал импорт в 3,3 и почти в 3 раза соответственно. Бла-

годаря масштабным объемам экспорта, торговля Дальнего Востока с зарубежными странами превосходила товарооборот макрорегиона с отечественным рынком на 40% за рассматриваемый период. В отличие от Дальнего Востока торговые взаимодействия Хабаровского края были преимущественно связаны с отечественным рынком, превосходя более чем в 3 раза товарооборот с зарубежным рынком. Однако, имея такие преимущества, Дальний Восток и Хабаровский край в долгосрочном периоде отставали по темпам роста от национальной экономики.

Оценки производственной функции указали на то, что при прочих равных условиях экономика Дальнего Востока требовала масштабных затрат капитала и труда для поддержания темпов роста. Несмотря на сравнительно невысокие значения эластичности выпуска по капиталу, благодаря высоким темпам его прироста данный фактор обеспечивал более половины прироста экономики Дальнего Востока. Негативное влияние на экономический рост макрорегиона от сокращения численности занятого населения было небольшим, компенсируясь положительным воздействием других факторов. Массовый капитал и нейтральный НТП в целом формировали общую положительную экономическую динамику макрорегиона. Вклад товарооборота с зарубежными странами в экономический рост Дальнего Востока был почти в два раза выше вклада торговли с отечественным рынком – 11,3% и 6% соответственно в отличие от России в целом [Изотов, 2018]. Важное влияние на экономический рост макрорегиона оказывал импорт, превышая вклад экспорта. Массовый экспорт с малой добавленной стоимостью объективно оказывал довольно скромный мультипликационный эффект на экономику макрорегиона, требуя ограниченное количество труда и степени вовлеченности перерабатывающих предприятий в данный процесс. Также вывозные таможенные пошлины, удерживаемые с ряда экспортируемых из макрорегиона сырьевых товаров, направлялись в федеральный бюджет, не аккумулируясь напрямую в экономике Дальнего Вос-

тока. В свою очередь, импорт, который помимо потребительских товаров был представлен продукцией инвестиционного назначения, играл более важную роль для совокупного выпуска Дальнего Востока, позволяя увеличивать конечное потребление, а также способствуя более эффективному расширению производственных фондов по сравнению с условиями «автаркии». Можно предполагать, что расширение торговли макрорегиона с отечественным и зарубежным рынками, прежде всего с КНР, в условиях смещения экономической активности страны на восток может создать условия для поддержания роста экономики Дальнего Востока даже при дедиверсификации его внешнеэкономических связей.

По сравнению с Дальним Востоком в целом, Хабаровский край в долгосрочном периоде требовал пропорционально меньших затрат капитала и труда для поддержания экономического роста. Оценки показали, что влияние интенсивного фактора на экономический рост Хабаровского края нивелировалось факторами, связанными с торговыми взаимодействиями, указывая на то, что данный фактор мог генерироваться преимущественно импортом и торговлей с отечественным рынком. В ходе преобразований было определено, что вклад торговли с зарубежным рынком в экономический рост региона более чем в два раза (45,4%) превышал соответствующий вклад торговли с отечественным рынком (21,8%). Фактически экономический рост Хабаровского края генерировался капиталовложениями и торговлей. Данное обстоятельство указывает на то, что рост экономики региона в целом имел экстенсивный характер при ее значительной открытости. Несмотря на относительно небольшие объемы, заметную роль в экономическом росте Хабаровского края играл импорт. Из этого следует, что при прочих равных условиях снижение барьеров для поставок из-за рубежа в регион наукоемких товаров способно позитивно повлиять на ускорение его экономики с точки зрения вывоза продукции переработки в другие регионы, расширения экспорта и потребления.

И Дальний Восток в целом, и Хабаровский край в частности имеют преимущества для роста экономики, используя те ресурсы и возможности, которыми они обладают. Вероятно, проблема заключается в том, имеются ли возможности для использования потенциала Дальнего Востока и Хабаровского края для целей их экономического развития, а в том, при каких условиях это возможно. Следует осознавать, что взаимодействие данных территориально-экономических подсистем с зарубежными странами, основанное на масштабном экспорте, во все не означает создание «эксклюзивных» условий для экономического роста на макрорегиональном и региональном уровнях, поскольку доходы, получаемые от заметных поставок сырья за рубеж, полностью не аккумулируются в экономике Дальнего Востока и Хабаровского края по причине специфики налогообложения и межбюджетных отношений в стране. В таких условиях речь идет скорее о закреплении за Дальним Востоком в целом и за Хабаровским краем в частности роли одного из элементов общенационального механизма по изъятию и централизованному распределению сырьевой, торговой и транспортной ренты, опираясь на создание и расширение соответствующей инфраструктуры. Создание консолидированного макрорегионального рынка как источника экономического роста не может обеспечить его масштабы по причине малого числа потребителей при значительной территориальной удален-

ности регионов друг от друга, что, тем не менее, не отменяет возможности производственной кооперации между регионами юга Дальнего Востока для выпуска продукции, направляемой на внешние рынки. При этом, безусловно, увеличение численности трудоспособного населения могло бы способствовать росту как макрорегиональной, так и региональной экономики. Однако изменить общий тренд оттока населения и снижения его численности не удалось в рамках реализуемых программ как для Дальнего Востока в целом, так и для Хабаровского края в частности. Ожидания массового притока прямых иностранных инвестиций в текущих условиях являются, по всей видимости, довольно далекими от реальности. Данные обстоятельства существенно сужают возможные варианты для ускорения рассматриваемых двух экономик: с одной стороны – масштабные, преимущественно экзогенные, затраты отечественного капитала; с другой – расширение торговых взаимодействий. В таких условиях важными аспектами являются: сохранение и расширение имеющихся ниш экспорта; переключение на альтернативные источники ввоза инвестиционных и инновационных товаров; эксплуатация функции активного «посредника» южными регионами Дальнего Востока между отечественным и зарубежным рынками, осуществляя «перехват» сырьевой и транспортной ренты, проходящей через их территорию, связывающую национальный рынок со странами АТР.

Список источников:

1. Белоусова, А. В. Региональный вывоз в экономике Хабаровского края: шоки и эффекты / отв. ред. А. П. Горюнов; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011. 128 с.
2. Власюк, Л. И., Редько, В. В. Факторы роста экономики Дальнего Востока в 2000–2007 гг. // *Пространственная экономика*. 2010. № 4. С. 32–41. <https://doi.org/10.14530/se.2010.4.032-041>
3. Замков, О. О. Эконометрические методы в макроэкономическом анализе: Курс лекций. М. : ГУ ВШЭ. 2001. 122 с.
4. Изотов, Д. А. Экономический рост и торговля российских регионов // *Пространственная экономика*. 2018. № 4. С. 92–114. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.092-114>
5. Кадочников, С. М., Федюнина, А. А. Динамика экспортной диверсификации в условиях экономического роста: эмпирический анализ для российских регионов 2003–2010 гг. // *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*. 2013. № 5. С. 73–89.

6. Минакир, П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 1016–1029. <https://doi.org/10.17059/2017-4-4>
7. Abendin, S., Duan, P. International trade and economic growth in Africa: The role of the digital economy // Cogent Economics & Finance. 2021. Vol. 9. Issue 1. Pp. 1911767. <https://doi.org/10.1080/23322039.2021.1911767>
8. Bardhan, P., Lewis, S. Models of Growth with Imported Inputs // *Economica*. 1970. Vol. 37. Issue 148. Pp. 373–385 <https://doi.org/10.2307/2551937>
9. Breinlich, H., Ottaviano, G. I. P., Temple, J. R. W. Regional Growth and Regional Decline // *Handbook of Economic Growth*. 2014. Vol. 2B. Pp. 683–779. <https://doi.org/10.1016/b978-0-444-53540-5.00004-5>
10. Gechert, S., Havránek, T., Havránková, Z., Kolcunova, D. Death to the Cobb-Douglas production function / *IMK Working Paper*, 2019. No. 201, Hans-Böckler-Stiftung, Institut für Makroökonomie und Konjunkturforschung (IMK), Düsseldorf. URL: <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:101:1-2019102514155400558300> (дата обращения: 01 июня 2024).
11. González-Pernía, J. L., Peña-Legazkue, I. Export-oriented entrepreneurship and regional economic growth // *Small Business Economics*. 2015. Vol. 45. Issue 3. Pp. 505–522 <https://doi.org/10.1007/s11187-015-9657-x>
12. Iwasaki, I., Sukanuma, K. Foreign direct investment and regional economic development in Russia: an econometric assessment // *Economic Change and Restructuring*. 2015. Vol. 48. Issue 3–4. Pp. 209–255 <https://doi.org/10.1007/s10644-015-9161-y>
13. Kaitila, V. GDP growth in Russia: different capital stock series and the terms of trade // *Post-Communist Economies*. 2016. Vol. 28. Issue 2. Pp. 129–145. <https://doi.org/10.1080/14631377.2015.1124556>
14. Ke, S. Domestic Market Integration and Regional Economic Growth – China’s Recent Experience from 1995–2011 // *The World Development*. 2015. Vol. 66. Pp. 588–597 <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.09.024>
15. Lawal, E. O., Ezeuchenne K. International Trade and Economic Growth in Nigeria // *IOSR Journal of Humanities and Social Science*. 2017. Vol.22. Issue 6. Pp. 35–43 <https://doi.org/10.9790/0837-2206083543>
16. Lewer, J. J., Berg, H. V. How Large Is International Trade’s Effect on Economic Growth? // *Journal of Economic Surveys*. 2003. Vol. 17. Issue 3. Pp. 363–396 <https://doi.org/10.1111/1467-6419.00198>
17. Lucas, R. E. Jr. *Lectures on Economic Growth*. Cambridge, Massachusetts and London, England. Harvard University Press, 2002. 224 p.
18. Marwah, K., Tavakoli A. The effect of foreign capital and imports on economic growth: further evidence from four Asian countries (1970–1998) // *Journal of Asian Economics*. 2004. Vol. 15. Issue 2. Pp. 399–413. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2004.02.008>
19. Sandri, S., Alshyab, N., Ghazo, A. Trade in goods and services and its effect on economic growth – the case of Jordan // *Applied Econometrics and International Development*. 2016. Vol.25. Issue 2. Pp. 113–132. URL: <http://www.usc.es/~economet/reviews/aeid1629.pdf> (дата обращения: 01 июня 2024).
20. Singh, T. Does International Trade Cause Economic Growth? A Survey // *The World Economy*. 2010. Vol.33. Issue 11. Pp.1517–1564. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2010.01243.x>
21. Solow, R. M. Technical Change and the Aggregate Production Function // *The Review of Economics and Statistics*. 1957. Vol. 39. Issue 3. Pp. 312–320. <https://doi.org/10.2307/1926047>
22. Spence, M. *The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World*. Farrar, Straus and Giroux, New York, 2011. 320 p.
23. Wang, Y., Zhang, J., Teng, Y., Zhang, H. Analysis of the Impact of FDI on Economic Growth Based on Cobb-Douglas Production Function // *The Frontiers of Society, Science and Technology*. 2023. Vol. 5. Issue 3. Pp. 111–120. <https://doi.org/10.25236/>

FSST.2023.050318

24. Yao, S., Zhang, Z. Regional Growth in China under Economic Reforms // Journal of Development Studies. 2001. Vol. 38. Issue 2. Pp. 167–186. <https://doi.org/10.1080/00220380412331322301>

25. Zheng, W., Walsh, P.P. Economic growth, urbanization and energy consumption – A provincial level analysis of China // Energy Economics. 2019. Vol. 80. Pp. 153–162. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2019.01.004>

References:

1. Belousova, A. V. Regional Exports in the Khabarovsk Territory Economy: Shocks and Effects / ed. by A. P. Goryunov; Rus. Acad. Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Inst. Khabarovsk: The Khabarovsk Regional Printing House, 2011. 128 p. (in Russ.)

2. Vlasyuk, L. I., Redko, V.V. (2010) Economic Growth Factors of the Russian Far East in 2000–2007 *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], no. 4, pp. 32–41 <https://doi.org/10.14530/se.2010.4.032-041> (in Russ.)

3. Zamkov, O. O. (2001) *Ekonometricheskie metody v makroekonomicheskom analize: Kurs lekcij* [Econometric methods in macroeconomic analysis: Course of lectures]. Moscow: State University Higher School of Economics. 122 p. (In Russ.)

4. Izotov, D. A. (2018) Economic Growth and the Trade of Russian Regions. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], no. 4, pp. 92–114. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.092-114>. (in Russ.).

5. Kadochnikov, S. M., Fedyunina, A. A. (2013) The dynamics of export diversification and economic growth: empirical analysis for Russian regions, 2003–2010. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Ural Federal University. Series: Economics and management], no. 5, pp. 73–89. (in Russ.)

6. Minakir, P. A. (2017). «Turn to the East» Policy: Expectations and Reality. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], vol. 13, no. 4, pp. 1016–1029. <https://doi.org/10.17059/2017-4-4> (in Russ.)

7. Abendin, S., Duan, P. (2021) International trade and economic growth in Africa: The role of the digital economy. *Cogent Economics & Finance*, vol. 9, no. 1, p. 1911767 <https://doi.org/10.1080/23322039.2021.1911767>

8. Bardhan, P., Lewis, S. (1970) Models of Growth with Imported Inputs. *Economica*, vol. 37, no. 148, pp. 373–385 <https://doi.org/10.2307/2551937>

9. Breinlich, H., Ottaviano, G. I. P., Temple, J. R. W. (2014) Regional Growth and Regional Decline. *Handbook of Economic Growth*, vol. 2B, pp. 683–779. <https://doi.org/10.1016/b978-0-444-53540-5.00004-5>

10. Gechert, S., Havránek, T., Havránková, Z., Kolcunova, D. (2019) *Death to the Cobb-Douglas production function* / IMK Working Paper, no. 201, Hans-Böckler-Stiftung, Institut für Makroökonomie und Konjunkturforschung (IMK), Düsseldorf. <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:101:1-2019102514155400558300> (accessed June 01, 2024).

11. González-Pernía, J. L., Peña-Legazkue, I. (2015) Export-oriented entrepreneurship and regional economic growth. *Small Business Economics*, vol. 45, no. 3, pp. 505–522 <https://doi.org/10.1007/s11187-015-9657-x>

12. Iwasaki, I., Suganuma, K. (2015) Foreign direct investment and regional economic development in Russia: an econometric assessment. *Economic Change and Restructuring*, vol. 48, no. 3–4, pp. 209–255. <https://doi.org/10.1007/s10644-015-9161-y>

13. Kaitila, V. (2016) GDP growth in Russia: different capital stock series and the terms of trade. *Post-Communist Economies*, vol. 28, no. 2, pp. 129–145. <https://doi.org/10.1080/14631377.2015.1124556>

14. Ke, S. (2015) Domestic Market Integration and Regional Economic Growth – China’s Recent Experience from 1995–2011. *The World Development*, vol. 66, pp. 588–

597 <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.09.024>

15. Lawal, E. O., Ezeuchenne, K. (2017) International Trade and Economic Growth in Nigeria. *IOSR Journal of Humanities and Social Science*, vol. 22, no. 6, pp. 35–43 <https://doi.org/10.9790/0837-2206083543>

16. Lewer, J. J., Berg, H. V. (2003) How Large Is International Trade's Effect on Economic Growth? *Journal of Economic Surveys*, vol. 17, no. 3, pp. 363–396 <https://doi.org/10.1111/1467-6419.00198>

17. Lucas, R. E. Jr. (2002) *Lectures on Economic Growth*. Cambridge, Massachusetts and London, England. Harvard University Press, 224 p.

18. Marwah, K., Tavakoli, A. (2004) The effect of foreign capital and imports on economic growth: further evidence from four Asian countries (1970–1998). *Journal of Asian Economics*, vol. 15, no. 2, pp. 399–413 <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2004.02.008>

19. Sandri, S., Alshyab, N., Ghazo, A. (2016) Trade in goods and services and its effect on economic growth – the case of Jordan. *Applied Econometrics and International Development*, vol. 25, no. 2, pp. 113–132. <http://www.usc.es/~economet/reviews/aeid1629.pdf> (accessed June 01, 2024).

20. Singh, T. (2010) Does International Trade Cause Economic Growth? A Survey. *The World Economy*, vol. 33, no. 11, pp. 1517–1564 <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2010.01243.x>

21. Solow, R. M. (1957) Technical Change and the Aggregate Production Function. *The Review of Economics and Statistics*, vol. 39, no. 3, pp. 312–320 <https://doi.org/10.2307/1926047>

22. Spence, M. (2011) *The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World*. Farrar, Straus and Giroux, New York. 320 p.

23. Wang, Y., Zhang, J., Teng, Y., Zhang, H. (2023) Analysis of the Impact of FDI on Economic Growth Based on Cobb-Douglas Production Function. *The Frontiers of Society, Science and Technology*, vol. 5, no. 3, pp. 111–120 <https://doi.org/10.25236/FSST.2023.050318>

24. Yao, S., Zhang, Z. (2001) Regional Growth in China under Economic Reforms. *Journal of Development Studies*, vol. 38, no. 2, pp. 167–186 <https://doi.org/10.1080/00220380412331322301>

25. Zheng, W., Walsh, P. P. (2019) Economic growth, urbanization and energy consumption – A provincial level analysis of China. *Energy Economics*, vol. 80, pp. 153–162 <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2019.01.004>

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 18.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 18.06.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Информация об авторе

Д. А. Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

D. A. Izotov – Doctor of Economic Sciences, Leading researcher, the Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья

УДК 332.14:656(571,6)

doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-26-35

Государственная поддержка развития транспорта на современном этапе: влияние на транспортный комплекс Дальнего Востока

Анна Борисовна Бардаль

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

Bardal@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9944-4714>

Аннотация. В статье рассматриваются методы стимулирования государством развития транспорта на современном этапе. В условиях «поворота на Восток» и происходящих с 2022 г. геополитических изменений внешнеторговые потоки России переориентируются с европейского на южное и восточное направления. Это увеличило работу транспортного комплекса Дальнего Востока, обеспечивающего выход России на рынки стран АТР (в первую очередь КНР). Возрастающий масштаб грузовых потоков выявил дисбалансы в работе транспорта и обострил вопрос развития инфраструктуры. Государство разработало систему мер стимулирования развития транспорта. В статье предложена их группировка по объекту воздействия, сегменту рынка, форме регулирования. Показано, что для стимулирования привлечения частных инвестиций в развитие инфраструктуры государство использует различные механизмы: государственно-частное партнерство (ГЧП), инфраструктурные облигации, бюджетные кредиты и пр. В работе представлено применение в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) ГЧП в области транспорта: реализуется 16 проектов, совокупная инвестиционная емкость которых составляет 223,0 млрд руб. Анализ структуры проектов позволил выявить их особенности. С использованием ГЧП реализуются значимые для комплексного развития транспорта макрорегиона проекты, характеризующиеся существенной инвестиционной емкостью и долгим сроком окупаемости. Примерами являются строительство трансграничного автомобильного моста Благовещенск (РФ) – Хэйхэ (КНР), модернизация международного аэропорта «Хабаровск» (Новый) имени Г. И. Невельского. В целом при реализации проектов ГЧП в сфере транспорта ключевая роль остается за государством, степень участия которого усиливается из-за ряда факторов: 1) увеличение числа проектов, в которых концессионером выступают компании общественного сектора (учрежденные государственными органами или корпорациями развития); 2) расширение применяемых механизмов поддержки.

Ключевые слова: Дальний Восток, транспортная инфраструктура, государственно-частное партнерство, транспортные проекты

Для цитирования: Бардаль, А. Б. Государственная поддержка развития транспорта на современном этапе: влияние на транспортный комплекс Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 26–35 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-26-35>

State Support of Transport Development at the Present Stage: Impact on the Transport Complex of the Far East

Anna B. Bardal

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

Bardal@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9944-4714>

Abstract. *The article studies the methods of state stimulation of transport development at the present stage. Under the conditions of the «Turn to the East» and geopolitical changes occurring since 2022, Russia's foreign trade flows are being reoriented from European to southern and eastern directions. This has increased the workload of the Far East transportation complex, which provides Russia's access to the markets of Asia-Pacific Region countries (primarily PRC). The increasing scale of cargo flows revealed imbalances in the operation of transportation and aggravated the issue of infrastructure development. The state has developed a system of measures to stimulate the development of transportation. The article suggests their grouping based on the object of influence, market segment and form of regulation. It has shown that the state uses various mechanisms to stimulate private investment in infrastructure development: public-private partnership (PPP), infrastructure bonds, budget loans, etc. The article presents the application of public-private partnerships (PPP) in the Far Eastern Federal District (FEFD) in the field of transport: 16 projects are being implemented, the total investment capacity of which amounts to 223.0 billion rubles. The analysis of the project structure allowed to identify their peculiarities. PPPs are used to implement projects significant for the integrated development of transport in the macro-region, characterized by a significant investment capacity and a long payback period. Examples of such projects are the construction of the cross-border road bridge Blagoveshchensk (RF) - Heihe (PRC), modernization of the international airport «Khabarovsk» (New) named after G. I. Nevelskoy. In general, when implementing PPP projects in the field of transportation, the key role remains with the state, which degree of participation is increasing due to a number of factors: 1) increase in the number of projects in which public sector companies (established by government agencies or development corporations) act as concessionaire; 2) expansion of support mechanisms applied.*

Keywords: *Far East, transport infrastructure, public-private partnership, transport projects*

For citation: Bardal, A. B. (2024) State Support of Transport Development at the Present Stage: Impact on the Transport Complex of the Far East *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 26–35 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-26-35>

Введение

Транспорт как один из базовых инфраструктурных элементов и ключевых отраслевых комплексов экономики РФ всегда находился в фокусе внимания государства. Изменения внешнеэкономической ситуации и внутренних параметров производства на современном этапе привели к существенной модификации транспортных потоков. Приспособление к новым условиям, формирование адекватного предложения транспортных услуг в разрезе новых маршрутных направле-

ний, видов грузов, сервисов требует времени, а в некоторых случаях и изменения нормативно-правовой оболочки. Таким образом, происходящие на современном этапе внешнеэкономические и внутристрановые процессы актуализируют потребность в оперативных регуляторных импульсах по возникающим в работе транспортного комплекса проблемам.

Дальний Восток в рамках национальной социально-экономической системы представляет собой ресурсно-транзитный регион [Минакир, 2012], что означает не

только преобладание добывающей промышленности и транспорта в структуре выпуска (по итогам 2022 г. для Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) добыча полезных ископаемых составляла 31,9% валовой добавленной стоимости (ВДС), транспортировка и хранение – 10,6%¹), но и характеризует ключевую роль транспортного комплекса ДФО как замыкающего звена в сообщении со странами Северо-Восточной Азии (далее – СВА) в национальной транспортной системе.

Увеличение транзитных по отношению к территории макрорегиона перевозок, наблюдаемое последнее десятилетие и масштабно проявившееся в условиях изменения геополитической ситуации с 2022 г., привело к формированию дисбалансов в работе транспорта (превышение спроса над предложением, отставание провозной способности железнодорожной инфраструктуры от перевалочных мощностей морских портов) и ограничению обслуживания экономических агентов [Бардаль, 2023; Актуализация..., 2023]. Происходящие процессы протекают на фоне увеличения износа основных фондов транспорта ДФО, уровень которого с 2017 г. по 2022 г. вырос на 7,1 п. п. (до 44%)². Возникающие проблемы транспортного обслуживания негативно отражаются на производственном сегменте экономики, следовательно требуют корректировки.

Происходит активизация государственных институциональных воздействий, проявляющихся в дифференцированных формах и применяемых по отношению к разным звеньям транспортного процесса. Цели предпринимаемых усилий состоят в стимулировании развития инфраструктуры, повышении эффективности процесса перевозок и нивелировании возникающих на современном этапе дисбалансов транспортного рынка.

В связи с вышесказанным важным представляется рассмотреть применяе-

мые государством по отношению к развитию транспорта меры, акцентируя при этом внимание на ДФО, т. е. представляя механизмы, влияющие на транспортный комплекс макрорегиона.

Государственная поддержка развития транспорта на современном этапе

К публикациям, содержащим результаты исследований в рамках обозначенной темы, можно отнести работы, посвященные последствиям для транспорта от возросшего санкционного давления и анализу ответных действий государства. Действительно, экономические санкции стран «коллективного запада», масштаб которых значительно возрос с 2022 г., были направлены в т. ч. на транспортный комплекс РФ и сопровождалась ответными реакциями государства (анти-санкционная политика, активная поддержка отдельных видов транспорта и перевозчиков). В ряде работ анализируются векторы, сила санкционного давления в отношении транспорта, а также эффекты предпринимаемых ответных действий. Эксперты в целом приходят к выводу об отсутствии катастрофических последствий санкций для транспорта. Например, Ю. А. Щербанин констатирует стабильность работы грузового сегмента транспортного комплекса страны, сумевшего, несмотря на возникающие проблемы, оперативно отреагировать и изменить логистические маршруты [Щербанин, 2023]³. Влияние санкций на работу автомобильного, железнодорожного, морского видов транспорта проведено М. О. Тураевой: рассмотрены перспективы развития Восточного полигона железных дорог, использование теневого флота и пр. [Тураева, 2023].

В публикациях представлен более глубокий анализ последствий экономических санкций в разрезе отдельных видов транспорта. Так, ситуация в судостроении рассматривается в работе В. В. Дударенко и Л. М. Клячко [Дударенко, 2022], авторы отмечают не только негативный

¹ Валовой региональный продукт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 22.05.2024).

² Степень износа основных фондов. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> (дата обращения: 24.05.2024).

³ Анализ ключевых трендов и перспектив развития отраслей российской промышленности в условиях геополитической турбулентности. URL: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2023/01/ru-trendi-perspektivi-razvitiya-otraslej-promyshlennosti-rossii-analiz-kept.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

эффект введенных ограничений, но и области судостроения и мореплавания, которые могут получить стимул для развития в сложившейся ситуации: Северный морской путь, круизное судоходство и пр. В работе А. А. Фридлянда, С. С. Демина, Н. С. Столярова проанализированы последствия санкционного давления для воздушного транспорта РФ – одного из наиболее пострадавших в силу традиционно высокой доли международных перевозок (резкое снижение которых влияет на финансовые показатели авиакомпаний) и зависимости от мирового рынка самолетостроения [Фридлянд, 2023]. Исследование по аналогичной теме представлено В. Грамолиным, который помимо анализа санкций оценивает потери иностранных перевозчиков, возникающие вследствие действия контрмер со стороны РФ: рост затрат на облет ее территории при ограничении использования воздушного пространства, потери зарубежных лизинговых компаний⁴.

Помимо реакции государства на экономические санкции, на современном этапе предпринимаются меры по регулированию транспортного комплекса, условия функционирования в котором изменяются под действием геополитических процессов. Это направление также находит отражение в публикациях: например, экспертами рассматриваются последствия пересмотра правил доступа к ограниченной инфраструктуре железных дорог [Шербанин, 2022], изменение железнодорожных тарифов [Хусаинов, 2023], стимулирование ускоренного развития инфраструктуры (например, с применением государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) [Адамайтис, 2022]) и пр.

Обобщая используемые меры государственного стимулирования развития

транспорта, можно выделить несколько групп, принимая в качестве основы классификации различные критерии. Так, по объекту воздействия наблюдаются меры, влияющие на: а) процесс перевозки (например, изменение правил доступа к инфраструктуре, тарифы, субсидирование перевозчиков и пр.), б) развитие инфраструктуры (ГЧП, льготное кредитование частных инвесторов), в) производство транспортных средств и оборудования (специальный инвестиционный контракт⁵, субсидирование производителей). При разделении по целевому сегменту рынка влияние может быть оказано на: а) грузовые перевозки, б) пассажирские перевозки. Деление по форме регулирования позволяет выделить меры: а) экономические (тарифы, льготные режимы), б) административные (изменение правил перевозки).

Стимулирование развития транспорта на современном этапе: фокус на Дальний Восток

Практически все регулирующие транспорт воздействия отражаются на функционировании транспортного комплекса востока страны, представляющего собой важное звено национальной системы (табл. 1).

Таким образом, сегодня создана разветвленная система государственной поддержки, направленная на различные звенья (производители транспортных средств, компании-перевозчики, грузоотправители) и этапы (строительство инфраструктуры, перевозка) транспортного процесса. Рассмотрим более подробно применение отдельных механизмов государственного воздействия на развитие транспортной инфраструктуры Дальнего Востока.

Государственно-частное партнерство⁶ является одним из механизмов, приме-

⁴ Грамолин В. Политика санкций западных стран против России и ее влияние на гражданскую авиацию. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sanctions/politika-sanktsiy-zapadnykh-stran-protiv-rossii-i-ee-vliyanie-na-grazhdanskiyu-aviatsiyu/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ Специальный инвестиционный контракт – соглашение между инвестором и государством, целью которого является внедрение современной технологии, позволяющей осуществлять производство продукции, конкурентоспособной на мировом уровне.

⁶ Рассматриваются соглашения, заключенные в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. 11.06.2022). URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/federalnyy_zakon_ot_13_iyulya_2015_g_224_fz.html (дата обращения: 02.06.2024).

Таблица 1

Государственная поддержка развития транспорта

Механизм	Описание, цель (примеры реализации на Дальнем Востоке)
ГЧП	Стимулирование привлечения частных инвестиций в развитие инфраструктуры (автомобильная дорога обход г. Хабаровск)
Дорожные фонды	Содержание, ремонт, реконструкция и строительство автомобильных дорог общего пользования (содержание дорог за счет финансирования дорожных фондов дальневосточных субъектов РФ)
Национальные проекты	Проект «Безопасные качественные дороги»: повышение качества автодорожной сети (ремонт участка автодороги Биробиджан – Ленинское, ремонт ул. Краснореченской в г. Хабаровске) Проект «Модернизация транспортной инфраструктуры» (строительство угольного перегрузочного комплекса в бухте Мучке Хабаровского края, реконструкция объектов аэродромной инфраструктуры аэропорта г. Хабаровска)
Фонд национального благосостояния	Прямое финансирование крупных инфраструктурных проектов через выкуп ценных бумаг инициатора (развитие железнодорожной инфраструктуры Восточного полигона, лизинг воздушных судов для компании «Аврора»)
Инфраструктурное меню	Инфраструктурные бюджетные кредиты: возвратное бюджетное финансирование региональных бюджетов на реализацию инфраструктурных проектов в городах (строительство дороги ул. Совхозная – ул. Трехгорная в г. Хабаровске)
	Специальные казначейские кредиты: возвратное бюджетное финансирование региональных бюджетов на реализацию инфраструктурных проектов (мероприятия в рамках реализации мастер-планов дальневосточных городов)
	Инфраструктурные облигации/облигации специализированных обществ проектного финансирования: привлечение долгосрочного внебюджетного финансирования на развитие инфраструктуры
Косвенные инструменты	Инвестиционный налоговый вычет для предприятий сферы железнодорожного транспорта: компенсация расходов на приобретение и модернизацию основных средств
	Налоговые льготы: освобождение от уплаты налога на имущество (объекты недвижимости) инфраструктуры железнодорожного транспорта
	Льготные кредиты: пополнение оборотных средств системообразующих компаний транспортного комплекса
	Инвестиционная надбавка к тарифу на железнодорожные грузовые перевозки: аккумулирование финансовых средств для развития инфраструктуры железных дорог
	Субсидирование процентных ставок по кредитам: для транспортных компаний – содействие обновлению парка транспортных средств (морские и речные суда, воздушные суда), для производителей – поддержка отечественного производства (грузовые автомобили), для лизинговых компаний – снижение издержек лизингодателей и компенсация финансовой нагрузки авиакомпаний (воздушные суда отечественного производства)
	Субсидирование затрат на перевозку: поддержка перевозок отдельных категорий грузов либо направлений (компенсация недополученных доходов при перевозке топлива на Дальний Восток по железным дорогам по льготным тарифам, компенсация недополученных доходов при использовании льготных тарифов при перевозках в регионы Дальнего Востока по северному морскому пути)
«Зеленые» инвестиции	Финансирование проектов, обеспечивающих снижение негативного воздействия транспорта на окружающую среду (например, обновление парка городского общественного транспорта)
Территория опережающего развития	Строительство за счет государства автодорог для нужд резидентов (дороги внутри площадок ТЕР «Михайловский», ТЕР «Большой Камень»)

Источник: составлено автором по данным [Развитие..., 2023]; Навигатор мер поддержки ГИСП. URL: <https://gisp.gov.ru/nmp/> (дата обращения: 30.05.2024).

няемых дальневосточными субъектами РФ для реализации инвестиционно емких проектов строительства транспортной инфраструктуры [Тарасова, 2021]. Действительно, транспортные проекты представляют лишь 2,3% общего числа проектов ГЧП, реализуемых на Дальнем Востоке, но на них приходится 70,3% общего финансирования [Адамайтис, 2022]. Проекты ДФО в среднем требуют большего финансирования по сравнению с транспортными проектами западных и центральных регионов, что может объясняться как более сложными физико-географическими условиями строительства инфраструктуры, так и удаленностью от производственных баз обеспечения строительного процесса.

При этом применение ГЧП для реализации транспортных проектов в региональном разрезе неравномерно (рис. 1).

Общие инвестиции в рамках 16 транспортных проектов ГЧП на территории ДФО составили почти 223,0 млрд руб. Наиболее капиталоемкий проект реализуется в Республике Саха (Якутия), где в 2020 г. было заключено концессионное соглашение о проектировании и строительстве автомобильной дороги с мостовым переходом через р. Лена в районе г.

Якутска⁷ (табл. 2).

Отметим, что с использованием механизма ГЧП реализуются не крупные по абсолютным параметрам объектов инфраструктуры проекты: например, протяженность построенных в рамках всех описанных выше проектов автомобильных дорог составляет лишь 360 км или 0,3% общей протяженности дорожной сети ДФО. Однако значимость данных проектов проявляется в создании необходимых для развития транспортного комплекса макрорегиона элементов, характеризующихся существенной инвестиционной емкостью и долгим сроком окупаемости инвестиций.

Одним из наиболее ярких примеров может служить строительство автомобильного моста через р. Амур (Благовещенск – Хэйхэ, реализация 2016–2022 гг.). При общей протяженности дорожной сети нового трансграничного перехода около 13,4 км (протяженность моста 1,08 км) сложные гидрологические условия строительства, необходимость координации и взаимодействия международных партнеров и всех участников российской стороны (таможенная, пограничная службы, строительные организации), неопределенность условий, вызванная пандемией

Рис. 1. Структура распределения инвестиционных средств проектов ГЧП в сфере транспорта по субъектам РФ на территории ДФО (2023 г.)⁸.

Источник: составлено автором по данным Росинфра. URL: <https://dpo.rosinfra.ru/base-projects/all> (дата обращения: 02.06.2024).

⁷ Реализуемые проекты концессионных соглашений. Министерство экономики Республики Саха (Якутия). URL: <https://mineconomic.sakha.gov.ru/deyat/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo/realizuemie-proekti-kontsессионnih-soglasheniy> (дата обращения: 02.06.2024).

⁸ Учитывались проекты, находящиеся на этапах прединвестиционных мероприятий, инвестиционных мероприятий и эксплуатации.

Таблица 2

**Проекты развития транспортной инфраструктуры на основе ГЧП,
реализуемые в ДФО**

Субъект РФ	Проект	Инвестиции, млн руб.
Республика Бурятия	Реконструкция автомобильной дороги «Улан-Удэ – Романовка – Чита»	2250,0
Республика Саха (Якутия)	Проектирование, строительство и эксплуатация платной автомобильной дороги «Мостовой переход через р. Лена в районе г. Якутска»	68464,0
Камчатский край	Строительство объектов аэропортового комплекса «Международный аэропорт «Петропавловск-Камчатский» (Елизово)»	9400,0
Хабаровский край	Автомобильная дорога «Обход г. Хабаровск»; модернизация международного аэропорта «Хабаровск» (Новый) имени Г. И. Невельского	41897,6
Амурская область	Строительство автомобильной дороги «Подъезд к г. Свободному от автомобильной дороги «Амур»; строительство трансграничного мостового перехода через реку Амур в районе г. Благовещенска; строительство путепровода через Транссибирскую железную дорогу в п. г. т. Новобурейский; реконструкция автомобильной дороги «Введеновка – Февральск – Экимчан»; создание и реконструкция объектов инфраструктуры международного аэропорта «Благовещенск» (Игнатьево)	24849,7
Магаданская область	Строительство автомобильной дороги в г. Магадане; реконструкция здания аэровокзала аэропорта «Магадан»; строительство морского туристического центра в г. Магадане	18829,3
Сахалинская область	Строительство участка автомобильной дороги в г. Южно-Сахалинске; модернизация международного аэропорта «Южно-Сахалинск» имени А. П. Чехова; строительство многофункционального грузового района морского порта Поронайск	57270,04

Источник: составлено автором по данным Росинфра. URL: <https://dpo.rosinfra.ru/base-projects/all> (дата обращения: 02.06.2024).

COVID-19, существенно затруднили процесс. Использование механизма ГЧП зафиксировало значимость проекта, обеспечило поддержку работ в процессе его реализации со стороны государства.

В результате с 2022 г. по трансграничному автомобильному мосту в Амурской области через грузопассажирский пункт пропуска Кани-Курган (действующий по временной схеме) осуществляются грузовые перевозки (в ограниченном формате до 190 транспортных средств в сутки). Взаимодействие стран по развитию ра-

боты пункта пропуска позволило согласовать увеличение времени его работы (с 2023 г. пункт перешел на круглосуточный режим), расширить номенклатуру допускаемых к перевозке грузов: согласован пропуск самоходной техники из КНР и перевозки ряда опасных веществ из РФ (сжиженных углеводородных газов и др.). По итогам 2023 г. объем перевозок составил 550 тыс. т⁹. Параллельно проходит строительство постоянного пункта пропуска (завершение в 2024 г.), который позволит полностью реализовать

⁹ Грузооборот моста Благовещенск – Хэйхэ составил 900 тыс. т за два года. URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freenews/666bcd269a79477189517e7b> (дата обращения: 01.06.2024).

технические возможности моста, увеличив его пропускную способность до более 800 транспортных средств в сутки (в т. ч. 630 грузовых автомобилей) и объем перевозок до 4 млн т в год.

В целом при реализации проектов ГЧП в сфере транспорта ключевая роль остается за государством, степень участия которого усиливается в силу ряда факторов: 1) увеличение числа проектов, в которых в качестве концессионеров выступают компании общественного сектора (учрежденные государственными органами или корпорациями развития); 2) расширение применяемых механизмов поддержки (см. табл. 1).

На Дальнем Востоке примером государственной поддержки развития транспортной инфраструктуры за пределами ГЧП является строительство Тихоокеанской железной дороги. Это частный проект решения транспортной доступности угольного месторождения Эльга в Республике Саха (Якутия), реализуемый собственником месторождения ООО «ЭльгаУголь» (актив ООО «УК «ЭЛСИ»). Планы развития добычи и экспорта в КНР угля объемом до 30 млн т к 2025 г. не обеспечены провозными возможностями Восточного полигона железных дорог, являющихся лимитирующим звеном при доставке грузов в морские порты Тихоокеанского побережья. Дефицит дорог Восточного полигона вырос после изменения логистических потоков внешней торговли России в азиатском направлении с 2022 г. и достигает по разным оценкам 70 млн т. Для решения проблемы ООО «УК «ЭЛСИ» разработало проект развития инфраструктуры, включающий строительство железной дороги (от месторождения до побережья Охотского моря, протяженностью 531 км) и морского терминала (до 50 млн т в год). Строительство дороги началось в 2022 г., к середине 2024 г. компания сообщила об укладке 450 км полотна¹⁰. Проводятся работы по

строительству морского терминала на мысе Манорский. Начало работы нового транспортного коридора запланировано на 2025 г.

В рамках рассматриваемой темы зафиксируем, что несмотря на отсутствие прямого участия государства в проекте, он осуществляется при поддержке государства; региональные органы власти активно демонстрируют поддержку проекту¹¹.

На фоне имеющегося неоднозначного опыта строительства частными компаниями железных дорог на востоке страны (компания «Мечел» (дорога Улак-Эльга), «Золотое звено» (участок до госграницы Камышовая – Хунчунь)) успешная реализация проекта Тихоокеанской железной дороги может стать важным положительным сигналом при принятии решений об инвестициях в транспортную инфраструктуру частными компаниями.

Заключение

Развитие транспортной инфраструктуры является одним из проблемных сегментов экономики Дальнего Востока. Переориентация логистических потоков в рамках политики «поворот на Восток» привела к росту значимости транспортного комплекса восточного макрорегиона.

Обострившиеся проблемы транспортного комплекса, дефицит инфраструктуры, развитие которой отстает от роста грузопотоков требуют решения. Государство создает различные механизмы стимулирования участия частного бизнеса в развитии инфраструктуры. Одним из наиболее широко применяемых механизмов является ГЧП, позволяющее реализовывать значимые инвестиционно емкие транспортные проекты. В настоящее время на территории ДФО реализуются (этапы преинвестиционных и инвестиционных мероприятия, эксплуатации) 16 проектов ГЧП в сфере транспорта, общая сумма инвестиций составляет 223,0 млрд руб. Участие государства является ключе-

¹⁰ Белов П. Большая часть пути Тихоокеанской железной дороги уложена. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/bolshaya-chast-puti-tikhookeanskoy-zheleznoy-dorogi-ulozhena> (дата обращения: 01.06.2024).

¹¹ Губернатор Хабаровского края периодически посещал стройку, информируя о результатах. См., например, Дегтярев: по Тихоокеанской железной дороге отправлен тестовый тепловоз. URL: <https://ria.ru/20240206/teplovoz-1925613910.html> (дата обращения: 02.06.2024).

вым моментом реализации проектов, т. к. позволяет снизить риски инвестору и обеспечивает поддержку на всех этапах. Использование государством различных механизмов развития транспортной инфраструктуры на территории ДФО не

только позволяет расширить ресурсную базу (финансы, технологии, кадры) для решения ключевых проблем транспортного комплекса макрорегиона, но и формирует позитивные сигналы частному бизнесу.

Список источников:

1. Адамайтис С. А. Проекты государственно-частного партнерства как инструмент развития инфраструктуры Дальнего Востока // Региональные исследования. 2022. № 2. С. 67–77 <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-6>
2. Актуализация транспортной стратегии России как необходимое условие обеспечения экономического прорыва и национальной безопасности страны на этапах геополитического противостояния. Часть I / Под ред. З. Б. Амирова, Л. Б. Аристова, Ю. М. Баженова и др. Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2023.
3. Бардаль А. В. Приоритеты развития транспортного комплекса для обеспечения устойчивости экономики восточных регионов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2023. № 3(74). С. 127–131 <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-3-127-131>
4. Дударенко В. В., Клячко Л. М. Санкции и импортозамещение в судостроительной промышленности // Морской вестник. 2022. № 3(83). С. 10–23.
5. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Региональное сценарное прогнозирование // Федерализм. 2012. № 1. С. 29–44.
6. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / Отв. ред. П. А. Минакир, А. Г. Исаев. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023.
7. Тарасова О. В. Пространственная диалектика государственно-частного партнерства в России // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2(185). С. 130–141 <https://doi.org/10.47711/0868-6351-185-130-141>
8. Тураева М. О. Грузовой транспорт России: некоторые итоги 2022 года // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 3. 2023. С. 45–63 https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_3_45_63
9. Фридлянд А. А., Демин С. С., Столяров Н. С. Влияние санкций на развитие воздушного транспорта России (сетевой анализ и прогноз) // Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса. Т. 2. М.: Инфинити, 2023. С. 16–29.
10. Хусаинов Ф. И. Обзор основных тарифных решений в области грузовых железнодорожных перевозок // Экономика железных дорог. 2023. № 6. С. 44–51.
11. Щербанин Ю. А. Сибирь – Дальний Восток: грузоперевозки в направлении морских портов, влияние внешних факторов // Вопросы новой экономики. 2022. № 2(62). С. 47–58. https://doi.org/10.52170/1994-0556_2022_62_47
12. Щербанин Ю. А. Транспорт России: девять лет экономических санкций // Проблемы прогнозирования. 2023. № 5(200). С. 45–58 <https://doi.org/10.47711/0868-6351-200-45-58>

References:

1. Adamajtis S. A. (2022) Public-private partnership projects as a tool for developing infrastructure in the Far East, *Regional studies*, no. 2, pp. 67–77 (in Russ.) <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-6>
2. Updating Russia's transport strategy as a necessary condition for ensuring an economic breakthrough and national security of the country at the stages of geopolitical confrontation. Part I, Nizhny Novgorod: Volga State University of Water Transport, 2023 (in Russ.)
3. Bardal' A. B. (2023) Priorities for the development of the transport complex to en-

sure the sustainability of the economy of the eastern regions, *Economy of the North-West: problems and development prospects*, no. 3(74), pp. 127–131 (in Russ.) <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-3-127-131>

4. Dudarenko V. V., Klyachko L. M. (2022) Sanctions and import substitution in the shipbuilding industry, *Marine Herald*, no. 3(83), pp. 10–23 (in Russ.)

5. Minakir P. A., Dem'yanenko N. A. (2012) Regional scenario forecasting, *Federalism*, no. 1, pp. 29–44 (in Russ.)

6. Development of large socio-economic systems: Far Eastern macroregion Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2023 (in Russ.)

7. arasova O. V. (2021) Spatial dialectics of public-private partnerships in Russia, *Forecasting problems*, no. 2(185), pp. 130–141 (in Russ.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-185-130-141>

8. Turaeva M. O. (2023) Freight transport in Russia: some results of 2022, *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 3, pp. 45–63 (in Russ.) https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_3_45_63 (In Russ.)

9. Fridlyand A. A., Demin S. S., Stolyarov N. S. (2023) The impact of sanctions on the development of air transport in Russia (network analysis and forecast), *Higher school: scientific research. Materials of the Interuniversity International Congress*, vol. 2. M.: Infinity, pp. 16–29 (in Russ.)

10. Husainov F. I. (2023) Review of the main tariff decisions in the field of freight rail transportation, *Economics of Railways*, no. 6, pp. 44–51 (in Russ.)

11. SHCHerbanin Yu. A. [Siberia – Far East: cargo transportation in the direction of seaports, the influence of external factors] // *Voprosy novoj ekonomiki [Issues of the new economy]*, 2022, no. 2(62), pp. 47–58 (in Russ.) https://doi.org/10.52170/1994-0556_2022_62_47

12. SHCHerbanin YU. A. (2022) Transport in Russia: nine years of economic sanctions, *Forecasting problems*, no. 5(200), pp. 45–58 (in Russ.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-200-45-58>

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 18.06.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 18.06.2024.

Информация об авторе

А. Б. Бардаль – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

A. B. Bardal – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading researcher, the Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья
УДК 314.8(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42

Демографическая динамика Дальнего Востока и ее компоненты: итоги 2014–2023 гг.

Мария Анатольевна Грицко

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Аннотация. *Статья посвящена анализу демографической динамики Дальнего Востока и входящих в его состав субъектов за последнее десятилетие. Показано, что рассматриваемый временной период, несмотря на активные меры со стороны федеральных и региональных властей, направленные на социально-экономическое развитие макрорегиона и улучшение демографической ситуации, характеризовался сохранением нисходящей динамики численности населения. Дана оценка компонентов, определяющих характер демографической динамики. Приведена классификация дальневосточных субъектов по типу демографической динамики и ее компонентов. Показано, что принадлежность дальневосточных субъектов к тому или иному типу демографической динамики достаточно устойчива во времени. Данные демографического прогноза на период до 2046 свидетельствуют, что в перспективе кардинальных изменений в распределении дальневосточных субъектов по характеру демографической динамики не произойдет.*

Ключевые слова: *численность населения, общий прирост, естественное движение, миграционное движение, демографический прогноз, субъект РФ, Дальний Восток*

Для цитирования: Грицко, М. А. Демографическая динамика Дальнего Востока и ее компоненты: итоги 2014–2023 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 36–42 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42>

Original article

Demographic dynamics of the Far East and its components: results of 2014–2023

Mariya A. Gritsko

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia
gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Abstract. *The article is devoted to the analysis of demographic dynamics of the Far East and its constituent entities over the past decade. It is shown that the time period under consideration, despite active measures on the part of the federal and regional authorities aimed at the socio-economic development of the macroregion and improving the demographic situation, was characterized by the persistence of downward population dynamics. An assessment is made of the components that determine the nature of demographic dynamics. A classification of Far Eastern subjects according to the type of demographic dynamics and its components is given. It is shown that belonging of the Far-Eastern subjects to one or another type of demographic dynamics is quite stable over time. Demographic forecast data for the period up to 2046 indicate that in the future there will be no fundamental changes in distribution of the Far-Eastern subjects according to the nature of demographic dynamics.*

Keywords: Population, overall growth, natural movement, migration movement, demographic forecast, subject of the Russian Federation, Far East

For citation: Gritsko, M. A. (2024) Demographic dynamics of the Far East and its components: results of 2014–2023 *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 36–42 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42>

Введение

Важнейшей составляющей социально-экономического развития территориальных образований любого уровня иерархии является демографический фактор, любые изменения которого оказывают влияние практически на все сферы функционирования экономики. Участвуя в экономической деятельности, население, с одной стороны, выступает потребителем и определяет объем конечного спроса, с другой – принимает участие в производстве валового продукта, выступая в качестве рабочей силы [Белоусова, Грицко, 2023; Развитие..., 2023]. Однако демографическое развитие на современном этапе, характеризующееся ежегодным сокращением воспроизводства населения вследствие снижения рождаемости и трансформации возрастной структуры населения, выступает одним из ограничивающих социально-экономическое развитие факторов [Абрамова, 2023; Прокапало

..., 2024, Ильдарханова..., 2022]. Для Дальнего Востока как приоритетного макрорегиона, в отношении которого в последнее десятилетие реализуется политика ускоренного социально-экономического развития, изменение вектора демографических процессов выступает одной из главных стратегических целей.

Демографическая динамика на современном этапе

Официальные данные текущего учета населения, опубликованные Росстатом в марте 2024 года, продемонстрировали сохранение на Дальнем Востоке отрицательной демографической динамики¹. На начало 2024 г. в макрорегионе проживало 7 866,3 тыс. чел. За 2023 г. численность дальневосточников сократилась на 37,5 тыс. человек, а по сравнению с показателем на начало 2014 г. – более чем на 388,5 тыс. чел. (табл. 1).

Ежегодное сокращение населения происходило с разной интенсивностью.

Таблица 1

Численность населения Дальнего Востока, на 1 января, тыс. чел.

Территория	2014	2019	2021	2022	2023	2024
Дальневосточный федеральный округ	8255,0	8096,4	8009,9	7966,6	7903,9	7866,3
Республика Бурятия	972,8	979,5	981,0	978,0	974,6	971,9
Республика Саха (Якутия)	956,2	971,4	987,3	997,8	997,6	1001,7
Забайкальский край	1078,8	1035,1	1014,7	1000,5	992,4	984,4
Камчатский край	314,3	299,9	293,3	292,6	288,7	288,9
Приморский край	1932,6	1886,3	1858,2	1842,0	1820,1	1806,4
Хабаровский край	1337,5	1316,7	1295,1	1292,8	1284,1	1278,1
Амурская область	808,7	786,6	773,7	763,6	756,2	750,1
Магаданская область	149,8	139,9	137,3	135,9	134,3	133,4
Сахалинская область	485,4	476,2	469,3	466,0	460,5	457,6
Еврейская автономная область	169,0	156,7	152,6	149,6	147,5	145,8
Чукотский автономный округ	49,9	48,1	47,6	47,9	47,8	48,0

Источник: Численность постоянного населения на 1 января. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: май 2024 г.)

¹ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. и в среднем за 2023 г. и компоненты ее изменения. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: май 2024).

Самые высокие показатели общей убыли населения на протяжении рассматриваемого периода фиксировались в 2018 г. и 2020–2022 гг. Уменьшение численности населения макрорегиона на 44,6 тыс. чел. за 2018 г. было обусловлено сокращением естественного прироста населения при сохранении миграционного сальдо на уровне более 40 тыс. чел. в год. Если до этого результативность естественного движения населения оставалась в положительной плоскости и частично компенсировала демографические потери вследствие превышения миграционного оттока населения над его притоком в макрорегион, то в 2018 г. она опустилась в зону отрицательных значений. В период 2020–2022 гг. высокие показатели сокращения населения были обусловлены воздействиями факторов шоковой природы: пандемия новой коронавирусной инфекции, активная фаза распространения которой пришлась на 2020–2021 гг., а также обострение геополитической ситуации в начале 2022 г., частичная мобилизация и миграционный отток населения [Грицко, 2023]. В этот период отрицательный демографический тренд фиксировался в десяти дальневосточных субъектах. Единственным регионом с положительной динамикой населения стала Республика Саха (Якутия), которой удалось сохранить прирост на-

селения даже в шоковые периоды. Среди регионов, потерявших население за рассматриваемый период, наиболее высокий темп сокращения относительно 2014 г. был отмечен в Магаданской и Еврейской автономной областях, на 11% и 14% соответственно.

На протяжении рассматриваемого периода вклад основных компонент в общее сокращение населения Дальнего Востока различался. Рисунок 1 наглядно иллюстрирует, что естественный прирост населения в 2014–2016 гг., несмотря на тенденцию к сокращению, позволял сохранять ежегодные показатели общей убыли населения практически на неизменном уровне (чуть более 26 тыс. человек в среднем за год). С 2018 г. результативность естественного и миграционного движения стала отрицательной и привела к увеличению общей убыли населения. А с 2020 г. резкий рост смертности населения вследствие новой коронавирусной инфекции и ее последствий впервые за все время, начиная с 1991 г., привел к тому, что масштаб естественных потерь населения превысил миграционные.

Компоненты демографической динамики дальневосточных субъектов

Изменение численности населения зависит от соотношения основных показателей воспроизводства населения (рождаемости и смертности), а также

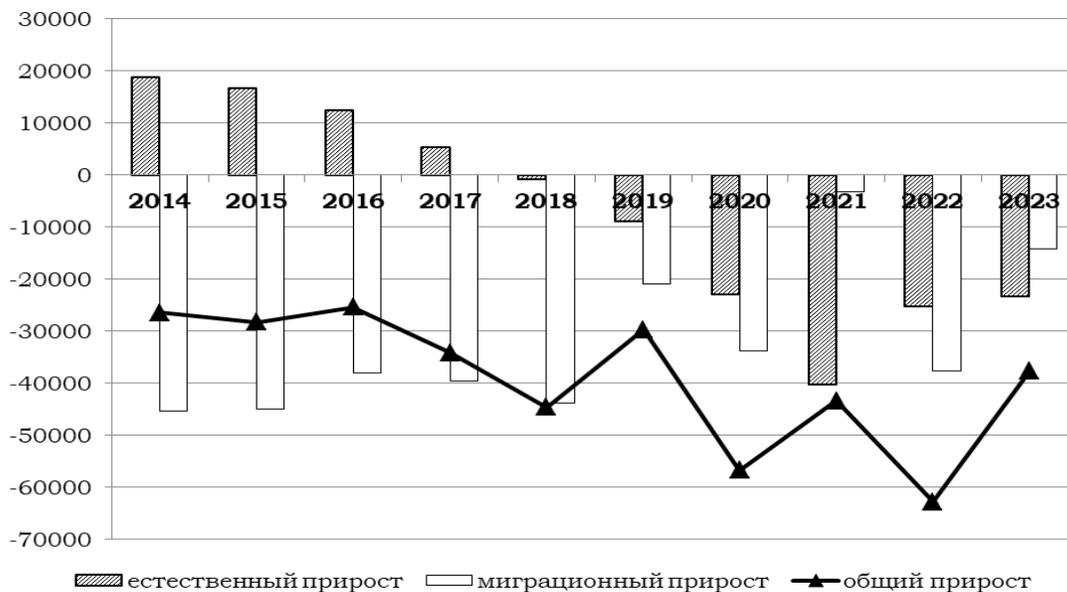

Рис. 1. Компоненты демографической динамики Дальнего Востока, чел.

миграции [Рыбаковский, 2023]. Разнообразии результативности демографических процессов позволяет выделить два типа демографической динамики.

Первая, восходящая, характеризуется ростом численности населения и может быть следствием трех вариантов соотношения между основными компонентами демографической динамики:

положительный естественный и миграционный прирост;

положительный естественный прирост, превышающий миграционную убыль;

положительный миграционный прирост, превышающий естественную убыль.

Формирование второго типа демографической динамики, нисходящего, может быть обусловлено следующими вариантами:

отрицательный естественный и миграционный прирост;

положительный естественный прирост, не компенсирующий миграционную убыль;

положительный миграционный прирост, не компенсирующий естественную убыль.

Следует отметить, что теоретически возможным является нулевой прирост населения, характеризуемый неизменной численностью населения в результате нулевых значений естественного и миграционного прироста, либо совпадения по масштабу естественного прироста и миграционной убыли и, наоборот,

миграционного прироста и естественной убыли. Подобный вариант демографической динамики в реальной жизни имеет крайне низкую вероятность достижения в силу огромного числа факторов, определяющих направленность естественных и миграционных процессов. Вероятно, нулевой прирост численности населения может использоваться при моделировании социально-экономических процессов и определении возможных сценариев развития при сохранении на неизменном уровне количественных параметров демографических ресурсов.

Распределение субъектов Дальневосточного федерального округа по типам демографической динамики показывает, что на протяжении последнего десятилетия количество регионов, характеризующихся ростом численности населения, остается практически неизменным. Период 2014–2018 гг. характеризовался относительной стабильностью, в число регионов с восходящей динамикой населения ежегодно входило две дальневосточные территории. В последующие годы отмечалась волнообразная динамика: в предпандемийный 2019 г. число субъектов увеличилось до трех, в период активного распространения коронавируса в 2020–2021 гг. составило 1 и 2 соответственно. В 2022 г. на территории дальневосточного макрорегиона не было ни одного субъекта с положительной динамикой численности населения, а в 2023 г. их число составило три (табл. 2).

Таблица 2

Распределение дальневосточных субъектов по компонентам демографической динамики, ед.

Тип динамики	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Восходящая динамика	2	2	2	2	2	3	1	2	0	3
ЕП+МП	0	0	0	1	1	3	1	1	0	2
ЕП > МУ	2	2	2	1	1	0	0	0	0	0
МП > ЕУ	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Нисходящая динамика	9	9	9	9	9	8	10	9	11	8
ЕУ + МУ	3	3	4	5	7	8	8	7	11	8
ЕП < МУ	6	6	5	4	2	0	2	0	0	0
МП < ЕУ	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0

Примечание: ЕП – естественный прирост, МП – миграционный прирост, ЕУ – естественная убыль, МУ – миграционная убыль.

Источник: составлено автором по данным ЕМИСС: Общий прирост населения. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31272>; Естественный прирост за год. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31018> (дата обращения: май 2024 г.)

Следует отметить, что среди субъектов, в разные годы вошедших в группу регионов с восходящей динамикой, самое устойчивое положение занимала Республика Саха (Якутия). Во все периоды, за исключением 2022 г., этот регион демонстрировал положительный прирост населения, который сохранялся, в том числе и в период шоковых воздействий. Увеличение численности населения в этом субъекте было следствием высокой результативности естественного движения. В 2014–2018 гг. естественный прирост населения превышал демографические потери вследствие миграции. В 2019–2021 гг. и 2023 г. рост населения был обусловлен положительным сальдо естественного и миграционного движения.

Помимо Республики Саха (Якутия) в число субъектов с положительным приростом населения входила Республика Бурятия (в 2014–2016 гг. и 2019 г.), Камчатский край (2023 г.), Сахалинская область (2017 г.) и Чукотский автономный округ (2018–2019 гг., 2021 г. и 2023 г.). В большинстве случаев увеличение численности населения в этих регионах было обусловлено положительным естественным приростом, превышающим миграционную убыль, либо одновременным ростом естественной и миграционной компоненты. Только в 2021 г. (Чукотский автономный округ) и 2023 г. (Камчатский край) миграционный прирост превысил естественную убыль, обеспечив рост населения в этих регионах.

Большая же часть регионов Дальнего Востока относится к субъектам с нисходящей демографической динамикой. В 2014–2016 гг. наиболее распространенным вариантом было сочетание естественного прироста и миграционной убыли при более высоких масштабах последней. В последующие годы сокращение населения в большинстве субъектов было следствием одновременного отрицательного вклада естественной и миграционной компоненты. Только в 2021 г. в двух дальневосточных регионах (Камчатский и Хабаровский края) был зафиксирован миграционный прирост, только частично покрывший естественную убыль.

Среди дальневосточных субъектов,

численность населения которых ежегодно сокращалась, наиболее устойчивое положение занимали три региона: Приморский край, Амурская и Еврейская автономная области. На протяжении всего анализируемого периода результативность естественного и миграционного движения на этих территориях оставалась в отрицательной плоскости.

Представленное распределение дальневосточных субъектов по типам демографической динамики характеризуется достаточно устойчивой во времени картиной. Положительная динамика отмечалась, прежде всего, в республиках, отличающихся более высоким уровнем рождаемости в силу национальных особенностей, и, как в случае Республики Саха (Якутия), активными мерами региональной политики по стимулированию рождаемости, снижению смертности и повышению продолжительности жизни [Грицко, 2023]. Кроме этого, положительную роль для обеспечения миграционного прироста населения в субъектах с восходящей динамикой сыграла их сырьевая специализация и реализуемые в них проекты, требующие привлечения дополнительной рабочей силы на условиях вахтовой и временной занятости.

Основываясь на данных демографического прогноза Росстата на период до 2046 г. можно сделать вывод, что существующее распределение субъектов Дальнего Востока по направленности демографических процессов сохранится и в перспективе². В соответствии со средним вариантом прогноза ожидается сокращение населения макрорегиона на 487 тыс. чел. или на 6,2% относительно уровня 2024 г. В региональном разрезе положительный демографический тренд прогнозируется только для трех субъектов: Республики Саха (Якутия), Камчатского края и Чукотского автономного округа, которые входили в число регионов с восходящей динамикой в исследуемый период.

Заключение

Результативность демографических процессов на Дальнем Востоке, несмотря на проводимую политику в отношении макрорегиона, реализацию мероприятий, направленных на достижение

² Предположительная численность населения. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36727> (дата обращения: май 2024 г.)

хотя бы простого воспроизводства населения и сокращение миграционного оттока, остается инвариантна к предпринимаемым усилиям [Белоусова, Грицко, 2022; Белоусова, Грицко, 2023; Грицко, 2021]. Фактические результаты, вопреки декларируемым целям, остаются далеко за пределами прогнозных значений, а достижение запланированных параметров требует существенного увеличения ресурсов [Белоусова, 2021; Развитие..., 2021]. Демографическая динамика в исследуемый период находилась под влиянием не только объективных факторов, связанных с неблагоприятными изменениями возрастной структуры населения (снижение численности репродуктивного контингента и, как следствие, падение рождаемости, увеличение численности старшей возрастной группы), но и шоковых воздействий, которые привели

к избыточной смертности населения в текущий момент времени, и сформировали высокую степень неопределенности среди населения в отношении своих перспективных планов [Развитие..., 2023]. Проведенный анализ показал, что даже в условиях действия разного рода ограничений, оказывающих влияние на демографическую динамику, есть успешные примеры субъектов, достигших устойчивых положительных результатов, в особенности в отношении естественной динамики населения. Несмотря на прогнозные ожидания сокращения населения на Дальнем Востоке, распространение на другие регионы действенных механизмов реализации демографической политики с учетом региональной специфики позволит повысить вероятность сглаживания отрицательной демографической динамики и ее компонентов.

Список источников:

1. Абрамова, О. С. Исследование демографических тенденций в региональном аспекте // Экономическая наука современной России. 2023. № 4. С. 39–51. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4\(103\)-39-51](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4(103)-39-51). EDN: ZGONCK
2. Белоусова, А. В. Условия реализации национальной программы развития Дальнего Востока: оценка потребностей в инвестиционных ресурсах // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 6. С. 5–19. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.5>
3. Белоусова, А. В., Грицко, М. А. Демографическая динамика Дальнего Востока России в условиях реализации национальных приоритетов: устойчивые тренды и ограничения роста // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 37–51. DOI: 10.14530/reg.2022.6.37
4. Грицко, М. А. Демографическое развитие Дальнего Востока в условиях шоков 2020–2023 гг. // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 6. С. 161–174. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.6.161>
5. Грицко, М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 36–46. <http://dx.doi.org/10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46>
6. Ильдарханова, Ч. И., Ибрагимова, А. А., Абдульязнов, А. Р. Динамика естественного движения населения как угроза демографической безопасности России // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 3. С. 4–17. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.1; EDN: DOVPTC
7. Прокапало, О. М., Бардаль, А. Б., Исаев, А. Г., Мазитова, М. Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2023 г. // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 2. С. 122–166. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.2.122-166>
8. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / отв. ред. П. А. Минакир, А. Г. Исаев; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 352 с.
9. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П. А. Минакир, С. Н. Найден; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 208 с.

10. Рыбаковский О. Л. Депопуляция в регионах России: итоги за 1992–2022 гг. и компоненты // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 4–17. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1; EDN: ZARKPP

References:

1. Abramova, O. S. (2023) Research in Demographic Trends – the Regional Aspect *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], no. (4), pp. 39–51 (in Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4\(103\)-39-51](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4(103)-39-51). EDN: ZGONCK
2. Belousova, A. V. (2021) Conditions for Implementation of the National Development Program of the Far East: Assessment of Needs for Investment Resources *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 8, no. 6, pp. 5–19 (in Russ.) <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.5>
3. Belousova, A. V., Gritsko, M. A. (2022) Demographic Dynamics of the Russian Far East in the Context of the Implementation of National Priorities: Sustainable Trends and Growth Constraints. *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 9, no. 6, pp. 37–51 (in Russ.) <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.37>
4. Gritsko, M. A. (2023) Demographic Development of the Far East Under Shocks 2020–2023 *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 10, no. 6, pp. 161–174 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.6.161>
5. Gritsko, M. A. (2021) Socio-Demographic Parameters of the Far East of Russia in the Conditions of the Implementation of Documents of Strategic Development *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (95), pp. 36–46 (in Russ.) <http://dx.doi.org/10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46>
6. Ildarkhanova, Ch. I., Ibragimova, A. A., Abdulzhanov, A. R. (2022) Dynamics of the natural movement of the population as a threat to the demographic security of Russia *Narodonaselenie* [Population], vol. 25, no. 3, pp. 4–17 (in Russ.) <http://dx.doi.org/10.19181/population.2022.25.3.1>
7. Prokapalo, O. M., Bardal, A. B., Isaev, A. G., Mazitova, M. G. (2024) Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2023 *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, vol. 20, no. 2, pp. 122–166 (in Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.2.122-166>
8. Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macroregion / Ed. Minakir P. A., Isaev A. G.; Economic Research Institute FEB RAS. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2023. 352 p. (in Russ.)
9. Development of the Economy of the Russian Far East: The Effects of the State Policy / ed. by Minakir P. A., Nayden S. N.; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2021. – 208 p. (in Russ.)
10. Rybakovsky, O. L. (2023) Depopulation in the regions of Russia: results for 1992–2022 and components *Narodonaselenie* [Population], vol. 26, no. 2, pp. 4–17 (in Russ.) <http://dx.doi.org/10.19181/population.2023.26.2.1>

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 05.06.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 05.06.2024.

Информация об авторе

М. А. Грицко – кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

M. A. Gritsko – Candidate of Economics, scientific secretary, the Economic Research Institute of FEB RAS.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 338.22(571.63)

doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-43-50

Региональная система поддержки малого предпринимательства в Приморском крае

Сергей Васильевич Раевский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

svraevsky@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является раскрытие региональной системы поддержки развития малого предпринимательства в Приморском крае. Для достижения указанной цели в статье поставлены и решены следующие задачи: охарактеризованы место и роль малого предпринимательства в современной экономике; выделены в соответствии с действующим законодательством критерии отнесения хозяйствующих субъектов к категории малого предпринимательства; выявлены специфические особенности развития российского малого предпринимательства; показано лидирующее место Приморского края среди регионов Дальневосточного федерального округа по развитию малого предпринимательства; обоснованы проблемы развития малого предпринимательства в регионе. Автором статьи раскрыта система мер, используемых в Приморском крае для поддержки малого предпринимательства. В заключении сделан вывод, что в регионе функционирует целостная система институтов государственной поддержки предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: малый бизнес; субъекты малого предпринимательства; проблемы малого предпринимательства; инструменты развития малого бизнеса

Для цитирования: Раевский, С. В. Региональная система поддержки малого предпринимательства в Приморском крае // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 43–50 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-43-50>

Original article

Regional system of support for small businesses in the Primorsky Territory

Sergey V. Raevskiy

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

svraevsky@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to reveal the regional system of supporting the development of small businesses in the Primorsky Territory. To achieve this goal, the following tasks are set and solved in the article: the place and the role of small business in the modern economy have been characterized; the criteria for classifying business entities as small businesses have been identified in accordance with the current legislation; specific features of the development of Russian small business have been identified; the leading place of the Primorsky Territory among the regions of the Far-

Eastern Federal District in the development of small businesses has been shown; the problems of small business development in the region have been substantiated. The author of the article reveals the system of measures used in the Primorsky Territory to support small businesses. In conclusion, it has been proved that the region has a comprehensive system of institutions for state support of entrepreneurial activity.

Keywords: *small business; small businesses; problems of small business; small business development tools*

For citation: Raevskiy, S. V. (2024) Regional system of support for small businesses in the Primorsky Territory *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 43–50 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-43-50>

Введение

Малый бизнес в современных условиях призван обеспечить создание новых качественных рабочих мест, насытить национальный и мировой рынки товарами и услугами, удовлетворить потребности населения в предпринимательской деятельности и реализации творческого потенциала. За тридцать лет рыночных преобразований российское малое предпринимательство сформировалось как один из важнейших субъектов экономической деятельности, который имеет собственные интересы и особые механизмы их реализации. Вместе с тем малое предпринимательство в России сталкивается с целым рядом проблем, препятствующих его эффективному функционированию и развитию, а именно: нехватка оборотного капитала; сложность кредитования и привлечения инвестиций и т. д.

Позитивный опыт высокоразвитых стран свидетельствует, что формирование малого и среднего предпринимательства – это важное условие эффективного экономического развития. В странах с современной рыночной экономикой институт предпринимательства обеспечивает занятость населения, способствует развитию конкуренции как основы постоянного роста качества выпускаемых товаров и услуг, вносит свой вклад в формирование бюджетов всех уровней.

Критерии отнесения хозяйствующих субъектов к категории малого

предпринимательства

Субъекты малого предпринимательства – это хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели), отнесенные в соответствии с условиями, установленными Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям¹.

Ранее в соответствии с Федеральным законом № 88-ФЗ от 14 июня 1995 г. «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» были установлены два критерия отнесения хозяйствующего субъекта к категории малого предпринимательства:

доля государственной и муниципальной собственности, а также собственности общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов в уставном капитале организации не должна превышать 25%. Дополнительно устанавливалось условие, что у субъектов малого предпринимательства доля, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, в свою очередь не являющимся субъектами малого предпринимательства, также не должна превышать 25%;

средняя численность работников не должна превышать 100 человек; при этом были установлены различные уровни предельной численности с учетом от-

¹ Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/

² Федеральный закон «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» от 14.06.1995 № 88-ФЗ (ред. от 02.02.2006). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6857/55d7aab5823894bf0de4935fb0dd3e7be2979370/

раслевой специфики организации: от 30 человек в розничной торговле и бытовом обслуживании населения и до 100 человек в промышленности, строительстве и на транспорте².

Субъектами малого предпринимательства в соответствии с законодательством также являются физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица.

Федеральным законом от 29.06.2015 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» установлены три критерия, которым должен соответствовать хозяйствующий субъект, чтобы быть отнесенным к категории малого предпринимательства:

«доля участия в уставном капитале субъекта предпринимательства других лиц и организаций;

средняя численность работников;

размер выручки от реализации товаров (работ, услуг)»³.

Порог участия иностранных юридических лиц, а также российских организаций, не являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, в уставном (складочном) капитале субъектов малого и среднего предпринимательства был увеличен с 25% до 49%. При этом требования по доле участия в основном капитале остальных субъектов сохранены на уровне 25%. В Законе в составе малых предприятий была выделена группа микропредприятий со средней численностью персонала до 15 человек.

Специфические особенности развития российского малого предпринимательства заключаются в следующем:

как самостоятельный субъект экономики малое предпринимательство в России имеет более скромный, по сравнению с развитыми странами, исторический опыт развития;

стремительный рост малых предприятий в период начала рыночных реформ

сменился стабилизацией их состава и отраслевой принадлежности;

наиболее динамично развиваются микропредприятия, что обусловлено более низкими затратами на открытие и функционирование данного вида предпринимательской деятельности.

Малое предпринимательство вносит вклад в развитие различных отраслей национальной экономики. Так в развитых странах, в частности в странах Европы и США, оно преимущественно развивается в секторе оказания бизнес-услуг: коммуникационных, информационных, финансовых, консультационных и др. В России же малое предпринимательство в основном сконцентрировано в потребительском секторе национальной экономики.

Статус предпринимателя позволяет реализовать целый спектр личных потребностей человека, в частности повысить его роль в обществе, помочь добиться признания, достичь финансового успеха, обеспечить независимость и условия для самореализации. Удовлетворение указанных потребностей является важнейшей компонентой качества жизни населения, позитивного субъективного восприятия индивидом условий своей жизнедеятельности. Результатом данных процессов является формирование среднего класса, выступающего базисом социальной и политической стабильности в обществе.

Государство ставит перед малым предпринимательством такие задачи, как содействие инновационному росту и инновационному развитию отраслей, регионов и страны в целом; формирование фундамента среднего класса; повышение уровня и качества жизни населения; обеспечение роста конкурентоспособности собственного бизнеса и, как следствие, глобальной конкурентоспособности Российской Федерации [Акимова, Волков, 2019; Блинов, Бухтиярова, 2016; Желтенков, 2018].

Таким образом, субъекты малого предпринимательства – это «особая группа субъектов хозяйствования, функционирующая под патронажем государства и

³ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 29.06.2015 № 156-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181758/

общества в особом, в специально для них законодательно и организационно созданном благоприятном режиме, соответствующем интересам предпринимателя и общества в целом» [Виленский, 2007].

Малое предпринимательство в Приморском крае

Приморский край относится к группе приоритетных геостратегических территорий Российской Федерации. В настоящее время на территории края производится более 92% плавикового шпата России, более 60% вольфрамовых концентратов, 74% свинца в концентрате, добывается 18% олова России. Приморский край обладает значительными ресурсами как морской, так и пресной воды. Реки края в большинстве своем пригодны для сплава леса; также они выступают источником водоснабжения и гидроэнергии, основой рыбохозяйственного комплекса региона.

Базовыми отраслями, формирующими 80% валового регионального продукта (далее – ВРП), выступают промышленное производство, строительство, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Прибрежное расположение края на протяжении многих лет определяет благоприятные условия для развития рыбной промышленности.

Основу промышленного комплекса региона составляют предприятия по переработке минеральных ресурсов. Продолжает строиться судостроительный комплекс «Звезда». Дополнительный импульс развитию промышленности и всей экономики

Приморского края придает выполнение гособоронзаказа. В крае создается промышленный парк «Большой Камень», объем инвестиций в строительство которого превышает 5 млрд руб. Резиденты парка будут осуществлять деятельность по производству строительных материалов, металлоконструкций, сборке станков и др.

Приморский край является лидером среди регионов Дальневосточного федерального округа по основным показателям развития малого предпринимательства: «на долю региона приходится 28% всех малых предприятий Дальневосточного федерального округа и 40% их оборота»⁴.

Основной сферой деятельности, где отмечается самая высокая концентрация малого бизнеса, выступает торговля, поскольку она требует меньших вложений по сравнению с другими видами деятельности, в частности производственной сферой, и относительно небольшой величины стартового капитала (табл. 1).

Кроме того, развиваются такие виды малого бизнеса в регионе как оказание услуг населению – стоматология, издательское дело, бухгалтерский учет и налоговое консультирование, а также строительные-монтажные работы, ресторанный бизнес.

Увеличение оборота малых предприятий оказывает «положительное влияние на ВРП Приморского края, а также на показатели занятости населения, способствуя снижению уровня социальной напряженности и закреплению населения, прежде всего молодежи, в регионе»⁵.

Таблица 1

Удельный вес малых предприятий в основных экономических показателях Приморского края, %

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021
Оборот предприятий	49.1	46.5	43.7	48.5 ²⁾	40.4
Оборот розничной торговли	26.1	31.1	30.3	31.8	33.1
Оборот общественного питания	40.9	61.1	62.2	43.0	54.0

Источник: Правительство Приморского края. Развитие малого и среднего предпринимательства. URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/smb-and-competition/>

⁴ Правительство Приморского края. Отчет Губернатора Приморского края Олега Кожемяко о деятельности органов исполнительной власти за 2021 год. СТЕНОГРАММА URL: <https://primorsky.ru/news/267905/?ysclid=lcx4iprc12e639168820&>

⁵ Факторы развития малого и среднего предпринимательства на Дальнем Востоке // Общероссийская общественная организация «Опора России». URL: <https://files/5a9c75d2e63cc4.53370574.pdf>

Вместе с тем видна чувствительность данного показателя к экономической динамике страны в целом. Так, в периоды замедления экономической активности в стране, в частности в 2010–2011 гг., 2014–2015 гг., 2019–2020 гг. темп прироста оборота малых предприятий существенно замедлялся, что негативно сказывалось на динамике развития малого бизнеса в регионе.

Основными негативными факторами, влияющими на динамику оборота малых предприятий, являются макроэкономические: снижение курса рубля, ухудшение условий кредитования и др. Другой проблемой, препятствующей развитию малого предпринимательства в Приморском крае, является недостаток свободных денежных ресурсов для ведения бизнеса [Мирошникова, 2019; Подольский, Куцый, Стукова, 2016], хотя показатели обеспеченности материальными внеоборотными активами и оборотными активами за исследуемый период существенно выросли:

материальные внеоборотные активы увеличились почти в 18 раз, причем в период 2017–2021 гг. – в 2 раза;

оборотные активы возросли в 9,5 раза, в том числе за последние пять лет – в 1,6 раза.

Малые предприятия в большей степени нуждаются в финансировании оборотных средств, что обуславливает высокую потребность малого бизнеса в краткосрочных кредитах. Данные исследователей позволяют вести речь о «недостаточности оборотных и основных средств у представителей малого бизнеса, что обуславливает их высокую потребность в привлечении дополнительных источников финансовых ресурсов» [Быковская, Иванова, Сафохина, 2018], в качестве которых, как правило, выступают банковские кредиты и существенно реже – средства венчурных фондов и инвесторов. В период 2009–2021 гг. объем заемных средств, полученных малыми предпринимателями, увеличился более чем в 10 раз и составил 330,5 млрд руб.

Доступ к заемному капиталу для представителей малого бизнеса ограничен большими процентными ставками, высокой частотой отказов в предоставлении кредитов представителям малого и среднего предпринимательства. Проблема еще больше усугубляется существенными объемами теневого сектора, используемого малым бизнесом в целях уменьшения налогообложения [Федоров, 2015]. Следствием указанных процессов является замедление темпов развития малых предприятий в Приморском крае.

Государственной программой «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края на 2020–2027 гг.» определен целевой показатель «численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых», который к 2027 г. должен составить 334,3 тыс. чел.⁶

В целом можно утверждать, что в развитии малого предпринимательства в регионе имеют место положительные тенденции, однако достижению целевого показателя государственной программы могут препятствовать следующие основные проблемы малого предпринимательства:

- 1) высокая стоимость финансово-кредитных ресурсов;
- 2) недостаточность «залогового потенциала» имущества;
- 3) недостаточная эффективность существующих государственных программ в сфере поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Система региональной поддержки малого и среднего предпринимательства Приморского края нацелена на формирование таких условий ведения бизнеса, чтобы регион стал комфортным и привлекательным для создания и развития предпринимательской деятельности. Основные вопросы поддержки малого предпринимательства в Приморском крае раскрыты в региональной программе развития малого и среднего предпринимательства, которая, в свою очередь, является частью государственной про-

⁶ Постановление Администрации Приморского края от 19.12.2019 № 860-па «Об утверждении государственной программы Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края» на 2020–2027 годы». URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW020&n=139328&dst=104398#KunNBTPUZNYl2j8>.

граммы «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края на 2020–2027 гг.».

Наиболее востребованы в настоящее время в Приморском крае меры финансовой поддержки малого бизнеса, а именно «льготное кредитование; выделение субсидий (грантов) на конкурсной основе; компенсация лизинговых платежей; предоставление налоговых льгот в виде налоговых каникул; частичное возмещение процентов по коммерческому кредиту и др.»⁷. По мнению специалистов, «повышению доступности финансовых средств поддержки малого предпринимательства будет способствовать расширение программ кредитования и увеличение объемов предоставления долгосрочных кредитов как представителям малого и среднего предпринимательства, так и всему реальному сектору экономики России. Также на территории региона осуществляются федеральные меры поддержки, в частности реализуются программы Корпорации МСП, Фонда развития Дальнего Востока, Фонда развития промышленности и др.» [Быковская, Иванова, Сафохина, 2018].

Предприниматели могут претендовать на меры федеральной и региональной поддержки, оказываемой в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», ключевыми направлениями которой являются: создание условий для легкого старта и ведения бизнеса; акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства и формирование благоприятных условий для самозанятых граждан.

В Приморском крае сформирована и довольно успешно функционирует инфраструктура поддержки малого предпринимательства, включающая организации, которые оказывают консуль-

ционную помощь предпринимателям по вопросам получения и обслуживания кредитов, налогового законодательства, бухгалтерского учета, а также по широкому кругу вопросов, касающихся ведения предпринимательской деятельности. Это такие организации как Некоммерческая организация «Гарантийный фонд Приморского края» и Автономная некоммерческая организация «Центр поддержки предпринимательства Приморского края».

В Приморском крае реализуются следующие региональные проекты в сфере малого предпринимательства⁸:

- развитие международной кооперации и экспорта в Приморском крае;
- создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации в Приморском крае;
- популяризация предпринимательства;
- акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства;
- расширение доступа субъектов МСП к финансовой поддержке, в том числе к льготному финансированию;
- улучшение условий ведения предпринимательской деятельности.

Таким образом, в регионе функционирует целостная система институтов государственной поддержки предпринимательской деятельности, включающие⁹:

1. Центр поддержки предпринимательства;
2. Центр поддержки экспорта;
3. Центр инноваций социальной сферы.
4. Региональный центр инжиниринга.
5. Представительства на территории муниципальных образований Приморского края;
6. Гарантийный фонд;
7. Фонд развития предпринимательства и промышленности;
8. Коворкинг;
9. Региональный центр компетенций;
10. Фабрика процессов.

⁷ Правительство Приморского края. Развитие малого и среднего предпринимательства. URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/smb-and-competition/>

⁸ Правительство Приморского края. Региональные проекты по развитию МСП. URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/smb-and-competition/regionalnye-proekty-po-razvitiyu-msp.php>

⁹ Портал по поддержке малого и среднего бизнеса Приморского края. Информационный отчет о работе АНО «Центр поддержки предпринимательства Приморского края». URL: <https://mb.primorsky.ru/uploads/attachments/informatsionnyi-otchet-ano-tspp-10-10-2022.635f5a03de0df.pdf>

Список источников:

1. Акимова, О. Е., Волков, С. К. Исследование современного состояния инновационного предпринимательства в России // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 4. С. 733–748 <https://doi.org/10.24891/re.17.4.733>
2. Блинов, А. О., Бухтиярова, Т. И. Государственная стратегия управления развитием малого и среднего предпринимательства // Социум и власть. 2016. № 4(60). С. 108–113 EDN: WXKMWF
3. Быковская, Ю. В., Иванова, Л. Н., Сафохина, Е. А. Малое и среднее предпринимательство в современной России: состояние, проблемы и направления развития // Вестник Евразийской науки. 2018. № 5. Т. 10. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN518.pdf> EDN: YAGDPI
4. Виленский, А. В. Макроэкономические институциональные ограничения развития российского малого предпринимательства: монография. М.: Наука, 2007. 236 с. EDN: QSJSET
5. Власова, Н. Ю., Аванесян, Э. А. Региональные аспекты размещения малых и средних предприятий // Московский экономический журнал. 2020. № 6. С. 829–841. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10443>
6. Горфинкель, В. Я. Инновационное предпринимательство: учебник / под ред. В. Я. Горфинкеля, Т. Г. Попадюк. М.: Издательство Юрайт, 2020. 468 с.
7. Желтенков, А. В. Современные тенденции развития малого и среднего инновационного предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2018. № 2. С. 418–421. EDN: YUJNLB
8. Мирошникова, Т. К. Проблемы и перспективы развития малого бизнеса Приморского края: сборник трудов конференции // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Костанай, 27 мая 2019 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 327–330. <https://doi.org/10.31483/r-32901>
9. Подольский, С. В., Куцый, Н. В., Стукова, В. С. Развитие малого и среднего предпринимательства в Приморском крае как залог эффективного экономического развития региона // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 5. С. 149–161. EDN: WHOREF
10. Федоров, В. А. Проблемы формирования малого и среднего бизнеса в РФ // European research. 2015. № 2. С. 33–35.

References:

1. Akimova, O. E., Volkov, S. K. (2019) Study of the current state of innovative entrepreneurship in Russia *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], vol. 17, no. 4, pp. 733–748 (in Russ.) <https://doi.org/10.24891/re.17.4.733>
2. Blinov, A. O., Bukhtiyarova, T. I. (2016) State strategy for managing the development of small and medium-sized businesses *Sotsium i vlast=Society and Power*, no. 4 (60), pp. 108–113 (in Russ.) EDN: WXKMWF
3. Bykovskaya, Yu. V., Ivanova, L. N., Safokhina, E. A. (2018) Small and medium-sized entrepreneurship in modern Russia: state, problems and directions of development *Vestnik Evraziiskoi nauki* [The Eurasian Scientific Journal], no. 5, vol. 10. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN518.pdf> EDN: YAGDPI
4. Vilensky, A. V. (2007) Macroeconomic institutional restrictions on the development of Russian small business: monograph. M.: Nauka, 236 p. (in Russ.) EDN: QSJSET
5. Vlasova, N. Yu., Avanesyan, E. A. (2020) Regional aspects of the placement of small and medium-sized enterprises *Moskovskii ehkonomicheskii zhurnal* [Moscow Economic Journal], no. 6, pp. 829–841 (in Russ.) <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10443>

6. Gorfinkel, V. Ya. (2020) Innovative entrepreneurship: textbook / ed. V. Ya. Gorfinkel, T. G. Popadyuk. M.: Yurayt Publishing House, 468 p. (in Russ.)
7. Zheltenkov, A. V. (2018) Modern trends in the development of small and medium-sized innovative entrepreneurship *Ehkonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and entrepreneurship], no. 2, pp. 418–421 (in Russ.) EDN: YUJNLB
8. Miroshnikova, T. K. (2019) Problems and prospects for the development of small business in the Primorsky Territory: collection of conference proceedings *Current problems of management, economics and economic security: materials of the International. scientific-practical conf. (Kostanay, May 27, 2019)* [Current problems of management, economics and economic security: materials of the International. scientific-practical conf. (Kostanay, May 27, 2019)]. Cheboksary: Publishing House “Sreda”, pp. 327–330 (in Russ.) <https://doi.org/10.31483/r-32901>
9. Podolsky, S. V., Kutsyy, N. V., Stukova, V. S. (2016) Development of small and medium-sized businesses in the Primorsky Territory as a guarantee of effective economic development of the region *Ehkonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: yesterday, today, tomorrow], no. 5, pp. 149–161 (in Russ.) EDN: WHOREF
10. Fedorov, V. A. (2015) Problems of formation of small and medium-sized businesses in the Russian Federation *European research*, no. 2, pp. 33–35 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 23.05.2024.

Информация об авторе

С. В. Раевский – доктор экономических наук, профессор Института бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

S. V. Raevskiy – Doctor of Economic Sciences, professor, Institute of Business and Business Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Научная статья

УДК 664:004.89

doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-51-63

Искусственный интеллект в реальном секторе экономики (на примере пищевой индустрии)

Алексей Викторович Алешков¹, Василий Алексеевич Синюков², Михаил Вячеславович Ивашкин³

^{1, 2, 3} Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹ aleshkovalexey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3853-4772>

² v.sinukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6266-0088>

³ Ivashkin62@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5558-4619>

Аннотация. В основу оригинального исследования положена гипотеза о неотвратимости внедрения искусственного интеллекта в реальный сектор экономики. Авторы рассматривают нормативно-правовые основы искусственного интеллекта, а также его исторические аспекты. При этом обозначены базовые траектории применения искусственного интеллекта на примере пищевой индустрии – при моделировании и оптимизации пищевых технологий, идентификации, оценке качества и безопасности пищевой продукции. Отмечено, что предпосылкой к внедрению технологий искусственного интеллекта в пищевой индустрии выступает четко наметившийся переход от массового питания к персонализированному, связанный с производством преимущественно комбинированных продуктов сложного ингредиентного и химического состава. Как следствие, технологии искусственного интеллекта позволяют существенно оптимизировать ресурс времени, повысить эффективность и точность совершаемых покупок, способствуют снижению затрат на приобретение продукции и устранению предубеждений при принятии решений, а также предоставляют максимально персонализированные рекомендации при покупке товаров. Результаты исследования включают обзор и анализ трудов российских и зарубежных ученых в области искусственного интеллекта и сфер его применения в пищевой индустрии, а методология исследования базируется на таких теоретических методах научного познания, как сравнение, анализ, систематизация, дедукция, абстракция, обобщение. Также статья раскрывает юридические и концептуальные аспекты искусственного интеллекта и областей его применения, рассматривает перспективные направления дальнейшего проникновения искусственного интеллекта в пищевую индустрию. В заключении обобщаются преимущества и возможности использования искусственного интеллекта по всей цепочке прослеживаемости пищевой продукции, использования его для анализа цифрового профиля при установлении аутентичности и идентификации пищевой продукции.

Ключевые слова: реальный сектор экономики, искусственный интеллект, нейросеть, пищевая индустрия

Для цитирования: Алешков, А. В., Синюков, В. А., Ивашкин, М. В. Искусственный интеллект в реальном секторе экономики (на примере пищевой индустрии) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 51–63 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-51-63>

Artificial intelligence in the real sector of economy (on the example of the food industry)

Alexey V. Aleshkov¹, Vasily A. Sinyukov², Mikhail V. Ivashkin³

^{1, 2, 3} The Pacific State University, Khabarovsk, Russia

¹ aleshkovalexey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3853-4772>

² v.sinukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6266-0088>

³ Ivashkin62@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5558-4619>

Abstract. *The study is based on the hypothesis that the implementation of artificial intelligence into the real sector of economy is inevitable. The authors consider the regulatory framework of artificial intelligence as well as its historical aspects. The basic trajectories of the artificial intelligence implementation on the example of the food industry (modeling and optimizing food technologies, identification, assessing the quality and safety of food products) are indicated. It was noted that the prerequisite for implementation of artificial intelligence technologies in the food industry is a clearly outlined transition from mass nutrition to personalized, associated with the production of mainly combined products of complex ingredient and chemical composition. Applying of artificial intelligence technologies can significantly optimize the resource of time, increase the efficiency and accuracy of purchases, help reduce the cost of purchasing products, eliminate biases in decision-making, and provide the most personalized recommendations for buying goods. The study results include the analysis of Russian and foreign scientists researches in the field of artificial intelligence and its application in the food industry. The research methodology is based on such theoretical methods as comparison, analysis, systematization, deduction, abstraction, and generalization. The article also reveals legal and conceptual aspects of artificial intelligence application, its advantages and possibilities, considers promising areas for further penetration of artificial intelligence in the food industry.*

Keywords: *real sector of economy, artificial intelligence, neural network, food industry*

For citation: Aleshkov, A. V., Sinyukov, V. A., Ivashkin, M. V. (2024) Artificial intelligence in the real sector of economy (on the example of the food industry) *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 51–63 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-51-63>

Введение

Цифровая трансформация отечественной экономики, включающая переход к передовым цифровым и интеллектуальным производственным технологиям, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, определена одной из важнейших целей развития России.¹ Стратегией научно-

технологического развития Российской Федерации приоритетным обозначено развитие пищевой индустрии в направлении высокопродуктивного и экологически чистого агро- и аквахозяйства, создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания².

Наблюдаемые сегодня явления и процессы позволяют говорить о проникно-

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 08.05.2024 г.).

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. №145. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=1> (дата обращения 29.04.2024 г.).

вении информационных технологий и искусственного интеллекта практически во все ключевые сферы деятельности человека, и индустрия пищевой продукции не является исключением. Поэтому в основу нашего исследования положена рабочая гипотеза о неизбежности и необходимости широкого внедрения технологий искусственного интеллекта в реальный сектор экономики. Данная гипотеза рассмотрена и доказана нами на примере отрасли пищевой индустрии, где широко применяется моделирование и оптимизация пищевых технологий, производится идентификация, оценка качества и безопасности пищевой продукции. Предпосылкой к проникновению искусственного интеллекта в производство пищевой продукции является диверсификация технологий питания в направлении от массового к персонализированному, что сопровождается расширением ассортимента функциональной, комбинированной и специализированной пищевой продукции сложного ингредиентного и химического состава [Алешков, 2023]. Также усложнение технологий и структуры пищевой продукции ведет к необходимости совершенствования методов идентификации и распознавания фальсификации в направлении их автоматизации, ускорения и использования неразрушающего производства контроля.

Под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека³. Ключевым элементом искусственного интеллекта является нейронная сеть, представляющая собой имитирующую работу человеческого мозга компьютерную программу, способную выполнять интеллектуальные и творческие задачи, которые ранее были под силу только человеку. История нейронных сетей начинается в 1944 г. (W. McCullough and W. Pitts, Hardesty L.). При-

стальный интерес у широкой аудитории нейронные сети вызвали в начале 2023 г., в первую очередь благодаря упрощению пользовательского интерфейса и способов коммуникации с пользователем (создание «промптов» – кратких словесных описаний на языке пользователя). Наибольшую массовую известность получили такие нейросети, как ChatGPT, AIVA, Midjourney, Stable Diffusion, Craiyon, IMAGINE, Movavi, Colorize, AutoDraw, Upscale Pics, ru-DALL-E, Bing, Mubert, YandexGPT, Шедеврум, Kandinsky, применяемые для создания и редактирования текста, графики и музыки. По нашему мнению, наблюдаемый за 2023 г. пятикратный рост пользователей нейросетей должен подстегнуть число исследований пропорционально, в том числе для целей производства и оценки качества пищевой продукции.

В рамках нашего исследования способность нейросетей к самообучению дает возможность использования ранее разработанных программных продуктов для решения задач пищевой индустрии в качестве базы для дальнейшего наращивания ассортимента пищевой продукции и номенклатуры технологических процессов. Точность результатов, выдаваемых нейросетями, находится на сопоставимом с расчетными методами уровне. При этом важно, что время, затрачиваемое на процесс, сберегается, приводя к возникновению количественно измеряемого экономического эффекта.

Сегодня существует большое количество предпосылок и определённое количество успешных примеров использования нейросетей в пищевых технологиях. С ростом промышленной автоматизации и Интернета вещей теперь проще собирать данные и контролировать сушку продуктов питания, экструзию, стерилизацию и другие технологические процессы. Использование нейросетей является успешным в решении таких задач пищевой индустрии, как сортировка пищевых продуктов, безопасность, оценка качества, контроль режимов хранения и утилизация [Nayak, 2020], а также вспомогательных процессов, например, логистических,

³ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения 29.04.2024 г.).

маркетинговых, мерчандайзинга.

Условно мы разделили предлагаемый обзор на разделы, связанные с использованием искусственного интеллекта при моделировании и производстве пищевой продукции, ее идентификации и оценке качества и безопасности.

Целью исследования является рассмотрение и анализ существующих технологий искусственного интеллекта в реальном секторе экономики на примере пищевой индустрии при производстве, идентификации, оценке качества и безопасности пищевой продукции.

Материал и методы

Статья представляет собой обзор источников литературы из международных баз и библиотек Scopus, Web of Science, ScienceDirect и рецензируемых журналов из перечня Высшей аттестационной комиссии РФ. В исследовании рассматривались приложения (программное обеспечение) для операционных систем Android, iOS, Windows. Использовались теоретические методы научного познания – сравнение, анализ, систематизация, дедукция, абстракция, обобщение. В приведенных примерах указана точность методики на основе искусственного интеллекта по отношению к стандартизированным методикам, при этом следует понимать, что и результат, полученный по стандартизированной методике, имеет определенную погрешность.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Искусственный интеллект при моделировании пищевой продукции и снижении отходов в пищевой индустрии

В 2007 г. российский исследователь из Северокавказского государственного университета В. В. Садовой первым в России применил нейросеть в пищевых технологиях, разработав концепцию проектирования многокомпонентных мясных продуктов с использованием вторичных ресурсов пищевой индустрии. Основными преимуществами использования нейросети им признаны упрощение и оптимизация результатов исследований технологических процессов, а также возможность прогнози-

рования качественных показателей многокомпонентных мясных продуктов [Садовой, 2007]. Отличительной особенностью диссертационной работы В. В. Садовой стало описание виртуального массива из 3530 рецептов вареных колбасных изделий, отличающихся по трем переменным – уровню замены мяса на костный остаток, длительности и температуре предварительной обработки продукта. Для каждого образца нейросеть спрогнозировала процент выхода, уровень pH, влажность, влагосвязывающую способность фарша, относительную биологическую ценность, перевариваемость белка пепсином и трипсином, балльные значения органолептических показателей и экономический эффект. На основе полученных данных была создана оптимизационная программа и разработана рецептура колбасы вареной, обладающей наилучшими потребительскими свойствами, для выпуска в производство. До сих пор число виртуальных образцов, рассмотренное В. В. Садовой с помощью нейросетей, отечественными исследователями не превзойдено.

Научным коллективом под руководством М. O'Farrell в 2005 г. применена сенсорная система для управления процессом варки в промышленной печи путем идентификации стадии варки. При этом разработанная нейросеть обучилась определять стадию готовности разных продуктов – куриного филе, в том числе гриль, жареных цыплят, маринованных куриных крылышек, колбас, кондитерских изделий [O'Farrell, 2005].

W. Cotrim et al. предложили использовать нейросеть в качестве неразрушающего инструмента для распознавания стадий технологического процесса выпечки хлеба, основанного на изменении цвета хлебной корки. Для обучения и тестирования использовали изображения хлебной корки, распределенные по семи периодам выпечки. Результаты эксперимента показали, что нейросеть смогла правильно распознать и классифицировать стадии выпечки без вмешательства человека [Cotrim, 2021].

R. Kowalski et al. применили нейросеть для прогнозирования дизайна профиля

винта шнека, применяемого в экструдере при производстве пшеничных хлопьев. От профиля винта шнека зависят потребительские свойства получаемой продукции (форма, пористость, влажность и т. д.). Для каждого расчетного профиля винта шнеков и условий экструзии нейросеть предсказала ожидаемые результаты давления, крутящего момента двигателя, удельной механической энергии, коэффициента расширения, водопоглотительной способности и растворимости в воде [Kowalski, 2021].

Текстура является одной из основных характеристик, контролируемых при выходном контроле и приемке йогуртов, однако ее инструментальное определение требует вращающихся реометров – дорогостоящего оборудования, недоступного большинству предприятий молочной индустрии. В исследовании L. Batista et al. были применены искусственные нейронные сети для прогнозирования текстурных свойств йогурта на основе изменений рецептуры и параметров технологического процесса. Обезжиренные йогурты получали при различных параметрах центрифугирования, концентрациях белка и фермента трансаминазы. Разработанные для прогнозирования свойств, полученных при анализе профиля текстуры, тиксотропии и вязкости йогуртов, нейросети смогли предсказать ответы с хорошей аппроксимацией ($R^2 > 0,95$) [Batista, 2021].

Моделированию органолептических показателей рисового жмыха с помощью нейронной сети посвящено исследование S. Kupongsak et al. [Kupongsak S., 2006], а в публикации E. Lewis et al. описан способ классификации спектральных данных от системы датчиков на основе оптических волокон, используемых в пищевой индустрии для мониторинга пищевых продуктов при их приготовлении в крупногабаритных печах непрерывного действия. Датчик отслеживал цвет пищи в режиме онлайн, когда продукт варится, исследуя отраженный свет в видимой области как от поверхности, так и от внутренней части продукта [Lewis, 2008].

Следующим аспектом использования искусственного интеллекта в моделировании пищевых технологий является

изучение содержания эллагитанинов в семенах черной малины и последующая оптимизация ускоренной экстракции эллагитанинов растворителем. Научным коллективом G. Lee et al. в черной малине идентифицировано пятнадцать мономерных и димерных эллагитанинов. Для моделирования процесса экстракции в качестве входных переменных были установлены время экстракции, температура экстракции и концентрация растворителя, а в качестве выходных – общее содержание эллагитанина. Точность полученных результатов находилась на уровне 99,88%. В итоге были рассчитаны оптимальные условия для полной экстракции эллагитанина: концентрация ацетона 63,7%, время 4,21 мин. и температура 43,9° C при фактическом содержании эллагитанина 13,4 мг/г сухого веса [Lee, 2022].

Таким образом, использование искусственного интеллекта позволяет минимизировать расходы на разработку и производство, комплексно подходить к проблеме себестоимости и качества пищевой продукции.

2. Искусственный интеллект для идентификации пищевой продукции, мониторинга и автоматизации процессов производства

Идентификация пищевой продукции требует одновременного рассмотрения большого количества показателей и сравнения их с эталонными или нормативными значениями. На практике бывают ситуации, что даже подготовленные эксперты упускают ряд параметров из виду. Нейросети, хотя и не могут считаться точным инструментом для идентификации, такого недостатка лишены, о чем свидетельствует ряд примеров.

S. Chakravartula et al. предложен способ идентификации кофе спектроскопическим методом с последующим анализом данных с помощью нейросети [Chakravartula, 2022]. Спектроскопия для идентификации кофе применялась и ранее [Метленкин, 2021], однако имеющиеся исследования предполагали интерпретацию полученных результатов с использованием сложного математического аппарата (например, многофакторный анализ по 19 переменным). В

данном случае всю сложность расчетов принимала на себя нейронная сеть, она же сообщает исследователю о результате. Кофе «эспрессо» смешивали с цикорием, ячменем и кукурузой (0–25%) и подвергали спектральному анализу (Фурье-ИК-спектроскопия). Исследование показало, что примененные авторами алгоритмы глубокого обучения могут быть альтернативой стандартным методам при существенном ускорении процедуры обработки данных.

Интересно применение нейронных сетей для идентификации растительных масел. Растительные масла обладают довольно схожими потребительскими свойствами и часто не различаются исключительно по органолептическим показателям, что обуславливает необходимость использования сложных и дорогостоящих методов для распознавания их фальсификации, например хроматографии для анализа жирнокислотного состава. В исследовании C. da Silva et al. предлагается методология идентификации рапсового, подсолнечного, кукурузного и соевого масел различных производителей методом флуоресцентной спектроскопии. Методика способна классифицировать растительное масло и позволяет быстро обучать нейросеть, используя сравнительно мало математических манипуляций, однако пока ее точность находится на уровне 72%, что явно недостаточно для принятия арбитражных решений [Da Silva, 2015].

Существенно более высокого результата в обучении нейросети удалось добиться коллективу исследователей V. Senizza et al. при идентификации нерафинированного (extra virgin) оливкового масла сорта Taggiasca Ligure. В основе методики лежит определение содержания фенолов и стеролов методом масс-спектрометрии высокого разрешения с последующим распознаванием нейросетью. В целом было использовано 408 образцов из трех последовательных сезонов выращивания. Разработанная модель позволила установить маркеры подлинности оливкового масла, среди которых тирозолы, олеуропеины, стильбены, лигнаны, фенольные кислоты и флавоноиды. По данным исследователей, чувствительность

метода составила 100% [Senizza, 2023].

Еще более интересными представляются технологии искусственного интеллекта, предназначенные для пользователей, не обладающих специальными знаниями в области товароведения. Так, в исследовании P. Furtado нейросеть оформлена в виде приложения для смартфона/планшета и обучена, распознавая зрительный образ товара, сообщать информацию о пищевой и энергетической ценности, а также о возможных ограничениях для употребления лицами, страдающими диабетом I типа [Furtado, 2020]. Приложение на основе нейросети, разработанное Chaitanya A. et al. позволяет с 97% точностью идентифицировать более 20 классов пищевых продуктов при наведении на них сканера смартфона. Отдельными элементами приложения при этом выступают модуль генерации этикеток и модуль поиска аналогов сформированной этикетки в интернете [Chaitanya, 2023].

В Индии компания Convolutional Neural Network «научила» нейронную сеть рассчитывать калорийность по внешнему виду блюд. Первичные сведения о блюдах индийской кухни были взяты из общедоступного Интернета с последующей обработкой их фотографий до высокого качества (апскейлинг). После обработки большого количества изображений удалось добиться распознавания блюд индийской кухни с точностью 95,30%, а погрешность в измерении калорийности составила не более 10 ккал к истинному значению, что в большинстве случаев сопоставимо с погрешностью при традиционных измерениях [Sathish, 2022].

Таким образом, ускорение и автоматизация процессов на основе искусственного интеллекта позволяет решать стратегические задачи реального сектора экономики по оптимизации издержек обращения, повышению качества предоставляемых услуг.

3. Применение искусственного интеллекта для оценки качества и безопасности пищевой продукции

Самая существенная область использования искусственного интеллекта в пищевой индустрии связана с оценкой каче-

ства и безопасности пищевой продукции.

В исследовании В. Debska et al. нейросеть успешно справилась с задачей оценки качества пива. Образцы пива одной марки, но с различными датами изготовления, из различных партий контролировались по 12 параметрам (содержание спирта, уровень pH, содержание CO₂ и т. д.). Выборка содержала как отвечающие всем требованиям образцы, так и образцы заведомо неудовлетворительного качества. С помощью искусственного интеллекта все 100% образцов были отнесены к правильной градации качества [Debska, 2011].

Экспертная оценка уксуса с помощью нейросетей представлена в результатах исследования Y. Li et al. Уксус (69 образцов) из 5 видов сырья (рис, сорго и т. д.) анализировали по физико-химическим показателям методом газовой хроматографии, на основе чего была создана система оценки качества и профилограмма аромата. Идентифицировано 17 летучих ароматических соединений, ряд из которых может быть использован в качестве идентификационных маркеров. Точность эксперимента составила 96,7% [Li, 2022].

М. Abbasi-Tarighat et al. описан простой и чувствительный спектрофотометрический метод одновременного определения ионов марганца Mn²⁺ и железа Fe³⁺ в образцах пищевых продуктов, овощей и воды с помощью искусственных нейронных сетей, основанный на комплексообразовании химических соединений пробы с недавно синтезированным лигандом на основе бис-пиразола в виде 4,4'[(4-хлорофенил) метиле] бис (3-метил-1-фенил-1Н-пиразол-5-ол). Было обнаружено, что реакции комплексообразования завершаются при pH 6,7 через 5 мин. после смешивания. Результаты исследования показали, что ионы Mn²⁺ и Fe³⁺ можно определять одновременно в диапазоне 0,20–7,5 и 0,30–9,0 мг/л соответственно. Данные, полученные из смесей ионов металлов, обрабатывались нейронными сетями. Оптимальные условия нейронных сетей были получены регулировкой различных параметров – ме-

тодом проб и ошибок. В рабочих условиях предложенные способы успешно применены для одновременного определения элементов в различных образцах воды, риса, чайных листьев, томатов, капусты и салата [Abbasi-Tarighat, 2013].

N. González-Viveros et al. искусственный интеллект применен для оценки процентного содержания глюкозы, сахарозы и фруктозы в водных растворах, а также в пищевых продуктах (пончики, крупы и печенье). Методика определения включала в себя рамановскую спектроскопию с последующей интерпретацией результатов многофакторным анализом или нейросетью. В этом случае результаты, показанные нейросетью, разочаровали: коэффициент достоверности аппроксимации составил всего 82%, против 93% в случае использования традиционного многофакторного анализа. По нашему мнению, примененный авторами метод рамановской спектроскопии недостаточно отвечает целям определения сахаров в продуктах питания, что и было доказано при использовании нейросети [Gonzalez-Viveros N., 2021]

Маточное молочко пчел богато питательными веществами, но его качество сильно зависит от условий хранения. В исследовании D. Chen et al. с помощью Фурье-ИК-спектроскопии контролировали изменения водорастворимых белков в маточном молочке. Было установлено, что пиковая интенсивность поглощения белка в маточном молочке может изменяться с течением времени, демонстрируя хорошую линейную зависимость между интенсивностью пика амида на определенной длине волны и временем хранения. Также было установлено, что взаимодействие белка с углеводами (реакция Майяра) может быть отражено изменением соотношения значений поглощения на определенных длинах волн, которое будет постепенно увеличиваться в зависимости от температуры и времени. С учетом этого для точного и быстрого определения качества маточного молочка была построена модель, основанная на пока-

⁴ Колониеобразующая единица

зателях химического состава и инфракрасного спектра. Результаты показали, что точность методики поддерживалась на уровне более 95%, что в целом удовлетворяет требованиям неразрушающего быстрого контроля качества маточного молочка [Chen D., 2023].

Отдельные исследования с применением нейросетей направлены на ускоренное обнаружение патогенов в пищевой продукции. Так, споры *Clostridium sporogenes* используются в качестве относительно безопасного аналога *Clostridium botulinum* при проверке термического воздействия и уровня летальности в режимах стерилизации. Обычные способы обнаружения спор требуют много времени и трудоемки. В рамках исследования A. Soni et al. была апробирована возможность визуализации в спектральном диапазоне 547–1701 нм с последующей интерпретацией нейросетью для выявления мертвых и живых форм спор *C. sporogenes* и для оценки концентрации спор на чашках культуральных сред и готового к употреблению картофельного пюре (пищевой матрикс). Нейросеть успешно различала мертвые и живые споры и различные уровни инокулята в диапазоне от 10^2 до 10^6 КОЕ⁴/мл на питательных средах, однако не была эффективна на картофельном пюре. Общая точность исследования не превысила 90–94% [Soni A., 2021].

Таким образом, искусственный интеллект, используемый для оценки качества и безопасности пищевой продукции, гарантирует сокращение времени проведения оценки, расходов на нее и, в большинстве случаев, позволяет не разрушать объект исследования.

Заключение

Таким образом, сегодня основной целью использования искусственного интеллекта в пищевой индустрии ста-

новится экономия времени при моделировании, идентификации, оценке качества и безопасности пищевой продукции. В свою очередь, это приводит к повышению эффективности, особенно экономической, таких процессов. В то же время информация об эффективности технологий искусственного интеллекта в пищевой индустрии в исследованиях из обзора не представлена. С одной стороны, это позволяет предположить отсутствие стремления у исследователей ее рассчитывать, с другой – открывает целое поле для проведения интересных, с научной точки зрения, и актуальных на фоне стратегических задач Российской Федерации экономических исследований.

Другой важный, хотя возможно и неочевидный, положительный эффект от технологий искусственного интеллекта в пищевой индустрии заключается в расширении вовлечения пользователей и потребителей в процесс выбора, идентификации и частично оценки качества пищевой продукции, что ранее было затруднительно сделать без помощи контролирующих органов. По нашему мнению, этот эффект является следствием персонифицированных подходов к построению пищевых рационов потребителей, и в своем генезисе имеет смену парадигм рационального и функционального питания в направлении нутригенетики и нутригеномики.

Таким образом, несмотря на то, что сегодня нейросети не заменяют технологов, лаборантов и оборудование с реактивами, не смогут разработать и предложить новые методики, не всегда гарантируют высокую точность результата, развитие искусственного интеллекта для реального сектора экономики является неотвратимой тенденцией, и это показано нами на примере пищевой индустрии.

Список источников:

1. Алешков, А. В., Ивашкин, М. В., Синюков, В. А. Управление инновациями в пищевой индустрии с использованием нейросетей // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2023. № 4 (71). С. 97–104. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_56751814_10676705.pdf (дата обращения 29.04.2024).
2. Метленкин, Д. А., Платов, Ю. Т., Платова, Р. А. Идентификация кофе в зернах методами Фурье-ИК-спектроскопии и многомерного анализа // Известия высших

учебных заведений. Пищевая технология. 2021. № 5–6 (383–384). С. 92–97 <https://doi.org/10.26297/0579-3009.2021.5-6.17>.

3. Садовой, В. В. Разработка научных принципов проектирования состава и совершенствования технологии многокомпонентных мясных изделий с использованием вторичных ресурсов пищевой промышленности: автореф. дис. д-ра техн. наук: 05.18.04. Ставрополь, 2007. 38 с.

4. Abbasi-Tarighat, M., Shahbazi, E., Niknam, K. (2013) Simultaneous determination of Mn^{2+} and Fe^{3+} as 4,4'[(4-cholorophenyl)methylene] bis(3-methyl-1-phenyl-1H-pyrazol-5-ol) complexes in some foods, vegetable and water samples by artificial neural networks *Food Chemistry*, vol. 138, is. 2–3, pp. 991–997. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2012.09.099>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030881461201549X> (дата обращения 07.07.2023).

5. Batista, L., Marques, C., Pires, A., A. Minim, L., Soares, N., Vidigal, M. (2021) Artificial neural networks modeling of non-fat yogurt texture properties: effect of process conditions and food composition, *Food and Bioprocess Processing*, vol. 126, pp. 164–174 <https://doi.org/10.1016/j.fbp.2021.01.002>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0960308521000043> (дата обращения 07.05.2024).

6. Chakravartula, S., Moschetti, R., Bedini, G., Nardella, M., Massantini, R. (2022) Use of convolutional neural network (CNN) combined with FT-NIR spectroscopy to predict food adulteration: A case study on coffee, *Food Control*, vol. 135 <https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2022.108816>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0956713522000093> (дата обращения 07.07.2023).

7. Cotrim, W. da Silva, Felix, L. B., Minim, V. P. R., Campos R. C., Minim, L. A. (2021) Development of a hybrid system based on convolutional neural networks and support vector machines for recognition and tracking color changes in food during thermal processing *Chemical Engineering Science*, vol. 240, pp. 116679. ISSN 0009-2509. <https://doi.org/10.1016/j.ces.2021.116679>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S000925092100244X> (дата обращения 07.05.2024).

8. Chaitanya, A., Shetty, J., Chiplunkar, P. (2023) Food Image Classification and Data Extraction Using Convolutional Neural Network and Web Crawlers, *Procedia Computer Science*, vol. 218, pp. 143–152. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.12.410>

9. Chen, D., Guo, C., Lu, W., Zhang, C., Xiao, C. (2023) Rapid quantification of royal jelly quality by mid-infrared spectroscopy coupled with backpropagation neural network *Food Chemistry*, vol. 418. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2023.135996> URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814623006131> (дата обращения 07.07.2023).

10. O'Farrell M., Lewis E., Flanagan C., Lyons W., Jackman N. Combining principal component analysis with an artificial neural network to perform online quality assessment of food as it cooks in a large-scale industrial oven. *Sensors and Actuators B: Chemical*. 2005. Volume 107. Issue 1. Pages 104–112. <https://doi.org/10.1016/j.snb.2004.09.050>. Электронный ресурс. Режим доступа <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0925400505000870> (дата обращения 29.04.2024 г.).

11. Dębska, B., Guzowska-Świder, B. (2011) Application of artificial neural network in food classification *Analytica Chimica Acta*, vol. 705, is. 1–2, pp. 283–291 <https://doi.org/10.1016/j.aca.2011.06.033>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0003267011008622> (дата обращения 07.07.2023).

12. Furtado, P., Caldeira, M., Martins, P. (2020) Human Visual System vs Convolution Neural Networks in food recognition task: An empirical comparison // *Computer Vision and Image Understanding*, vol. 191 <https://doi.org/10.1016/j.cviu.2019.102878>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1077314219301675> (дата обращения 07.05.2024).

13. Gonzalez-Viveros, N., Gomez-Gil, P., Castro-Ramos, J., Cerecedo-Nunez, H. (2021) On the estimation of sugars concentrations using Raman spectroscopy and artificial neural

networks *Food Chemistry*, vol. 352. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.129375>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814621003812> (дата обращения 07.07.2023).

14. Kowalski, R., Pietrysiak, E., Ganjyal, G. (2021) Optimizing screw profiles for twin-screw food extrusion processing through genetic algorithms and neural networks, *Journal of Food Engineering*, vol., 303. <https://doi.org/10.1016/j.jfoodeng.2021.110589>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S026087742100114X?via%3Dihub> (дата обращения 07.05.2024).

15. Kupongsak, S., Tan, J. (2006) Application of fuzzy set and neural network techniques in determining food process control set points *Fuzzy Sets and Systems*, vol., 157, is. 9, pp. 1169–1178. <https://doi.org/10.1016/j.fss.2005.12.015>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165011405006123> (дата обращения 07.05.2024).

16. Lee, G., Kim, R., Lim, T., Kim, J., Kim, S., Kim, H., Taek, Hwang K. (2022) Optimization of accelerated solvent extraction of ellagitannins in black raspberry seeds using artificial neural network coupled with genetic algorithm, *Food Chemistry*, vol. 396. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2022.133712>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814622016740> (дата обращения 07.07.2023).

17. Lewis, E., Sheridan, C., O'Farrell, M., Flanagan, C., Kerry, J., Jackman, N. (2008) Optical fibre sensors for assessing food quality in full scale production ovens – a principal component analysis and artificial neural network based approach *Nonlinear Analysis: Hybrid Systems*, vol. 2, is. 1, pp. 51–57 <https://doi.org/10.1016/j.nahs.2006.05.008>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1751570X07000878> (дата обращения 07.05.2024).

18. Li, Y., Fei, C., Mao, C., Ji D., Gong, J., Qin, Y., Qu, L., Zhang, W., Bian, Z., Su, L., Lu, T. (2022) Physicochemical parameters combined flash GC e-nose and artificial neural network for quality and volatile characterization of vinegar with different brewing techniques, *Food Chemistry*, vol. 374. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.131658>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814621026649> (дата обращения 07.07.2023).

19. Nayak, J., Vakula, K., Dinesh, P., Naik, B., Pelusi, D. (2020) Intelligent food processing: Journey from artificial neural network to deep learning, *Computer Science Review*, vol. 38. <https://doi.org/10.1016/j.cosrev.2020.100297>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S157401372030397X> (дата обращения 29.04.2024).

20. Silva, C. E. Tanajura da, Filardi, V. L., Pepe, I. M., Chaves, M. A., Santos, C. M. S. (2015) Classification of food vegetable oils by fluorimetry and artificial neural networks *Food Control*, vol. 47, pp. 86–91. <https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2014.06.030>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0956713514003594> (дата обращения 07.05.2024).

21. Senizza, B., Ganugi, P., Trevisan, M., Lucini, L. (2023) Combining untargeted profiling of phenolics and sterols, supervised multivariate class modelling and artificial neural networks for the origin and authenticity of extra-virgin olive oil: A case study on Taggiasca Ligure, *Food Chemistry*, vol. 404, part A. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2022.134543>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814622025055> (дата обращения 07.07.2023).

22. Sathish, S., Ashwin, S., Quadir, Md., Pavithra, L. (2022) Analysis of Convolutional Neural Networks on Indian food detection and estimation of calories, *Materials Today: Proceedings*, vol. 62, part 7, pp. 4665–4670. <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2022.03.122>

23. Soni, A., Al-Sarayreh, M., Reis, M., Brightwell, G. (2021) Hyperspectral imaging and deep learning for quantification of Clostridium sporogenes spores in food products using 1D-convolutional neural networks and random forest model, *Food Research International*, vol. 147 <https://doi.org/10.1016/j.foodres.2021.110577>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0963996921004762> (дата обращения 07.07.2023).

References:

1. Aleshkov, A. V., Ivashkin, M. V., Sinyukov, V. A. (2023) Innovation management in the food industry using neural networks, *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific national university], no. 4 (71), pp. 97–104 (in Russ.) URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_56751814_10676705.pdf (accessed: 05.02.2024).
2. Metlenkin, D. A., Platov, Yu. T., Platova, R. A. (2021) Identification of coffee beans using Fourier-IR spectroscopy and multidimensional analysis methods *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pishchevaya tekhnologiya* [News of higher educational institutions. Food technology], no. 5–6 (383–384), pp. 92–97 (in Russ.) <https://doi.org/10.26297/0579-3009.2021.5-6.17>.
3. Sadvoy, V. V. (2007) Development of scientific principles for designing the composition and improving the technology of multi-component meat products using secondary resources of the food industry: abstract of thesis. dis. Doctor of Food Science: 05.18.04. Stavropol, 38 p. (in Russ.)
4. Abbasi-Tarighat, M., Shahbazi, E., Niknam, K. (2013) Simultaneous determination of Mn^{2+} and Fe^{3+} as 4,4'[(4-chlorophenyl)methylene] bis(3-methyl-1-phenyl-1H-pyrazol-5-ol) complexes in some foods, vegetable and water samples by artificial neural networks *Food Chemistry*, vol. 138, is. 2–3, pp. 991–997. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2012.09.099>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030881461201549X> (accessed: 07.07.2023).
5. Batista, L., Marques, C., Pires, A., A. Minim, L., Soares, N., Vidigal, M. (2021) Artificial neural networks modeling of non-fat yogurt texture properties: effect of process conditions and food composition, *Food and Bioprocess Processing*, vol. 126, pp. 164–174 <https://doi.org/10.1016/j.fbp.2021.01.002>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0960308521000043> (accessed: 07.05.2024).
6. Chakravartula, S., Moschetti, R., Bedini, G., Nardella, M., Massantini, R. (2022) Use of convolutional neural network (CNN) combined with FT-NIR spectroscopy to predict food adulteration: A case study on coffee, *Food Control*, vol. 135 <https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2022.108816>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0956713522000093> (accessed: 07.07.2023).
7. Cotrim, W. da Silva, Felix, L. B., Minim, V. P. R., Campos R. C., Minim, L. A. (2021) Development of a hybrid system based on convolutional neural networks and support vector machines for recognition and tracking color changes in food during thermal processing *Chemical Engineering Science*, vol. 240, pp. 116679. ISSN 0009-2509. <https://doi.org/10.1016/j.ces.2021.116679>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S000925092100244X> (accessed: 07.05.2024).
8. Chaitanya, A., Shetty, J., Chiplunkar, P. (2023) Food Image Classification and Data Extraction Using Convolutional Neural Network and Web Crawlers, *Procedia Computer Science*, vol. 218, pp. 143–152. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.12.410>
9. Chen, D., Guo, C., Lu, W., Zhang, C., Xiao, C. (2023) Rapid quantification of royal jelly quality by mid-infrared spectroscopy coupled with backpropagation neural network *Food Chemistry*, vol. 418. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2023.135996> URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814623006131> (accessed: 07.07.2023).
10. O'Farrell M., Lewis E., Flanagan C., Lyons W., Jackman N. Combining principal component analysis with an artificial neural network to perform online quality assessment of food as it cooks in a large-scale industrial oven. *Sensors and Actuators B: Chemical*. 2005. Volume 107. Issue 1. Pages 104–112. <https://doi.org/10.1016/j.snb.2004.09.050>. Электронный ресурс. Режим доступа <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0925400505000870> (accessed: 29.04.2024).
11. Dębska, B., Guzowska-Świder, B. (2011) Application of artificial neural network in food classification *Analytica Chimica Acta*, vol. 705, is. 1–2, pp. 283–291 <https://doi.org/10.1016/j.aca.2011.06.033>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/>

pii/S0003267011008622 (accessed: 07.07.2023).

12. Furtado, P., Caldeira, M., Martins, P. (2020) Human Visual System vs Convolution Neural Networks in food recognition task: An empirical comparison // *Computer Vision and Image Understanding*, vol. 191 <https://doi.org/10.1016/j.cviu.2019.102878>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1077314219301675> (accessed: 07.05.2024).

13. Gonzalez-Viveros, N., Gomez-Gil, P., Castro-Ramos, J., Cerecedo-Nunez, H. (2021) On the estimation of sugars concentrations using Raman spectroscopy and artificial neural networks *Food Chemistry*, vol. 352. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.129375>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814621003812> (accessed: 07.07.2023).

14. Kowalski, R., Pietrysiak, E., Ganjyal, G. (2021) Optimizing screw profiles for twin-screw food extrusion processing through genetic algorithms and neural networks, *Journal of Food Engineering*, vol., 303. <https://doi.org/10.1016/j.jfoodeng.2021.110589>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S026087742100114X?via%3Dihub> (accessed: 07.05.2024).

15. Kupongsak, S., Tan, J. (2006) Application of fuzzy set and neural network techniques in determining food process control set points *Fuzzy Sets and Systems*, vol., 157, is. 9, pp. 1169–1178. <https://doi.org/10.1016/j.fss.2005.12.015>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165011405006123> (accessed: 07.05.2024).

16. Lee, G., Kim, R., Lim, T., Kim, J., Kim, S., Kim, H., Taek, Hwang K. (2022) Optimization of accelerated solvent extraction of ellagitannins in black raspberry seeds using artificial neural network coupled with genetic algorithm, *Food Chemistry*, vol. 396. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2022.133712>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814622016740> (accessed: 07.07.2023).

17. Lewis, E., Sheridan, C., O'Farrell, M., Flanagan, C., Kerry, J., Jackman, N. (2008) Optical fibre sensors for assessing food quality in full scale production ovens – a principal component analysis and artificial neural network based approach *Nonlinear Analysis: Hybrid Systems*, vol. 2, is. 1, pp. 51–57 <https://doi.org/10.1016/j.nahs.2006.05.008>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1751570X07000878> (accessed: 07.05.2024).

18. Li, Y., Fei, C., Mao, C., Ji D., Gong, J., Qin, Y., Qu, L., Zhang, W., Bian, Z., Su, L., Lu, T. (2022) Physicochemical parameters combined flash GC e-nose and artificial neural network for quality and volatile characterization of vinegar with different brewing techniques, *Food Chemistry*, vol. 374. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.131658>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814621026649> (accessed: 07.07.2023).

19. Nayak, J., Vakula, K., Dinesh, P., Naik, B., Pelusi, D. (2020) Intelligent food processing: Journey from artificial neural network to deep learning, *Computer Science Review*, vol. 38. <https://doi.org/10.1016/j.cosrev.2020.100297>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S157401372030397X> (accessed: 29.04.2024).

20. Silva, C. E. Tanajura da, Filardi, V. L., Pepe, I. M., Chaves, M. A., Santos, C. M. S. (2015) Classification of food vegetable oils by fluorimetry and artificial neural networks *Food Control*, vol. 47, pp. 86–91. <https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2014.06.030>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0956713514003594> (accessed: 07.05.2024).

21. Senizza, B., Ganugi, P., Trevisan, M., Lucini, L. (2023) Combining untargeted profiling of phenolics and sterols, supervised multivariate class modelling and artificial neural networks for the origin and authenticity of extra-virgin olive oil: A case study on Taggiasca Ligure, *Food Chemistry*, vol. 404, part A. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2022.134543>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308814622025055> (accessed: 07.07.2023).

22. Sathish, S., Ashwin, S., Quadir, Md., Pavithra, L. (2022) Analysis of Convolutional Neural Networks on Indian food detection and estimation of calories, *Materials Today: Pro-*

---

ceedings, vol. 62, part 7, pp. 4665–4670. <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2022.03.122>

23. Soni, A., Al-Sarayreh, M., Reis, M., Brightwell, G. (2021) Hyperspectral imaging and deep learning for quantification of *Clostridium sporogenes* spores in food products using 1D- convolutional neural networks and random forest model, *Food Research International*, vol. 147 <https://doi.org/10.1016/j.foodres.2021.110577>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0963996921004762> (accessed: 07.07.2023).

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted 08.05.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 23.05.2024.

Информация об авторах:

А. В. Алешков – доктор технических наук, доцент, профессор Высшей школы управления природными ресурсами, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»;

В. А. Синюков – кандидат экономических наук, доцент, руководитель Высшей школы менеджмента, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»;

М. В. Ивашкин – доктор экономических наук, профессор, професор Высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».

Information about the authors:

A. V. Aleshkov – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of Natural Resources Management, Pacific State University;

V. A. Sinyukov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Higher School of Management, Pacific State University;

M. V. Ivashkin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the of Media, Communications and Service, Pacific State University.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 005.35

doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-64-72

Экологическая ответственность в комплексе эффективности социального управления научным учреждением

Анжела Михайловна Салогуб¹, Марина Адамовна Арсельгова²

¹ Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

² Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, Республика Ингушетия, Магас, Россия

¹ salogubam@yandex.ru

² marinaarselgova@mail.ru

Аннотация. Авторами аргументируется актуальность развития управления экологической ответственности в комплексе социальной ответственности научных учреждений РФ. Новизна исследования заключается в том, что на сегодняшний день опыт и существующие проблемы внедрения соответствующей деятельности в научных организациях нашей страны практически не исследованы. Публикация опирается на использование общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция), частно-научных методов (контент-анализ, сравнительный анализ, глубинное интервью). Выявлено, что при реализации практической деятельности научные учреждения реализуют определенную нагрузку на экологическую среду, образуют специфические экологические риски. В статье рассмотрен опыт управления экологической ответственностью 98-ми научных учреждений России по материалам сайтов. В ходе проведенного исследования обнаружено, что большинство научных учреждений публикует материалы, которые в той или иной степени характеризуют ответственное отношение к проблемам окружающей среды с учетом реального и потенциального ущерба, наносимого в процессе реализации исследовательской деятельности. Тем не менее специальное оформление экологической политики научного учреждения имеется далеко не в каждой научной организации. На основе анализа российского и международного опыта в публикации представлены основы системного подхода к постановке управления экологической ответственностью в научных учреждениях нашей страны, которые ориентированы на комплексное повышение эффективного социального управления. В заключение авторами делается вывод о том, что интеграция экологической ответственности в эффективное социальное управление научной организацией является важным аспектом устойчивого развития и обеспечения благоприятной окружающей среды. Реализация системного подхода к управлению экологической ответственности в научных учреждениях обеспечивает достижение следующих результатов: сохранение окружающей среды; повышение социального имиджа научных учреждений; повышение качества и результативности научных исследований и разработок; улучшение социального взаимодействия с общественностью и заинтересованными сторонами.

Ключевые слова: социальная ответственность, экологическая ответственность, научные учреждения, социальное управление наукой, ESG-парадигма

Для цитирования: Салогуб, А. М., Арсельгова, М. А. Экологическая ответственность в комплексе эффективности социального управления научным учреждением // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107) С. 64–72. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-64-72>

Environmental responsibility in the context of the effectiveness of social management in the scientific institution

Anzhela M. Salogub¹, Marina A. Arselgova²

¹ The Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

² The Ingush Research Institute of Humanities named after Ch. E. Akhrieva, Republic of Ingushetia, Magas, Russia

¹ salogubam@yandex.ru

² marinaarselgova@mail.ru

Abstract. *In the article the authors prove the relevance of developing environmental responsibility management in the context of social responsibility of scientific institutions in Russia. The novelty of the research lies in the fact that till today the experience and problems of introducing relevant activities in scientific institutions of the Russian Federation have not been properly studied. A complex of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific research methods (comparative analysis, content analysis and in-depth interview) were used in the work. The following results were obtained: it was revealed that in practical activities scientific institutions create a certain burden on the natural environment and their functioning creates specific environmental risks. The authors consider the experience of managing environmental responsibility of 98 scientific institutions in Russia based on website materials. It was established that, on the one hand, most scientific institutions publish materials that in one way or another show a responsible attitude towards environmental problems, including taking into account the real and potential harm caused in the process of research activities. On the other hand, the specific formulation of environmental policy of a scientific institution is still an extremely rare phenomenon. Taking into account the best Russian and international experience, the authors propose the foundations of a systematic approach to establishing environmental responsibility management in Russian scientific institutions, aimed at comprehensively improving the efficiency of social management. In the conclusion it is stated that environmental responsibility, combined with the effectiveness of social management of a scientific institution, is an important aspect of sustainable development and insurance of favorable environment. The introduction of a systematic approach to managing environmental responsibility in scientific institutions allows us to achieve the following results: preservation of the environment; improvement of the scientific institutions' social image; improvement of the quality and effectiveness of scientific research; improvement of social interaction with the public and the stakeholders.*

Keywords: *social responsibility, environmental responsibility, scientific institutions, social management of science, ESG paradigm*

For citation: Salogub, A. M., Arselgova, M. A. (2024) Environmental responsibility in the context of the effectiveness of social management in the scientific institution *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 64–72 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-64-72>

Введение

На сегодняшний день парадигма социальной ответственности постепенно внедряется из коммерческого сектора организационной деятельности, где ранее получила достаточно широкое распространение, в некоммерческую сферу,

в том числе в область научной и исследовательской направленности [Гагарина, Еськова, 2021; Данилова, 2020; Ефимова и Рожнова, 2021; Ростовская, Шабунова, Багирова, 2021].

Важность исследования обусловлена тем, что в условиях изменения климата,

истощения природных ресурсов и угрозы биоразнообразию экологическая ответственность является собой неотъемлемую часть устойчивого развития. Научные учреждения (далее – НУ) играют ключевую роль в разработке и внедрении эффективных технологий (с точки зрения экологии), методов и подходов. [Ясвин, 2020]. В дополнение, научные учреждения оказывают значительное влияние на социум и окружающую среду, поскольку они не только реализуют научные исследования, но и осуществляют образовательные и практические функции. Включение экологической ответственности в управление научным учреждением способствует формированию положительного воздействия на экологию и общество в целом. Также в условиях усиления конкуренции между научными учреждениями для таких организаций крайне важно поддерживать благоприятный имидж, сохранять привлекательность для сотрудников, студентов и потенциальных партнеров. Включение экологической составляющей в комплекс эффективности социального управления научным учреждением способствует не только достижению этих задач, но и привлечению финансовой поддержки, развитию сотрудничества с другими организациями.

Несмотря на развитие практики специализированного управления экологической ответственностью в рамках обеспечения эффективного социального управления в российской коммерческой сфере и в зарубежных исследовательских организациях, на сегодняшний день опыт и проблемы внедрения соответствующей деятельности в научных учреждениях нашей страны практически не исследованы, что и предопределило выбор тематики настоящей публикации и характеризует ее научную новизну и практическую значимость.

Методология исследования

Методология исследования включает в себя комплекс общенаучных методов (синтез, индукция, дедукция) и частнонаучных методов исследования (сравнительный анализ, контент-анализ и глубинное интервью). В целях информационного обеспечения эмпирического исследования современного состояния

управления экологической ответственностью в январе-феврале 2024 г. был проведен контент-анализ материалов официальных сайтов 98-ми некоммерческих научных учреждений Российской Федерации, выбранных методом сплошного включения в выборку при условии нахождения сведений в поисковой системе Яндекс и картографическом сервисе 2ГИС. Для анализа первоначально отобраны официальные сайты первых 100 по порядку выдачи результатов поиска, однако затем список НУ был скорректирован на число ныне не действующих (прекративших существование, как по причине ликвидации, так и ввиду присоединения, реорганизации и т. п.). В ходе контент-анализа проводилась оценка наличия и содержания сведений, характеризующих наличие и специфику социальной и – отдельно – экологической политики учреждения, а также отражения данной политики в организационной миссии, стратегии и структуре управления научным учреждением, планах действий и в публичной отчетности. Материалы контент-анализа публичной информации дополнены сведениями, полученными из глубинных интервью, проведенных с руководителями пяти российских НУ по вопросам отраслевой и организационной практики управления социальной ответственностью.

Результаты

При реализации своей практической деятельности любые научные учреждения формируют определенную нагрузку на окружающую природную среду, а их функционирование образует специфические экологические риски. Обзор релевантной литературы [Асташина и Кемерилова, 2016; Tolley, 1996; Verslycke & Wait, 2016] демонстрирует, что деятельность научных организаций включает в себя следующие экологические проблемы.

1. Энергопотребление. В практической деятельности научных учреждений возникает потребность в использовании большого количества энергии для реализации деятельности лабораторий, эксплуатации оборудования и обеспечения освещения. Использование невозобновляемых источников энергии, таких как уголь или нефть, может способствовать

выбросу парниковых газов и загрязнению воздуха, изменению климата.

2. Управление отходами. Научные исследования часто требуют использования опасных химических веществ, которые могут представлять потенциальную опасность как для окружающей природной среды, так и для общества в целом: неправильная утилизация отходов может привести к дестабилизации экосистемы через загрязнение почвы и воды.

3. Водоснабжение. Реализация научных исследований и экспериментов требует значительных объемов воды для осуществления технических процессов, таких как охлаждение оборудования, поддержание оптимальных условий для роста и развития живых организмов в лабораторных условиях, поддержание влажности в специальных помещениях и т. д. При этом использование воды неэффективным способом способствует истощению водных ресурсов.

4. Риск возникновения катастрофы техногенного характера. В определенных условиях эксплуатация биологически опасных веществ может значительно повысить вероятность возникновения аварийных ситуаций, выбросов в атмосферу и в результате привести к серьезным последствиям как для окружающей среды, так и для общества в целом.

Безусловно, интенсивность экологической нагрузки варьирует в зависимости от типа НУ и направленности исследований. Например, исследовательские институты нефти и газа, химии и др. априори генерируют значительные объемы вредных выбросов в окружающую среду.

Международный опыт свидетельствует [Atkins & McBride, 2023; Gigauri & Vasilev, 2023; Taliento & Netti, 2020] о том, что с начала XXI в. в управленческой парадигме происходит концептуальный сдвиг, направленный на содействие конвергенции экологической, социальной ответственности организаций и устойчивости корпоративного управления, в интегрированном виде представленных в ESG-концепции (от англ. E-ecological (экологический); S – social (социальный); G – governance (аспект корпоративного управления организациями)). Соответ-

ствующий подход представлен многочисленными управленческими инструментами в виде единых стратегий и политик, общего бюджета ESG, объединенной социальной и экологической ответственности, унифицированных организационных структур и др. Несмотря на то, что в некоторых научных учреждениях Российской Федерации внедрена практика целевого социального управления [Жолобова, Шаповал, 2016; Салогуб, Арсельгова, 2023], в том числе основанная на положениях парадигмы ESG, проведенный обзор материалов, характеризующих политики научных организаций, позволил сделать следующие выводы:

– с одной стороны, большое количество НУ (70,4%) публикует материалы, так или иначе характеризующие ответственное отношение к проблемам окружающей среды, в том числе с учетом реального и потенциального вреда, наносимого в процессе исследовательской деятельности. При этом аспекты социальной политики в целом в публичных материалах отражаются несколько реже, а именно в 41,8% случаев;

– с другой стороны, специальное оформление экологической политики научного учреждения – все еще крайне редкое явление (11,2% организаций). Экологическая политика практически не отражена в публичной отчетности (исключение составили 8 научных учреждений, или 8,2% от численности выборки), а комплексная ESG-концепция развития встречается лишь у семи организаций (7,14%).

Оценка соответствующих публичных материалов не позволяет утверждать, что в системе управления научными учреждениями отражена именно политика в области экологической ответственности, понимаемая как комплекс опережающих обязательств организации в сфере устойчивого развития и охраны окружающей среды в интересах нынешнего и будущего поколений [Glonti et al., 2020].

Среди ключевых причин сложившейся ситуации опрошенные руководители НУ отмечают отсутствие единых методических рекомендаций, общей практики специализированного управления экологической ответственностью в российской

научной среде, а также нехватку компетентного персонала, необходимых материальных ресурсов. Кроме того, по всей видимости, у руководства отдельных научных учреждений не складывается полная картина адекватных представлений по поводу необходимости управления экологической ответственностью, влияния на показатели эффективности НУ и возможностей повышения эффективности за счет конвергенции с управлением социальной ответственностью и системным улучшением администрирования в рамках ESG-концепции.

Обсуждение

Очевидная нехватка опыта специализированного управления экологической ответственности в научных учреждениях страны актуализирует необходимость разработки научно-практических руководств для фасилитации системной деятельности в предметной области. Реализация ESG-концепции призвана благоприятно повлиять на развитие экологической ответственности российских научных учреждений. Механизмы соответствующих положительных воздействий могут быть реализованы по нижеследующим ключевым направлениям.

1. Совершенствование системы управления рисками. ESG-концепция включает анализ и управление рисками, связанными с окружающей средой. Научные учреждения, применяющие ESG-подход, будут в большей степени осведомлены о потенциальных экологических рисках и смогут принимать меры для их предотвращения или снижения.

2. Снижение негативного воздействия на окружающую среду. Научные учреждения, принимающие ESG концепцию, разрабатывают и внедряют экологически эффективные технологии, минимизируют воздействие на экосистему за счет реализации безопасных методов утилизации отходов, снижения выбросов, применения современных фильтров и т. д.

3. Привлечение финансирования и инвестиций. ESG-концепция становится все более популярной среди инвесторов и финансовых учреждений [MacNeil & Esser, 2022], которые все больше ориентируются на устойчивые и ответствен-

ные практики, поскольку экологический аспект является маркером в оценке долгосрочной устойчивости и потенциала роста организации. Научные учреждения, реализующие ESG-подход, могут привлечь больше финансирования и инвестиций, что поможет им развивать и внедрять исследования и проекты экологической направленности.

4. Укрепление репутации организации и привлечение талантов. Соблюдение ESG-принципов помогает научным учреждениям строить положительную репутацию как экологически ответственных организаций, что способствует привлечению высококвалифицированных специалистов и талантливых ученых-исследователей, которые разделяют ценности устойчивого развития и экологической ответственности.

5. Оптимизация механизмов взаимодействия научных учреждений с внешней средой. Реализация ESG парадигмы производится во взаимодействии с социумом и в рамках неуклонного с ним сотрудничества по двум основным линиям: партнерства с ключевыми стейкхолдерами из внешней среды и общего сотрудничества с обществом в целом. Представители научных учреждений, в которых реализуется ESG-концепция, вовлекаются в диалог с обществом, информируют о своих принципах и политиках, достижениях и проблемах, получая социальное одобрение, помощь от общества, включая, например, поддержку от волонтерских движений или же помощь от социально-ответственного бизнеса, который в силу данного факта становится неотъемлемым элементом гражданского общества.

Указанные факторы в совокупности способствуют развитию экологической ответственности научных институтов и их трансформации в более устойчивые и социально ответственные организации.

Интегрируя принципы экологической ответственности в свою деятельность, научные организации демонстрируют свою приверженность устойчивому развитию и стремление к позитивному влиянию на общество и окружающую среду. Ссылаясь на лучший российский (в корпоративном секторе) [Курнослова, 2022;

Мантаева, Голденова, Слободчикова, 2023; Шемякина, 2021] и международный опыт [Lisovsky, 2021; Mukhtar et al., 2024], можно выделить основные принципы системного подхода к управлению экологической ответственностью в научных учреждениях, направленные на совершенствование социального управления и включающие в себя комплексные меры по повышению его эффективности, учитывая специфику деятельности научных организаций.

1. Принцип стратегического целеполагания, включая разработку и внедрение стратегических документов, таких как политика научного учреждения в области экологической ответственности, в которой определяются цели, выделяются ключевые задачи и уточняются направления практической деятельности в сфере охраны природы, защиты от климатических изменений, ответственного природопользования. Соответствующие документы должны характеризоваться глубокой проработкой, а их внедрение следует подкреплять инструментами, направленными на обеспечение всесторонней поддержки руководства и персонала НУ.

2. Принцип комплексного информационно-аналитического обеспечения, включая выработку стратегий и политик, принятие тактических мер и оперативных решений в сфере экологической ответственности научного учреждения на основе анализа воздействия НУ на природу и идентификации экологических рисков функционирования НУ. Аналитическое обеспечение способствует принятию мер по качественному управлению экологической ответственностью научного учреждения, включая сокращение экологических рисков.

3. Принцип эффективного расходования природных ресурсов, их эффективного управления, в том числе основанный на идеях ответственного и контролируемого потребления, инструментальной поддержки планирования и анализа расходования водных, энергетических ресурсов, природных материалов, иных редких ресурсов, а также биологического разнообразия, прежде всего находящегося под угрозой исчезновения, повы-

шения энергетической эффективности, управления отходами и т. п.

4. Принцип осведомленности представителей внутренней среды. С направлениями демонстрации экологической ответственности НУ должны быть ознакомлены все сотрудники НУ, для чего помимо сессий информирования, иных инструментов и способов распространения сведений, также может потребоваться проведение дополнительного обучения или повышения квалификации. Некоторые идеи в области экологической ответственности могут неверно пониматься, а изменения в управлении НУ сталкиваться с сопротивлениями, к чему необходимо быть готовыми и стремиться эффективно преодолевать, не нанося ущерба социально-позитивным интересам ключевых стейкхолдеров.

5. Принцип обратной связи, которую надлежит получать как из внутренней, так и из внешней среды управления экологической ответственностью научного учреждения, и которую следует не только анализировать, но и ставить в основу управленческих решений по совершенствованию деятельности в предметной сфере.

6. Принцип мониторинга. Для результативного внедрения практик экологически ответственного управления НУ важно осуществлять мониторинг экологической деятельности, системно и непрерывно выявляя проблемы и противоречия и вырабатывая надлежащие меры реагирования.

7. Принцип отчетности. Регулярная разработка и обнародование экологической отчетности не только позволят улучшить социальные взаимодействия, но и станут инструментами верификации качества и результативности управления экологической ответственностью НУ, а также привлечения стейкхолдеров к выработке решений в отношении имеющихся противоречий и проблем.

Представленные принципы характеризуют системный подход к управлению экологической ответственностью, в том числе в отечественных научных учреждениях и иных организациях, занятых исследовательской деятельностью. Про-

фессионализация и системность управления по ESG-концепции выступают ключом к росту эффективности и устойчивости научных учреждений и станут дополнительным и исключительно важным проявлением их социальной ответственности.

Выводы

В практической деятельности научных учреждений Российской Федерации существует значительная нагрузка на окружающую природную среду, что формирует специфические экологические риски. Обзор литературы показывает, что основные проблемы включают в себя энергопотребление, управление отходами, водопотребление, при этом интенсивность экологической нагрузки зависит от типа и направленности исследований. Международный опыт показывает, что в управленческой парадигме происходит концептуальный сдвиг в сторону интеграции экологической, социальной ответственности и устойчивого корпоративного управления. В

российских научных учреждениях присутствует ответственное отношение к проблемам окружающей среды, однако специальное оформление экологической политики и комплексная ESG-концепция развития остаются редкими явлениями из-за отсутствия единых методических рекомендаций и нехватки компетентного персонала. На сегодня становится явной необходимость разработки научно-практических руководств для управления экологической ответственностью в научных учреждениях России. Реализация ESG-концепции может положительно повлиять на развитие экологической ответственности через улучшение управления рисками, снижение негативного воздействия на окружающую среду, привлечение финансирования, укрепление репутации и улучшение взаимодействия с обществом. Важно основываться на системном подходе и принципах эффективного социального управления, опираясь на лучший опыт, выработанный как в России, так и за рубежом

Список источников:

1. Асташина, Н. И., Камерилова, Г. С. Научно-исследовательская экологическая деятельность в свете современных требований университетского образования // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 107–110.
2. Гагарина, С. Н., Еськова, Е. С. Социальная ответственность бизнеса в контексте устойчивого развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 6–1(76). С. 32–35.
3. Данилова, Л. С. Трактовка социальной ответственности бизнеса и смежных понятий в российских научных исследованиях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. №4 (60). С. 130–136.2.
4. Ефимова, О. В., Рожнова, О. В. Методология исследования корпоративного раскрытия социальной ответственности бизнеса: информационная база и этапы проведения // Учет. Анализ. Аудит. 2021. Т. 8. № 6. С. 6–20 <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2021-8-6-6-20>
5. Жолобова, И. К., Шаповал, Г. Н. Актуальные проблемы социальной и профессиональной ответственности ученого // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 1(86). С. 17–21.
6. Курносова, Т. И. Отечественный и зарубежный опыт использования ESG-принципов в разработке стратегии развития нефтегазового бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 1. С. 387–410 <https://doi.org/10.18334/eng.12.1.1.14058>
7. Мантаева, Э. И., Голденова, В. С., Слободчикова И. В. Стандарты ESG-концепции устойчивого развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 242. № 4. С. 93–104 <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-242-4-93-104>
8. Ростовская, Т. К., Шабунова, А. А., Багирова А. П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции,

прогноз. 2021. № 5. С. 151–164 <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>

9. Салогуб, А. М., Арсельгова, М. А. Социальная ответственность научных учреждений как фактор обеспечения конкурентоспособности и национально-технологического суверенитета России // *Caucasian Science Bridge*. 2023. №2 (20). С. 13–22 <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.1>

10. Шемякина, Т. Ю. Применение ESG-факторов в инвестиционных строительных проектах // *Вестник университета*. 2021. № 3. С. 132–139 <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-132-139>

11. Ясвин, В. А. Экологическая политика в сфере формирования культуры: цели и результаты // *Социально-политические исследования*. 2020. №4 (9). С. 147–156 <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-4-9-147-156>

12. Atkins J., McBride, K. (2023) Paradigm shift or shifting mirage? The rise of social and environmental accountability *Handbook of Accounting, Accountability and Governance*, pp. 168–194 <https://doi.org/10.4337/9781800886544.00017>

13. Gigauri, I., Vasilev, V. P. (2023) Paradigm Shift in Corporate Responsibility to the New Era of ESG and Social Entrepreneurship *Sustainable Growth and Global Social Development in Competitive Economies*, pp. 22–41 <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-8810-2.ch002>

14. Glonti, V., Trynchuk, V., Khovrak, I., Mokhonko, G., Shkrobot, M., Manvelidze, L. (2020) Socialization of organization sustainable development based on the principles of corporate social responsibility *Montenegrin Journal of Economic*, vol. 15, no. 1, pp. 169–182 <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2020.16-1.11>

15. Lisovsky, A. L. (2022) Transition to Sustainability: An Empirical Analysis of Factors Motivating Industrial Companies to Implement ESG Practices *Strategic decisions and risk management*, vol. 12, no. 3, pp. 262–272 <https://doi.org/10.17747/2618-947-X-2021-3-262-272>

16. MacNeil, I., Esser, I. M. (2022) From a financial to an entity model of ESG *European Business Organization Law Review*, vol. 23, no.1, pp. 9–45 <https://doi.org/10.1007/s40804-021-00234-y>

17. Mukhtar, B., Shad, M. K., Woon, L. F., Haider, M., Waqas, A. (2024) Integrating ESG disclosure into the relationship between CSR and green organizational culture toward green Innovation *Social Responsibility Journal*, vol. 20, № 2, pp. 288–304 <https://doi.org/10.1108/SRJ-03-2023-0125>

18. Taliento, M., Netti, A. (2020) Corporate social/environmental responsibility and value creation: reflections on a modern business management paradigm *Business Ethics and Leadership*, vol. 4, no. 4, pp. 123–131 [https://doi.org/10.21272/bel.4\(4\).123-131.2020](https://doi.org/10.21272/bel.4(4).123-131.2020)

19. Tolley, R. (1996) Green campuses: cutting the environmental cost of commuting *Journal of transport Geography*, vol. 4, no. 3, pp. 213–217 [https://doi.org/10.1016/0966-6923\(96\)00022-1](https://doi.org/10.1016/0966-6923(96)00022-1)

20. Verslycke, T., Wait, D. (2016) Data quality in natural resource and environmental damage litigation *Nat. Resources & Env't*, vol. 31, no. 15, pp. 15–19.

References:

1. Astashina, N. I., Kamerilova, G. S. (2017). Scientific research environmental activities in the light of modern requirements of university education *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Journal of Humanities], vol. 6, no. 1 (18), pp. 107–110 (in Russ.)

2. Gagarina, S. N., Eskova, E. S. (2021). Social responsibility of business in the context of sustainable development *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and business: theory and practice], no. 6–1, pp. 32–35 (in Russ.)

3. Danilova, L. S. (2020). Interpretation of social responsibility of business and related concepts in Russian scientific research *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named

after. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], no. 4 (60), pp. 130–136 (in Russ.)

4. Efimova, O. V., Rozhnova, O. V. (2021). Research methodology for corporate disclosure of social responsibility of business: information base and stages of implementation *Uchet. Analiz. Audit* [Accounting. Analysis. Audit], no. 8(6), pp. 6–20. <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2021-8-6-6-20> (in Russ.)

5. Zholobova, I. K., Shapoval, G. N. (2016). Current problems of social and professional responsibility of a scientist *Gumanitarnye i sotsial'no-ehkonomicheskie nauki* [Humanities and socio-economic sciences], no. 1, pp. 17–21 (in Russ.)

6. Kurnosova, T. I. (2022). Domestic and foreign experience in using ESG principles in developing an oil and gas business development strategy *Ehkonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], no. 12(1), pp. 387–410 (in Russ.) <https://doi.org/10.18334/err.12.1.1.14058>

7. Mantaeva, E. I., Goldenova, V. S., Slobodchikova, I. V. (2023). Standards for the ESG concept of sustainable development *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free Economic Society of Russia], no. 242(4), pp. 93–104 (in Russ.) <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-242-4-93-104>

8. Rostovskaya, T. K., Shabunova A. A., Bagirova A. P. (2021). The concept of corporate demographic policy of Russian organizations in the context of social responsibility of business, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 14(5), 151–164 <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9> (in Russ.)

9. Salogub, A. M., Arselgova, M. A. (2023). Social responsibility of scientific institutions as a factor in ensuring competitiveness and national technological sovereignty of Russia. *Caucasian Science Bridge*, no. 2(20), pp. 12–22. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.1> (in Russ.)

10. Shemyakina, T. Yu. (2021). Application of ESG factors in investment construction projects. *University Bulletin*, no. 3, pp. 132–139. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-132-139> (in Russ.)

11. Yasvin, V. A. (2020). Environmental policy in the sphere of cultural formation: goals and results. *Socio-Political Research*, no. 4(9), pp. 147–156. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-4-9-147-156> (in Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

Информация об авторах

А. М. Салогуб – доктор социологических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, Пятигорский государственный университет;

М. А. Арсельгова – научный сотрудник, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.

Information about the authors

A. M. Salogub – Doctor of Sociological Sciences, Professor of Department of Creative and Innovative Management and Law, Pyatigorsk State University;

M. A. Arselgova – researcher associate, the Ingush Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhrieva.

Научная статья
УДК 504.7:33(985)
doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-73-85

Ключевые детерминанты экосистемы креатосферы для Арктики России

Анна Викторовна Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

av.mikhailova@s-vfu.ru

Аннотация. Интерес к Арктической повестке вызван многими факторами, такими как климатические изменения, доступ к естественным ресурсам, геополитическая и экономическая трансформация, важность сохранения уникальной культуры и образа жизни коренных малочисленных народов, а также проведение Арктических научных исследований. Изучение этих вопросов может помочь нам найти способы адаптации к изменениям в Арктике и минимизировать отрицательные последствия. Огромный потенциал Арктики требует новых подходов и решений для преодоления последствий ресурсного проклятия. Цель исследования – проанализировать экосистемы креатосферы, выделив ключевые детерминанты развития для Российской Арктики. Статья опирается на методы синтеза, сравнительного анализа, обобщения, логического анализа данных и балльной оценки параметров. Методология исследования опирается на исследования теоретических подходов пространственного развития этноэкономики Арктического региона, подходов к изучению креативных индустрий и креативной экономики в контексте цифровизации. На основе исследования выделены положительные и отрицательные детерминанты, влияющие на экосистему креатосферы в Арктике. Отрицательные детерминанты – отсутствие интереса у прямых инвесторов к креативным индустриям на этих территориях и негативное влияние кризиса и санкций против РФ на состояние государственного бюджета и возможность реализации проектов в сфере развития креативной экономики на рассматриваемой территории за счет бюджетных ресурсов. Важнейший фактор положительного влияния – наличие интереса со стороны государства в отношении развития Арктических территорий. Сделан вывод о том, что креатосфера в Арктике России представляет собой совокупность креативных отраслей экономики, которые имеют потенциал стать источником развития Арктического региона.

Ключевые слова: креатосфера, креативная экономика, Арктическая повестка, теория ресурсных проклятий, детерминанты развития, экосистема

Для цитирования: Михайлова, А. В. Ключевые детерминанты экосистемы креатосферы для Арктики России // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 73–85 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-73-85>

Original article

Key determinants of the kreatosphere ecosystem for the Arctics of Russia

Anna V. Mikhailova

The North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

av.mikhailova@s-vfu.ru

Abstract. Interest in the Arctic agenda is caused by many factors, such as climate

change, access to natural resources, geopolitical and economic transformation, the importance of preserving the unique culture and way of life of small indigenous peoples, as well as Arctic scientific research. Exploring these issues can help us find ways to adapt to changes in the Arctic and minimize negative impacts. On the other hand, the huge potential of the Arctic requires new approaches and solutions to overcome the consequences of the resource curse. The purpose of the study is to analyze kreatospherer ecosystems, determining key development determinants for the Russian Arctic. The paper uses synthesis methods, comparative analysis, generalizations, logical analysis of data and evaluation of parameters. The methodology of the study includes the study of theoretical approaches to the spatial development of the ethnoeconomics of the Arctic region, approaches to the study of creative industries and creative economy in the context of digitalization. The study identifies positive and negative determinants affecting the kreatosphere ecosystem in the Arctic. The negative ones include the lack of interest of direct investors in the creative industries in these territories and the negative impact of the crisis and sanctions against the Russian Federation on the state budget and the possibility of implementing projects in the development of the creative economy in the territory under consideration at the expense of budgetary resources. Among the most important factors of positive influence one can mention the state interest in the development of the Arctic territories. The conclusion is that the kreatosphere in the Arctic of Russia is a set of creative sectors of the economy, which have the potential to become a source of development of the Arctic region.

Keywords: kreatosphere, creative economy, Arctic agenda, resource curse theory, determinants of development, ecosystem

For citation: Mikhailova, A. V. (2024) Key determinants of the kreatosphere ecosystem for the Arctics of Russia *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 73–85 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-73-85>

Введение

Арктический регион России является одним из ключевых стратегических направлений развития страны. В связи с изменением климата и интересом к ресурсам этого региона его значение становится все более актуальным. Это удаленное и малонаселенное место обладает уникальной природой, экосистемами и природными ресурсами, которые привлекают внимание многих ученых, исследователей [Башмакова, Торопушина, 2019; Деттер, 2018; Stuart, Sommerkorn, Robards, Hillmer-Pegram, 2015].

Ключевыми особенностями Арктической зоны являются суровый климат, наличие огромных запасов минеральных ресурсов, уникальная фауна и флора. Понимание этих характеристик помогает оценить значимость данного региона для России и всего мирового сообщества. Арктический регион играет ключевую роль в стратегических и экономических интересах России. Важность данного региона обусловлена его геополитическим,

природным, экологическим и экономическим значением. Также проявляется феномен ресурсного проклятия, теории о негативном влиянии природного богатства на экономический рост [Ховавко, Шведов, 2017]. При этом важно, оценивая потенциал Арктического региона Российской Федерации, изучать возможности развития креатосферы.

Цель статьи – рассмотреть потенциал Арктического региона Российской Федерации в контексте детерминант поддержки и развития креатосферы. Статья опирается на методы синтеза, сравнительного анализа, обобщения и логического анализа данных. Методология исследования опирается на исследования, теоретические подходы пространственного развития этноэкономики Арктического региона [Данилина, 2023], развития креативных индустрий и креативного туризма [Желнина, Сизова, Хорева, 2023; Желнина, Терещенко, 2019], оценку ресурсного потенциала территорий [Игнатьева, 2020], развитие креативной и цифровой

экономики [Михайлова, 2018].

Креатосфера в Арктике России представляет собой совокупность креативных отраслей экономики, которые имеют потенциал стать источником развития региона [Mikhailova, Vinokurova, 2017]. Креативные отрасли, такие как дизайн, мультимедиа, реклама, архитектура, киноиндустрия, музыкальная индустрия и другие, могут способствовать диверсификации экономики Арктики, созданию новых рабочих мест, повышению конкурентоспособности региона и улучшению качества жизни населения.

Креатосфера в Арктике России имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой региона. К ним относятся такие факторы, как суровый климат, низкая плотность населения, отдаленность от крупных экономических центров, наличие уникальных природных и культурных ресурсов. Эти факторы создают как препятствия, так и возможности для развития креативной экономики в регионе. Одним из ключевых факторов развития креатосферы в Арктике России является поддержка со стороны государства и региональных властей. Для развития креативной экономики необходимо создать благоприятные условия для бизнеса, предоставить финансовую и инфраструктурную поддержку, стимулировать инновационную деятельность, развивать образование и квалификацию работников, поддерживать культурное наследие и традиции коренных народов [Михайлова, Шкурко, 2023].

Кроме того, важным фактором развития креатосферы в Арктике России является сотрудничество и партнерство между различными субъектами креативной экономики, между бизнесом, государством и общественными организациями, научным сообществом. Совместные проекты и инициативы могут способствовать развитию креативной экономики, повышению её эффективности и конкурентоспособности, а также улучшению качества жизни населения.

Развитие креативной экономики в Арктике России требует комплексного подхода, включающего поддержку со стороны государства и региональных властей,

сотрудничество и партнерство между различными субъектами креативной экономики, а также учёт особенностей региона и потребностей местного населения.

Результаты исследования

Арктика является основной территорией северного полушария и одним из ключевых регионов в мире, обладающим огромным потенциалом и стратегической значимостью. Для России Арктика имеет особое значение с точки зрения геополитики, экономики, безопасности и окружающей среды. Россия имеет давние связи с этим регионом: уже в XVI веке русские путешественники начали осваивать Северный Ледовитый океан. В XIX–начале XX века проводилось активное изучение арктических территорий, что позволило России утвердить своё присутствие в данном районе.

Арктика обладает огромными запасами углеводородного сырья – нефти и газа. Это делает данный регион крайне привлекательным с точки зрения энергетической безопасности для России. Большая часть запасов нефти и газа находится на шельфе, который принадлежит к юридическому пространству России в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS). Поэтому развитие арктического шельфа становится приоритетной задачей для стратегического развития энергетического комплекса страны. Экономическая значимость Арктики для России на сегодняшний день выражается преимущественно в ее потенциале для разработки нефтяных и газовых месторождений, а также добычи минеральных ресурсов (золото, железная руда). Это может способствовать развитию инфраструктуры и созданию новых рабочих мест.

Одним из ключевых факторов геополитической значимости Арктики для России является её транспортная доступность. С изменением климата открылись новые маршруты морских путей через Северный Ледовитый океан, что может значительно сократить время доставки товаров из Евразии в Северную Америку. К тому же расширились возможности использования атомных ледоколов для обеспечения непрерывности движе-

ния коммерческих кораблей. Развитие и использование Северного морского пути способно не только принести России значительные доходы от экспорта услуг и товаров (например, ледокольное сопровождение судов, стоянка в портах и т. д.), но и дать толчок для развития смежных отраслей и стимулировать модернизацию инфраструктуры регионов России, расположенных вдоль побережья Северного Ледовитого океана.

Северный морской путь (СМП) представляет собой критически важный элемент для России, являясь жизненно необходимой транспортной артерией, которая соединяет удаленные районы страны, обеспечивая непрерывность экономической и оборонной деятельности. Этот маршрут, сформировавшийся на протяжении истории как уникальная национальная транспортная сеть, играет ключевую роль в интеграции европейской части России с ее дальневосточными территориями, поддерживая развитие и обеспечивая связь с труднодоступными регионами через свою разветвленную транспортную инфраструктуру [Пойлов, 2017]. Прогнозируется, что значимость Северного морского пути будет усиливаться по нескольким причинам. Одной из них является его роль в качестве самого короткого маршрута, обеспечивающего транспортное сообщение между гаванями Европы, Азии и Северной Америки, что становится еще более выгодным из-за уменьшения объемов арктических льдов. Кроме того, СМП обещает стать ключевым путем для экспорта природных ресурсов, добываемых в арктических районах России. Эксплуатация месторождений нефти и газа в Арктике призвана укрепить позиции Северного морского пути как стратегически важного, надежного и экономически выгодного транспортного направления для России.¹

Регион Арктики играет ключевую роль в обеспечении безопасности России. В условиях изменяющихся климатических условий увеличивается интерес других

стран к арктическому пространству, что может стать потенциальной угрозой для безопасности России. В связи с этим развитие инфраструктуры и оборудования для обеспечения безопасности в регионе становится все более важным. Кроме того, контроль над Арктическим регионом обеспечивает России возможность участвовать в формировании международной агенды и принятии ключевых стратегических решений. Богатство минеральных ресурсов, нефтяных месторождений, газопроводов и добыча природных богатств делают данную территорию очень привлекательной для различных стран. Контроль над этим районом позволяет России защитить свои интересы на международном уровне.

Природное значение Арктического региона заключается в его уникальности. Это один из последних оставшихся на Земле экологически чистых районов с уникальными видами флоры и фауны. Сохранение природного баланса данной территории имеет большое значение для всего мирового сообщества. Экологическая значимость региона обусловлена его влиянием на изменение климата планеты. Арктический ледниковый щит служит ключевым элементом для поддержания глобального климата, влияя на отражение солнечного излучения обратно в космос и помогая таким образом предотвращать общее повышение температуры Земли. С 1979 года спутниковые измерения позволяют отслеживать изменения в размерах и толщине арктических льдов, которые, согласно долгосрочным данным, показывают заметную тенденцию к уменьшению.

Таким образом, Арктический регион России играет ключевую роль во многих аспектах, и его функции оказывают значительное влияние на экономику, экологию и политику не только России, но и всего мирового сообщества.

Согласно таблице 1, функции Арктики выражаются в возможностях, создаваемых условиями и ресурсной базой Арктики, которые способствуют развитию

¹ Отчет по результатам экспертного опроса «Как отразится кризис на развитии нефтегазодобычи на Арктическом шельфе и жизни регионов». URL: <http://irpr.ru/2015/03/25/otchet-porezultatam-ekspertnogo-oprosa-kak-otrazitsya-krizis-na-razvitii-neftegazodobychi-na-arkticheskom-shelFe-i-zhizni-regionov> (дата обращения: 15.02.2024).

региона в контексте инфраструктурно- численности населения региона. В част- го преобразования, а также увеличения ности, экологическая функция отражает

Таблица 1

Анализ функций Арктического региона в современном мире

Функция	Описание функции	Комментарии
1	2	3
1. Экологическая функция	Сохранение биоразнообразия и поддержание экологического баланса. Ледяной покров Арктики служит важным зеркалом для отражения солнечных лучей и контроля климата на Земле. Для многих видов животных (например, полярных медведей, северных оленей) Арктика является единственным возможным местообитанием из-за специфических климатических условий этого района. Полярные медведи, северные олени, а также различные виды мигрирующих птиц находят свое пристанище в этом уникальном окружении	Данная функция отражает экономический потенциал, выражаемый в развитии креатосферы, а именно: туризма, кинематографии, блогерства и т. д. Реализация данных направлений будет способствовать увеличению численности населения Арктики, развитию инфраструктуры и экономики региона
2. Энергетическая функция	Арктика имеет огромный потенциал в области энергетических ресурсов. Нефть и природный газ на континентальном шельфе этого района представляют огромную ценность для мировой энергетики. Добыча энергоносителей в Арктике имеет стратегическое значение для обеспечения потребностей не только России, но и других стран мира	Данная функция имеет активное экономическое выражение через организацию добычи полезных ископаемых. Увеличение объемов добычи способствует повышению занятости населения, развитию инфраструктуры и населенных пунктов. Но инновационное развитие добычи снижает потребность в рабочих местах и в дальнейшем будет способствовать сокращению численности населения в Арктических регионах
3. Транспортная функция	Арктический район имеет большое значение в развитии транспортных коммуникаций между Евразийским континентом и Северной Америкой. Появление новых морских путей благодаря таянию льда открывает возможности для развития альтернативных транспортных коридоров через Северный морской путь или Северную трассу	Развитие транспортной инфраструктуры, в том числе морских путей, будет способствовать развитию региона, развитию портовых пунктов, увеличению численности населения Арктического региона
4. Геополитическая функция	В связи с изменением климата и перспективами использования природных ресурсов появляются новые геополитические интересы в Арктике со стороны стран-участников этого региона. Возможности добычи приближающихся к запасам энергоносителей становятся объектами конкурирующего интереса со стороны различных государств	Наличие интересов государства в развитии Арктической зоны будет способствовать разработке государственных программ, направленных на создание инфраструктуры и создание новых рабочих мест в регионах

Источник: составлено автором

экономический потенциал, выражаемый в развитии креатосферы, а именно туризма, кинематографии, блогерства и т. д. Реализация данных направлений будет способствовать увеличению численности населения Арктики, развитию инфраструктуры и экономики региона.

Энергетическая функция характеризуется активным экономическим выражением через организацию добычи полезных ископаемых. Увеличение объемов добычи способствует повышению занятости населения, развитию инфраструктуры и населенных пунктов. Но инновационное развитие добывающего сектора негативно отражается на потребности в рабочих, что способствует сокращению численности населения и, соответственно, социально-экономической деградации Арктического региона.

Транспортная и геополитическая функции определяют вектор государственного участия в развитии Арктики. Развитие транспортной инфраструктуры, в том числе морских путей, будет способствовать преобразованию региона, созданию портовых пунктов, увеличению численности населения Арктического региона. Наличие интересов государства в развитии Арктики будет способствовать институциональной, нормативно-правовой, инфраструктурной трансформации региона, созданию новых рабочих мест, строительству новых территорий.

Для полноценной реализации представленных направлений требуется разработка импульсных механизмов, которые позволят запустить процессы активной генерации развития Арктических регионов России.

Мы выделили следующие элементы экосистемы креатосферы: творческие личности, сообщества, креативные пространства, ресурсы, инвестиции, культурные коды, креативные практики и процессы.

Первичной детерминантой экосистемы креатосферы являются ресурсы, инвестиции, которые в рамках развития популярного для Арктики вида креатосферы – туризма в первую очередь направляются на создание инфраструкту-

ры, в том числе транспортной.

В экосистему креатосферы на территории Российской Арктики входят факторы политического, нормативно-правового, институционального, экономического порядка. Их состав представлен в таблице 2.

Согласно таблице 2, влияние отрицательно действующих детерминант превышает влияние факторов положительного воздействия. Основными сдерживающими развитие креатосферы в Арктике факторами в настоящее время являются:

- отсутствие интереса у прямых инвесторов к развитию креатосферы в Арктическом регионе России. Их интерес сосредоточен на ТЭК и других традиционных отраслях экономики, развитых в регионе;

- негативное влияние кризиса и санкций против РФ на состояние государственного бюджета и возможность реализации проектов в сфере развития креативной экономики в Арктике за счет бюджетных ресурсов (рис. 1).

Влияние факторов отрицательного действия существенно превышает уровень воздействия положительных детерминант, что подтверждает соотношение площади фигур, образуемых лепестковыми диаграммами. Как выявлено ранее, основными детерминантами, препятствующими развитию креатосферы в Арктическом регионе, являются отсутствие интереса у прямых инвесторов к таким проектам в России, а также негативное влияние кризиса и санкций против РФ на состояние государственного бюджета и возможность реализации проектов в сфере развития креативной экономики на рассматриваемой территории за счет бюджетных ресурсов. К важнейшим факторам положительного влияния относится наличие интереса со стороны государства в отношении развития Арктических территорий.

Выводы

При сценарии тотальной концентрации, теории изобилия и ресурсного проклятия на развитие добывающей промышленности в Арктической зоне России будет развиваться добыча, но не будет развиваться регион. Существующая на сегодняшний день демографическая

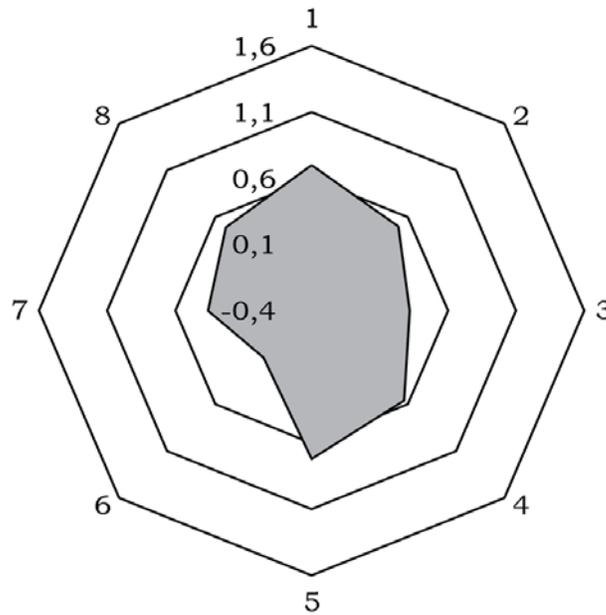
Таблица 2

Влияние детерминант положительного и отрицательного действия на экосистему креатосферы в Арктике

Детерминанты положительного влияния	Сила влияния (баллы), по 10-ти балльной системе	Весовой коэффициент	Детерминанты отрицательного влияния	Сила влияния (баллы), по 10-ти балльной системе	Весовой коэффициент
1	2	3	4	5	6
1. Наличие уникальной природы, фауны, природных явлений	10	0,07	1. Отсутствие интереса у прямых инвесторов к развитию креатосферы в Арктическом регионе России. Их интерес сосредоточен на ТЭК и других традиционных отраслях экономики, развитых в регионе	-10	0,15
2. Наличие этнической культуры, традиций коренных народов севера	10	0,05	2. Негативное влияние кризиса и санкций против РФ на состояние государственного бюджета и возможность реализации проектов в сфере развития креативной экономики в Арктике за счет бюджетных ресурсов	-10	0,15
3. Наличие современных средств коммуникации, позволяющих осуществлять дистанционную деятельность в сфере креативной экономики	8	0,04	3. Недостаточное развитие инфраструктуры (для туристической сферы)	-8	0,06
4. Наличие интереса со стороны государства и зарубежных партнеров к развитию транспортной инфраструктуры в Арктике	7	0,08	4. Недостаточная вовлеченность населения Арктики в креатосферу	-7	0,07
5. Наличие интереса со стороны государства в отношении развития Арктических территорий	8	0,09	5. Отсутствие институциональных структур, которые бы стимулировали и управляли развитием креатосферы в регионе (в том числе обучение, консалтинг, привлечение инвесторов)	-9	0,10
6. Свободная экономическая зона	10	0,01	-	-	-
7. Наличие проблемы безработицы в регионе	6	0,06	-	-	-
8. Территориальный разброс населенных пунктов, наличие труднодоступных периферийных территорий	7	0,07	-	-	-
Среднее значение	$10 \cdot 0,07 + 10 \cdot 0,05 + 8 \cdot 0,04 + 7 \cdot 0,08 + 8 \cdot 0,09 + 10 \cdot 0,01 + 6 \cdot 0,06 + 7 \cdot 0,07 - 10 \cdot 0,15 - 10 \cdot 0,15 - 8 \cdot 0,06 - 7 \cdot 0,07 - 9 \cdot 0,10 = -1,12$ балла				

Источник: составлено автором

Уровень влияния детерминант положительного действия

Уровень влияния детерминант отрицательного действия

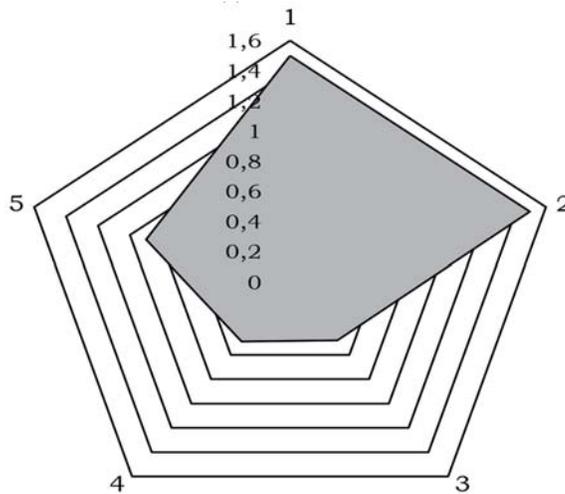

Рис. 1. Влияние детерминант положительного и отрицательного действия на экосистему креатосферы в Арктике

ситуация в Арктической зоне России и без дополнительных усложнений характеризуется низким уровнем численности населения, что связано с трудными климатическими условиями, удаленностью от крупных городов и ограниченной доступностью инфраструктуры [Говорова, 2017]. Снижение численности населения приводит к деэртификации региона, ухудшению экономических показателей и социальной инфраструктуры [Журавель, 2020].

Как известно, успешному развитию регионов и территорий способствуют актив-

ные инвестиционные вливания. На сегодняшний день интересы частных инвесторов направлены на добывающий сектор. По оценкам ученых², в Арктике сосредоточены значительные запасы нефти (60% общероссийских), газа (60–90%). Кроме того, в арктической зоне сконцентрирована значительная доля ценных ресурсов, которые являются ключевыми для страны, включая почти все запасы алмазов (99%), большую часть металлов платиновой группы (98%), а также основную долю никеля и кобальта (свыше 80%). Кроме того, этот регион богат хромом и марганцем (90%),

медью (60%), золотом (40%), а также сурьмой, оловом, вольфрамом и редкоземельными элементами, запасы которых варьируют от 50 до 90%. Важно отметить, что альтернативные варианты их разработки в других российских регионах либо отсутствуют, либо сильно ограничены.

Сокращается численность этнических групп коренных малочисленных народов Севера как в регионах с развитой экономикой, так и в отдаленных периферийных зонах; наблюдается сокращение численности 25 народов. К основным причинам выявленной динамики следует отнести:

- вопросы экономического характера: недостаточная занятость населения и, соответственно, недостаточные возможности для обеспечения семьи, детей, что приводит к сокращению численности этнической группы. Кроме того, отсутствие качественной транспортной инфраструктуры в периферийных районах Арктики препятствует организации регулярной предпринимательской деятельности на данных территориях;
- сокращение численности фауны для

охотников и рыболовов, что создает серьезные проблемы обеспечения питанием данных жителей;

- проблемы доступности профессиональных медицинских услуг, что негативно отражается на демографических показателях (рис. 2).

Согласно рисунку 2, способствовать сохранению коренных малочисленных народов Севера могут обеспечение равномерного экономического развития региона и создание инфраструктуры, в том числе транспортной, а также системы оказания медицинской помощи. Проблемы, влияющие на сокращение численности коренных малочисленных народов Севера, могут быть частично решены за счет развития креативной экономики, а именно:

- развитие туризма предполагает создание транспортной инфраструктуры, но данное направление требует больших финансовых вложений в организацию транспортной доступности в периферийные пункты, а также в создание туристической инфраструктуры. Кроме того, организация данной деятельности

Рис. 2. Детерминанты сокращения численности коренных малочисленных народов Севера и возможности снижения их влияния за счет развития креативной экономики в регионе

потребуется создания пунктов оказания медицинской помощи, что соответствует интересам местных жителей;

- обеспечить занятость с помощью креатосферы возможно без существенных финансовых вложений для коренных жителей, которые, например, могут занять себя в креативной индустрии: создание одежды этнического стиля, съемка фильмов о Крайнем севере и т. д. Для развития этого требуется импульс, выражаемый в виде организации закупок народной продукции, организации обучения, обеспечения минимальными инструментами и материалами, необходимыми для начала занятия креативной

деятельностью.

Заключение

Возникает потребность в создании принципиально новой экономической модели креатосферы для Арктической зоны. Первым шагом должна стать диверсификация экономики региона. Традиционно основанный на добыче природных ресурсов (нефть, газ, минералы) Арктический регион должен развивать другие отрасли, и наиболее перспективной на текущий момент является формирование экосистемы креатосферы, которая обеспечит сохранение уникальной природы, а также коренных наций северных территорий страны.

Список источников:

1. Башмакова, Е. П., Торопушина, Е. Е. Социальное предпринимательство как фактор саморазвития территорий Российской Арктики // Экономика, предпринимательство и право. 2019. №4. С. 481–496 <https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41415> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-kak-faktor-samorazvitiya-territoriy-rossiyskoj-arktiki> (дата обращения: 20.04.2024)
2. Говорова, Н. В. Российская Арктика: социально-демографический профиль // Народонаселение. 2017. №2 (76). С. 112–118 EDN: ZDQTON
3. Данилина, В. Г. Теоретические подходы к пространственной организации этноэкономики Арктического региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. №2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-prostranstvennoy-organizatsii-etnoekonomiki-arkticheskogo-regiona> (дата обращения: 19.04.2024).
4. Деттер, Г. Ф. Формирование функционально полной инновационной инфраструктуры в экосистеме Арктических регионов // Вопросы инновационной экономики. 2018. №1. С. 91–104 <https://doi.org/10.18334/vinec.8.1.38754> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-funktsionalno-polnoy-innovatsionnoy-infrastruktury-v-ekosisteme-arkticheskikh-regionov> (дата обращения: 18.04.2024)
5. Желнина, З. Ю., Сизова, И. А., Хорева, Л. В. Взаимодействие туризма и креативных индустрий на Арктических территориях: сферы пересечения // Современные проблемы сервиса и туризма. 2023. №2. С. 7–20 <https://doi.org/10.5281/zenodo.7997710> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-turizma-i-kreativnyh-industriy-na-arkticheskikh-territoriyah-sfery-peresecheniya> (дата обращения: 21.04.2024)
6. Желнина З.Ю., Терещенко Н.В. Мотивация и культурные стереотипы как факторы развития арктического туризма // Общество: философия, история, культура. 2019. №2 (58). С. 72–76 <https://doi.org/10.24158/fik.2019.2.15> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-kulturnye-stereotipy-kak-factory-razvitiya-arkticheskogo-turizma> (дата обращения: 22.04.2024)
7. Журавель, В. П. Вопросы социального развития в Арктической зоне РФ: состояние и перспективы // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. №15–2. С. 447–450 EDN KFQOAN
8. Иванова, С. А., Карагулян, Е. А. Применение концепции умного устойчивого города в решении проблем пространственного развития Арктической зоны России // Креативная экономика. 2020. №5. С. 797–816 <https://doi.org/10.18334/ce.14.5.109383> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-umnogo-ustoychivogo-goroda-v-reshenii-problem-prostranstvennogo-razvitiya-arkticheskoy-zony-rossii> (дата обращения: 22.04.2024)

9. Игнатъева, С. С. Ресурсные возможности вуза в развитии креативной экономики региона // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 51. С. 29–36 <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-51-29-36> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnye-vozmozhnosti-vuza-v-razvitiikreativnoy-ekonomiki-regiona> (дата обращения: 23.04.2024)
10. Михайлова, А. В. Цифровая и креативная экономика в современном пространстве // Креативная экономика. 2018. № 1. С. 29–42 <https://doi.org/10.18334/ce.12.1.38783> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-i-kreativnaya-ekonomika-v-sovremenном-prostranstve> (дата обращения: 25.04.2024).
11. Михайлова, А. В., Шкурко, Н. С. Роль креативных пространств и креативного туризма в регионах Российской Федерации для формирования креатосферы // Креативная экономика. 2023. Том 17. № 8. С. 2873–2886. <https://doi.org/10.18334/ce.17.8.118767>.
12. Пойлов, А. Н. Геополитические интересы и приоритеты России в арктическом регионе // Русская политология. 2017. №2 (3). С. 50–56 EDN: ZSVXVV
13. Ховавко, И. Ю., Шведов, К. И. «Ресурсное проклятие»: обзор точек зрения // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 56–67 EDN: ZRWCOJ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnoe-proklyatie-obzor-tochek-zreniya> (дата обращения: 26.04.2024).
14. Arbidane, H. Synucyna, D. Znotina, and O. Ruža (Jun. 2023) Theoretical and methodological aspects for the development of a creative economy in the context of the formation of an innovative business ecosystem, *Environment.Technology. Resources*, vol. 1, pp. 22–28 <https://doi.org/10.17770>
15. Ecosystem stewardship: A resilience framework for arctic conservation, *Global Environmental Change*, vol. 34, 2015, pp. 207–217, <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.07.003>
16. Jin, Tao, Chun-Yu, Ho, Shougui, Luo, Yue, Sheng (2019) Agglomeration economies in creative industries, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 77, pp. 141–154 <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2019.04.002>
17. Mikhailova, A. V., Vinokurova U., A. (2017) Kreatosfera of the Arctic: from idea to the concept. 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, www.sgemsocial.org, SGEM2017 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-17-1 / ISSN 2367-5659, 24–30 August, book 1, vol 5, pp. 583–590 <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2017/15/S05.073>
18. Nicola, Boccella, Irene, Salerno (2016) Creative Economy, Cultural Industries and Local Development, *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, vol. 223, pp. 291–296 <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.05.370>
19. Pratt, Andy C. (2022) Toward circular governance in the culture and creative economy: Learning the lessons from the circular economy and environment, *City, Culture and Society*, vol. 29, p. 100450, <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2022.100450>
20. Scott, Elias (2021) Changing Political Landscape of the Arctic, *Threats to the Arctic*, Elsevier, pp. 521–568 <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-821555-5.00018-8>
21. Stuart, Chapin III F., Sommerkorn, Martin, Robards, Martin D., Hillmer-Pegram, Kevin (2015) Ecosystem stewardship: A resilience framework for Arctic conservation, *Global Environmental Change*, vol. 34, pp. 207–217, <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.07.003>
22. Svetlana, Usenyuk-Kravchuk, Nikolai, Garin, Alexandra, Trofimenko, Denis, Kukanov (2020) Arctic design: revisiting traditional fur clothing within the daily routine of reindeer nomads, *Heliyon*, vol. 6, is. 2, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e03355>

References:

1. Bashmakova, E. P., Toropushina, E. E. (2019) Social entrepreneurship as a factor in the self-development of the territories of the Russian Arctic *Ehkonomika, predprinimatel'stvo i parvo=Economics, entrepreneurship and law*, no. 4, pp. 481–496

<https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41415> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-kak-faktor-samorazvitiya-territoriy-rossiyskoy-arktiki> (access date: 04/20/2024)

2. Govorova, N. V. (2017) Russian Arctic: socio-demographic profile *Narodonaselenie=Population*, no. 2 (76), pp. 112–118 EDN: ZDQTOH

3. Danilina, V. G. (2023) Theoretical approaches to the spatial organization of ethno-economics of the Arctic region *Regional'naya ehkonomika i upravlenie: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional economics and management: electronic scientific journal], no. 2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-prostranstvennoy-organizatsii-etnoekonomiki-arkticheskogo-regiona> (date of access: 04/19/2024).

4. Detter, G. F. (2018) Formation of a functionally complete innovation infrastructure in the ecosystem of the Arctic regions *Voprosy innovatsionnoi ehkonomiki RUSSIAN=JOURNAL OF INNOVATION ECONOMICS*, no. 1, pp. 91–104 <https://doi.org/10.18334/vinec.8.1.38754> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-funktsionalno-polnoy-innovatsionnoy-infrastruktury-v-ekosisteme-arkticheskikh-regionov> (date of access: 04/18/2024)

5. Zhelnina, Z. Yu., Sizova, I. A., Khoreva, L. V. (2023) Interaction of tourism and creative industries in the Arctic territories: areas of intersection *Sovremennye problemy servisa i turizma=SERVICE & TOURISM: CURRENT CHALLENGES*, no. 2, pp. 7–20 <https://doi.org/10.5281/zenodo.7997710> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystviye-turizma-i-kreativnykh-industriy-na-arkticheskikh-territoriyah-sfery-peresecheniya> (date of access: 04/21/2024)

6. Zhelnina, Z. Yu., Tereshchenko, N. V. (2019) Motivation and cultural stereotypes as factors in the development of Arctic tourism *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura=Society: philosophy, history, culture*, no. 2 (58), pp. 72–76 <https://doi.org/10.24158/fik.2019.2.15> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-kulturnye-stereotipy-kak-factory-razvitiya-arkticheskogo-turizma> (date of access: 04/22/2024)

7. Zhuravel, V. P. (2020) Issues of social development in the Arctic zone of the Russian Federation: state and prospects *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects], no. 15–2, pp. 447–450 EDN KFQOAN

8. Ivanova, S. A., Karagulyan, E. A. (2020) Application of the concept of a smart sustainable city in solving problems of spatial development of the Arctic zone of Russia *Kreativnaya ehkonomika=Journal of Creative Economy*, no. 5, pp. 797–816 <https://doi.org/10.18334/ce.14.5.109383> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-umnogo-ustoychivogo-goroda-v-reshenii-problem-prostranstvennogo-razvitiya-arkticheskoy-zony-rossii> (date of access: 04/22/2024)

9. Ignatieva, S. S. (2020) Resource capabilities of the university in the development of the creative economy of the region *Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], no. 51, pp. 29–36 <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-51-29-36> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnye-vozmozhnosti-vuzov-v-razvitiikreativnoy-ekonomiki-regiona> (date of access: 04/23/2024)

10. Mikhailova, A. V. (2018) Digital and creative economy in modern space *Kreativnaya ehkonomika=Journal of Creative Economy*, no. 1, pp. 29–42 <https://doi.org/10.18334/ce.12.1.38783> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-i-kreativnaya-ekonomika-v-sovremennom-prostranstve> (date of access: 04/25/2024).

11. Mikhailova, A. V., Shkurko, N. S. (2023) The role of creative spaces and creative tourism in the regions of the Russian Federation for the formation of the creative sphere *Kreativnaya ehkonomika=Journal of Creative Economy*, vol. 17, no. 8, pp. 2873–2886 <https://doi.org/10.18334/ce.17.8.118767>.

12. Poilov, A. N. (2017) Geopolitical interests and priorities of Russia in the Arctic region *Russkaya politologiya=Russian political science*, no. 2 (3), pp. 50–56 EDN: ZSVXVV

13. Khovavko, I. Yu., Shvedov, K. I. (2017) “Resource curse”: a review of points of view

Gosudarstvennoe upravlenie. Ehlektronnyi vestnik=Public Administration. E-journal (Russia), no. 64, pp. 56–67 EDN: ZRWCOJ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnoe-proklyatie-obzor-tochek-zreniya> (date of access: 04/26/2024).

14. Arbidane, H. Synycyna, D. Znotina, and O. Ruža (Jun. 2023) Theoretical and methodological aspects for the development of a creative economy in the context of the formation of an innovative business ecosystem, *Environment.Technology. Resources*, vol. 1, pp. 22–28 <https://doi.org/10.17770>

15. Ecosystem stewardship: A resilience framework for arctic conservation, *Global Environmental Change*, vol. 34, 2015, pp. 207–217, <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.07.003>

16. Jin, Tao, Chun-Yu, Ho, Shougui, Luo, Yue, Sheng (2019) Agglomeration economies in creative industries, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 77, pp. 141–154 <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2019.04.002>

17. Mikhailova, A. V., Vinokurova U., A. (2017) Kreatosfera of the Arctic: from idea to the concept. 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, www.sgemsocial.org, SGEM2017 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-17-1 / ISSN 2367-5659, 24–30 August, book 1, vol 5, pp. 583–590 <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2017/15/S05.073>

18. Nicola, Boccella, Irene, Salerno (2016) Creative Economy, Cultural Industries and Local Development, *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, vol. 223, pp. 291–296 <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.05.370>

19. Pratt, Andy C. (2022) Toward circular governance in the culture and creative economy: Learning the lessons from the circular economy and environment, *City, Culture and Society*, vol. 29, p. 100450, <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2022.100450>

20. Scott, Elias (2021) Changing Political Landscape of the Arctic, Threats to the Arctic, Elsevier, pp. 521–568 <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-821555-5.00018-8>

21. Stuart, Chapin III F., Sommerkorn, Martin, Robards, Martin D., Hillmer-Pegram, Kevin (2015) Ecosystem stewardship: A resilience framework for Arctic conservation, *Global Environmental Change*, vol. 34, pp. 207–217, <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.07.003>

22. Svetlana, Usenyuk-Kravchuk, Nikolai, Garin, Alexandra, Trofimenko, Denis, Kukanov (2020) Arctic design: revisiting traditional fur clothing within the daily routine of reindeer nomads, *Heliyon*, vol. 6, is. 2, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e03355>

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Информация об авторе

А. В. Михайлова – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, ФГАОУ ВО Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

Information about the author

A. V. Mikhailova – candidate of economics, Associated Professor, Head of Sociology and Human Resource Department, North-Eastern Federal University.

Научная статья
УДК 504.03(571.62)
doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-86-93

К вопросу экологического сознания населения Хабаровского края

Ирина Анатольевна Толмачева¹, Зинаида Владимировна Ошлакова²,
Елена Владимировна Мироненко³

¹ Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,

^{2,3} Министерство природных ресурсов Хабаровского края, Хабаровск, Россия

¹ itolma@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6242-1583>

² ozvkhv@mail.ru

³ evmironenko@khv.gov.ru

Аннотация. В настоящей статье представлена актуальность экологических проблем в современном обществе, в частности анализируются насущные экологические кризисы Хабаровского края. Особое внимание уделяется загрязнению бытовым мусором берегов всех водных объектов края и прилегающих акваторий. В данной работе представлена информация о деятельности Министерства природных ресурсов Хабаровского края по формированию экологической культуры населения. Дан обзор количественных показателей акции «Вода России» за три года в Хабаровском крае. Представлена информация о других экологических акциях, проводимых в рамках регионального Эко-марафона. Речь также идёт о том, что экологическая безопасность является одной из пяти подсистем, входящих в систему национальной безопасности Российской Федерации. Обосновывается необходимость обращения общественного сознания в сторону экологичности. Рассматриваются разные подходы к понятию «экологическое сознание», уточняется значение данного термина. Отмечено, что показателем сформированности экологического сознания служит участие граждан в эковолонтерской деятельности. Авторы считают, что необходима постоянная работа по формированию экологически ответственного сознания общественности. Эта работа осуществима в просветительской, научной, агитационной и бизнес среде. Важно информационное сопровождение и продвижение эковолонтерских акций, а также стимулирующие и поощрительные мероприятия. В работе используются методы анализа, синтеза, систематизации, обобщения. Сделан вывод о том, что добровольные экологические общественные объединения создают базис для формирования устойчивого экологического сознания, причём не только среди молодёжи, но и в профессиональной сфере.

Ключевые слова: проблемы экологии, экологическое сознание, Эко-марафон, волонтерство, устойчивое развитие

Для цитирования: Толмачева, И. А., Ошлакова, З. В., Мироненко, Е. В. К вопросу экологического сознания населения Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 86–93 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-86-93>

On the issue of environmental awareness of the Khabarovsk Territory population

Irina A. Tolmacheva¹, Zinaida V. Oshlakova², Elena V. Mironenko³

¹The Pacific State University, Khabarovsk, Russia,

^{2,3} The Ministry of Natural Resources of the Khabarovsk Territory

¹ itolma@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6242-1583>

² ozvkhv@mail.ru

³ evmironenko@khv.gov.ru

Abstract. *The paper presents the relevance of environmental problems in modern society. In particular, the urgent environmental crises of the Khabarovsk Territory are analyzed. The study considers the pollution of the shores of all water bodies of the region and adjacent water areas with household garbage. The paper provides information on the measures taken by the Ministry of Natural Resources of the Khabarovsk Territory to form ecological awareness of the population. An overview of the quantitative indicators of the campaign «Water of Russia» for three years in the Khabarovsk Territory is provided. The paper also includes other environmental actions carried out within the framework of the regional Eco-marathon. We are also talking about the fact that environmental safety is one of the five subsystems included in the national security system of the Russian Federation. The need to turn public consciousness towards environmental friendliness is justified, the level of consciousness being characterized by high responsibility for actions concerning the environment. Different approaches to the concept of «ecological consciousness» are considered, clarifying the meaning of the term. The indicator of the formation of ecological consciousness is the participation of citizens in eco-volunteer activities. The authors believe that constant work can help to form environmentally responsible public consciousness. The study is feasible in an educational, scientific, campaigning and business environment. It is important to provide information support and promotion of eco-volunteer actions, as well as stimulating and encouraging events. The paper uses methods of analysis, synthesis, systematization, generalization. In conclusion, voluntary environmental public associations create the basis for the formation of sustainable environmental awareness, not only among young people, but also in the professional sphere.*

Keywords: *environmental issues, environmental awareness, eco-marathon, volunteering, sustainable development*

For citation: Tolmacheva, I. A., Oshlakova, Z. V., Mironenko, E. V. (2024) On the issue of environmental awareness of the Khabarovsk Territory population *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 86–93 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-86-93>

Введение

В настоящее время перед современным обществом стоит задача перестройки коллективного сознания в сторону его экологичности. Современное индустриальное общество характеризуется высоким уровнем потребления с присущим ему ущербом окружающей природной среде. В прошлом веке экологические

проблемы уже были насущными, однако они ещё не представляли значимой угрозы безопасности общества. В настоящее же время экологическая безопасность является одной из пяти подсистем, входящих в систему национальной безопасности, согласно Конституции РФ. Состояние здоровья будущих поколений и общества прямо связаны с качеством

окружающей среды [Ерлыгина, 2022].

С течением времени, осознанием масштаба и возможности катастрофы человечество начало уделять внимание минимизации экологических бедствий. Однако устранением только одних результатов и последствий вмешательства человека в природу уже не обойтись. Так, В. В. Лапина считает, что «необходимо развивать у людей чувство «гражданина планеты», характеризующееся высоким уровнем ответственности за поступки в отношении окружающей среды и бережным отношением ко всем ее богатствам» [Лапина, 2021]. Кроме того, О. М. Шевченко и Л. А. Штофер считают, что «решение проблемы имеет два вектора: духовный, который связан с формированием экологически ориентированного сознания и культуры, и материально-практический, который связан с интеграцией новых ценностно-мировоззренческих установок в политику, экономику, социальную сферу» [Шевченко, Штофер, 2020].

По мнению А. В. Зайцевой, «понятие «экологическое сознание» все чаще встречается в современной научной литературе и носит междисциплинарный характер. Исследованием «экологического сознания» занимаются в первую очередь экологи, философы, психологи и социологи, которые изучают историю развития взаимоотношений между природой и человеком (обществом) или же процесс формирования экологического сознания. При этом они подчеркивают взаимосвязь индивидуального и общественного экологического сознания» [Зайцева, 2021].

Несмотря на то, что данный термин часто употребляют в последнее время, многие исследователи по-разному определяют это понятие. Например, по мнению В. В. Лапиной, «экологическое сознание – это глубинное понимание существования проблемы между обществом и естественной и искусственной средами посредством активного отражения в мозгу человека объективной действительности, включающей как взаимоотношения индивида с обществом, так и знания об окружающей среде» [Лапина, 2021].

Мы в своей работе в большей степени

придерживаемся определения А. Л. Крайнова, который даёт следующее определение термину «экологическое сознание»: «... одно из проявлений сознания человека, ориентированное на жизненное пространство человека, направляющее его деятельность на сохранение данного пространства в состоянии экологической стабильности, улучшение его экологической обстановки и предотвращение экологического кризиса» [Крайнов, 2001]. В основе рассматриваемого нами экологического сознания лежат гармоничные отношения между человеком и природой, в основе которых осознанное отношение к существующим экологическим проблемам.

Ключевые экологические проблемы Хабаровского края на сегодня – загрязнение воздуха, воды и почвы, вырубка лесов, утилизация отходов, вымирание экосистем, истощение природных ресурсов.

Остановимся подробнее на одной из важных проблем – загрязнение водных ресурсов Хабаровского края. В настоящее время вода бассейна реки Амур и его главных притоков, согласно комплексной оценке качества, варьирует от «слабо загрязнённой» до «грязной», деятельность человека оказывает на качество воды крайне негативное влияние [Бурьев, Костюк, Шевцов, 2020; Шевцов, Мишкин, 2022]. Вопрос о необходимости применения комплексного подхода к оздоровлению реки Амур в 2021 г. был поднят в то время губернатором Хабаровского края М. В. Дегтяревым на встрече с Президентом России В. В. Путиным.

Проблема не только в состоянии и качестве самой воды, а также в том, что берега загрязнены отходами жизнедеятельности – бытовым мусором. Это касается не только реки Амур, но и берегов многих водных объектов Хабаровского края и прилегающих акваторий¹. Проблему нельзя решить только путем инициативы со стороны государства. Очень важным является непосредственное участие населения края, которое и является главным источником загрязнения берегов рек мусором. Поэтому одной из важных государственных и общественных задач на сегодня является повышение экологи-

¹ Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Хабаровского края в 2022 году. Министерство природных ресурсов Хабаровского края, 2023. URL: [https:// mpr.khabkrai.ru](https://mpr.khabkrai.ru).

ческого сознания и экологической культуры жителей края.

Каким же образом построена система экологического воспитания населения в Хабаровском крае? Участие в организации и развитии системы экологического образования и формирования экологической культуры жителей края является одной из функций исполнительного органа края в области охраны окружающей среды, которым является Министерство природных ресурсов Хабаровского края. Формы этой работы возможны разные, а цель одна – привлечение внимания жителей региона к вопросам сохранения уникальной природы Хабаровского края.

Вовлечение жителей края в эковолонтерскую деятельность является одним из направлений формирования экологической культуры и сознания населения. Так, О. М. Шевченко и Л. А. Штофер считают, что «главным показателем сформированности экологического сознания служит экологическое сознание рядовых граждан, которые с пониманием относятся к экологическим проблемам и принимают активное и добровольное участие в защите окружающей среды» [Шевченко, Штофер, 2020].

С 2019 г. на территории края ежегодно проводятся мероприятия по очистке от мусора берегов водных объектов и прилегающих акваторий в рамках Всероссийской акции по уборке от мусора водоемов и их берегов «Вода России» (далее – Акция «Вода России») национального проекта

«Экология». С 2022 г. акция по очистке прибрежных территорий от мусора – одно из приоритетных направлений флагманской инициативы М. В. Дегтярева «Край комфортного проживания», которая осуществляется в рамках Стратегии развития региона². М. В. Дегтярев отмечал, что «необходимо масштабировать проводимый с 2015 г. в крае Экологический марафон и сделать его всероссийским или международным, поскольку река Амур имеет трансграничное значение»³.

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что число экологических добровольцев с каждым годом растёт. Жители края охотно посвящают своё свободное время реальному решению экологических проблем. Основным показателем сформированности экологического сознания служит экологическое сознание граждан [Шевченко, Штофер, 2020].

Экологическое сознание населения Хабаровского края постепенно формируется и развивается благодаря просветительской работе и информационной поддержке, проводимой Министерством природных ресурсов Хабаровского края (далее – Министерство).

По итогам работы в 2022 г. Министерством были награждены 264 эковолонтера в 17 муниципальных образованиях Хабаровского края. По итогам работы в 2023 г. благодарственные письма Министерства получили 245 эковолонтеров. На 2024 г. запланировано очистить 181 км береговой полосы с привлечением бо-

Таблица 1

**Количественные данные Акции «Вода России»
за три года Хабаровском крае**

Показатели	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Итого
Количество волонтеров, принимавших участие в мероприятиях (чел.)	3 099	5 742	7 041	18 245
Количество проведенных мероприятий (шт.)	98	205	224	604
Протяженность очищенной от мусора береговой линии водных объектов (км)	124,78	211,68	171,60	577,01

Источник: составлено по данным сайта Министерства природных ресурсов Хабаровского края. URL: [https:// mpr.khabkrai.ru /](https://mpr.khabkrai.ru/) (дата обращения: февраль 2024 г.)

² Край комфортного проживания // Просторы Приамурья. № 3. 2023. URL: <https://mpr.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=13029&view=1>.

³ Доклад Губернатора на заседании президиума правительства Хабаровского края. 01.04.2024. URL: [https:// amurpress.info/strategy/42572/](https://amurpress.info/strategy/42572/).

лее 5 тысяч волонтеров⁴.

Пресс-служба Министерства использует различные инструменты в своей PR-деятельности в целях продвижения и информационного сопровождения различных экологических акций: современные медиа- и социальные сети, интернет-ресурсы; печатные средства массовой информации (СМИ). Размещение релизов акций осуществляется на сайте Правительства края или Министерства природных ресурсов Хабаровского края ежемесячно. Публикуются посты на официальных аккаунтах Министерства в социальных сетях⁵.

Для доведения информации до широкой общественности пресс-служба активно взаимодействует со СМИ. Также публикуются статьи по материалам проведенных мероприятий в краевом эколого-публицистическом журнале «Просторы Приамурья». Информация размещается на всех доступных ресурсах, освещающих ход реализации национальных проектов для населения.

Экологический марафон в нашем регионе был продолжен семейной акцией по внедрению экопривычек в повседневную жизнь, тем более что 2024 г. был объявлен Годом семьи по инициативе Президента РФ. Жители края могут поделиться своими достижениями в рациональном потреблении природных ресурсов и заботливом отношении к окружающей среде. Такие акции стимулируют, а иной раз и вызывают дух соревнования между семьями в том, чтобы показать себя более успешными в плане экологичного ведения хозяйства. Ведь воспитание, в том числе и экологическое, начинается с семьи, где дети получают образцы поведения в обществе [Савватеева, Федорук, Федотова, 2020]. Так, экологические привычки становятся образом жизни семей, члены которых добровольно и осознанно берегут природу и ресурсы.

Хабаровский край имеет свои экологи-

ческие традиции и стремится стать территорией высокой экокультуры. Этому способствуют различные экологические мероприятия, проводимые при поддержке Министерства природных ресурсов Хабаровского края. Так, в рамках прошедшей акции «Весеннее расхламление» по сбору от населения вторсырья, большую помощь оказали эковолонтеры, образовательные организации и бизнес-структуры.

Стартовал международный проект «Экологическая культура. Мир и согласие», направленный на разные целевые аудитории и связанный с разработкой решений для достижения устойчивого развития региона, страны и мира в целом⁶.

Привлечение рядовых жителей края к решению глобальных экологических проблем, поощрение и широкое освещение их идей формирует у них чувство собственной значимости при решении задач региональной, государственной и даже мировой важности. Такие проекты способствуют активизации и формированию экологической культуры и сознания населения.

Экологическое воспитание входит в национальный проект «Экология». В связи с этим при содействии педагогов активное участие в экодвижении принимают и школьники. Так, например, в городе Хабаровске действует проект «Экологический троллейбус», участвующий в борьбе с лесными пожарами. Дети рассказывают пассажирам о том, что человеческая безответственность становится причиной экологических катастроф в лесу. Информация из уст ребёнка иной раз заставляет взрослых задуматься и ответственно относиться к природе. Несмотря на то, что семья имеет решающее значение в формировании экологического сознания юных граждан края, школа и реализуемые ей проекты также вносят огромный вклад в экологическое просвещение и формирование экосознания подрастающего поко-

⁴ О награждении волонтеров». *Новости министерства природных ресурсов Хабаровского края* 27.04.2024. URL: <https://mpr.khabkrai.rwevents/Novosti/6561>.

⁵ *Официальные аккаунты министерства природных ресурсов Хабаровского края в социальных сетях*. URL: <https://vk.com/public168543983>; <https://m.ok.ru/dk>; https://t.me/mpr_hab_27.

⁶ *Дан старт международному проекту «Экологическая культура. Мир и согласие»*. *Новости Министерства природных ресурсов Хабаровского края* 20.03.2024. URL: <https://mpr.khabkrai.rwevents/Novosti/6567>

ления [Ануфриев, Пономарев, 2020].

Заключение

Подводя итоги, можно сделать несколько основных выводов.

Экологическое сознание населения необходимо формировать планомерно и постепенно. Реализация экологических программ и стратегий в сфере образования и науки поможет дать ответ на экологические вызовы в современном обществе [Дружакина, 2020]. Работа эта должна проводиться с самого детства, чтобы юные жители края со школьной скамьи, а иной раз и с дошкольного возраста, были пропитаны идеей сохранения окружающей среды. Кроме того, это наиболее гибкая и восприимчивая к информации часть общества [Галаев, 2023].

Формированию экологического сознания молодёжи способствуют стимулирующие акции и поощрительные мероприятия для волонтеров. Например, выполняя задания по уборке водоёмов от мусора, все участники команды акции «Вода России» получают бонусы за добрые дела. Больше выполненных заданий – больше баллов, которые можно обменять на разнообразные призы. В данных мероприятиях участвуют целыми семьями с детьми, которые с ранних лет и благодаря примеру родителей, начинают понимать всю важность сохранения экологического пространства края. Ежегодно Министерство природных ресурсов Хабаровского края выделяет наиболее активных участников (волонтеров) акции. Таких активистов особо отмечают в постах в социальных сетях о проекте «Портрет волонтера»⁷. Также как индивидуальные достижения и дополнительные баллы к ЕГЭ при поступлении в вузы края засчитывается деятельность по волонтерству. Участники других проектов, входящих в экомарфон, поощряются и отмечаются в СМИ.

Таким образом, можно отметить, что с каждым годом количество эковолонтеров в Хабаровском крае растёт, что от-

ражается и в решении насущных экологических проблем. Следовательно, организация экологических акций приносит свои плоды и способствует становлению экологической культуры и сознания жителей Хабаровского края.

Важно, чтобы тренд на устойчивое социальное развитие активно внедрялся в корпоративную культуру каждой фирмы и организации Хабаровского края. Добровольные экологические организации и эковолонтерство необходимо внедрять на производстве, в профессиональной среде. Важно всячески поощрять участие в экологическом волонтерстве, как вариант – заложить его в основу корпоративной культуры фирмы [Касабуцкая, 2017]. В результате при правильной и методичной работе в этом направлении экологические корпоративные нормы и правила станут нормой жизни каждого сотрудника. Формирование и стимулирование социальной ответственности бизнеса является необходимостью в современном обществе. Социальная ответственность – это ответственность компании за её решения и проводимую деятельность, воздействующую на общество и окружающую среду через прозрачное и этичное поведение, которое способствует её устойчивому развитию.

Экологические организации и экологические движения в Хабаровском крае также выступают базисом для формирования устойчивого экологического сознания населения. Они выполняют наиболее значимые задачи для становления экологического общества, ведя просветительскую и агитационно-политическую деятельность. Важно отметить, что такие добровольные объединения и эковолонтерство представляются возможными и даже необходимыми вокруг профессиональной корпоративной среды, в которой индивид проводит значительную часть жизни, а не только вокруг детского и молодежного сообщества, как наиболее гибкого в плане восприятия информации.

Список источников:

1. Ерыгина, Е. Г. Экологическая безопасность // Бюллетень науки и практики. 2022. №10. С. 224–227. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-bezopasnost-3> (дата обращения: 15.04.2024). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/83/30>

⁷ Наш проект «Портрет волонтера» 15.05.2023. URL: <https://m.ok.ru/group/55105059946603/topic/156212917493099>.

2. Лапина, В. В. Экологическое сознание как основа формирования экологического общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2021. №13. С. 119–123.
3. Шевченко, О. М., Штофер, Л. Л. Экологическое сознание и экологическая культура в решении проблем устойчивого развития современного социума // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 3. С. 232–247. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.17>
4. Зайцева, А. В. Формирование экологического сознания как основы экологической картины мира (на примере экологического дискурса ФРГ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 9. С. 2754–2761. <https://doi.org/10.30853/phil210429>
5. Крайнов, А. Л. Экологическое сознание: сущность и социально-исторические феномены: дисс. ... канд. филос. наук. Саратов, 2001. 145 с.
6. Бурьев, П. А., Костюк, О. В., Шевцов М. Н. Совершенствование технологии механической очистки сточных вод на очистных сооружениях канализации города Хабаровска // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2020. Т. 3. С. 303–307. EDN: YJISXL
7. Шевцов, М. Н., Мишкин, Д. В. Экологическая оценка водных ресурсов города Хабаровск // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета. 2022. № 1 (50). С. 104–111. <https://doi.org/10.24866/2227-6858/2022-1/104-111>
8. Савватеева, О. А., Федорук, Н. А., Федотова, К. П. Экологическое образование и просвещение в средней школе // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 6-1. С. 176–182. URL:<https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=38090> (дата обращения: 15.04.2024).
9. Ануфриев, В. П., Пономарев, А. В. Экологическое образование молодежи. Проблемы и перспективы // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 3А. С. 273–285. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.50.41.110>
10. Дружакина, О. П. Формирование экологической культуры населения и подготовка лидеров экопросвещения // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 4(13). С. 104–109.
11. Галаев, А. Х. Экологическое образование: воспитание ответственного отношения к окружающей среде: сборник трудов конференции. // Технопарк универсальных педагогических компетенций : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2023. С. 281–283.
12. Касабуцкая, М. С. Социальная экология и исследования экологического сознания в социологии: теоретические аспекты // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2017. № 4 (45). С. 124–128.

References:

1. Erlygina, E. G. (2022) *Environmental safety Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of science and practice], no. 10, pp. 224–227 (in Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-bezopasnost-3> (date of access: 04/15/2024) <https://doi.org/10.33619/2414-2948/83/30>
2. Lapina, V. V. (2021) Ecological consciousness as the basis for the formation of an ecological society *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the modern world: science, education, creativity], no. 13, pp. 119–123 (in Russ.)
3. Shevchenko, O. M., Shtofer, L. L. (2020) Ecological consciousness and ecological culture in solving problems of sustainable development of modern society *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], vol. 9, no. 3, pp. 232–247 (in Russ.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.17>
4. Zaitseva, A. V. (2021) Formation of environmental consciousness as the basis of the ecological picture of the world (using the example of the environmental discourse of Germany) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of

theory and practice], vol. 14, no. 9, pp. 2754–2761 (in Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil210429>

5. Krainov, A. L. (2001) Ecological consciousness: essence and socio-historical phenomena: diss. ...cand. Philosopher Sci. Saratov, 145 p. (in Russ.)

6. Buryev, P. A., Kostyuk, O. V., Shevtsov, M. N. (2020) Improving the technology of mechanical wastewater treatment at sewage treatment plants in the city of Khabarovsk, *New ideas of the new century: materials of the international scientific conference FAD TOGU*, vol. 3, pp. 303–307 (in Russ.) EDN: YJISXL

7. Shevtsov, M. N., Mishkin, D. V. (2022) Environmental assessment of water resources in the city of Khabarovsk *Vestnik Inzhenernoi shkoly Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Engineering School of the Far Eastern Federal University], no. 1 (50), pp. 104–111 (in Russ.). <https://doi.org/10.24866/2227-6858/2022-1/104-111>

8. Savvateeva, O. A., Fedoruk, N. A., Fedotova, K. P. (2020) Environmental education and enlightenment in secondary school *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern science-intensive technologies], no. 6-1, pp. 176–182 (in Russ.) URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=38090> (access date: 04/15/2024)

9. Anufriev, V. P., Ponomarev, A. V. (2020) Environmental education for youth. Problems and prospects *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical journal], vol. 10, no. 3A, pp. 273–285 (in Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2020.50.41.110>

10. Druzhakina, O. P. (2020) Formation of ecological culture of the population and training of environmental education leaders *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva* [Education and problems of development of society], no. 4(13), pp. 104–109 (in Russ.)

11. Galaev, A. Kh. (2023) Environmental education: fostering a responsible attitude towards the environment: collection of conference proceedings, *Technopark of universal pedagogical competencies: materials of the III All-Russian scientific and practical conference*, Cheboksary, pp. 281–283 (in Russ.)

12. Kasabutskaya, M. S. (2017) Social ecology and studies of environmental consciousness in sociology: theoretical aspects *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Wednesday. Development (TerraHumana)], no. 4 (45), pp. 124–128, (in Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.

Информация об авторе

И. А. Толмачева – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент Высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса, Тихоокеанский государственный университет;

З. В. Ошлакова – кандидат биологических наук, председатель комитета по охране окружающей среды, Министерство природных ресурсов Хабаровского края;

Е. В. Мироненко – старший инспектор пресс-службы, Министерство природных ресурсов Хабаровского края.

Information about the author

I. A. Tolmacheva – Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Higher School of Media, Communications and Service, the Pacific State University;

Z. V. Oshlakova – Candidate of Biological Sciences, Chairman of the Committee for Environmental Protection, the Ministry of Natural Resources of the Khabarovsk Territory;

E. V. Mironenko – Senior Inspector of the press service, the Ministry of Natural Resources of the Khabarovsk Territory.

Научная статья

УДК 378.4

doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-94-104

Изменение имиджа профессии педагогического работника в условиях трансформации современного образовательного пространства

Марина Александровна Черевко^{1, 2}¹ Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Россия² Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия, Хабаровск, Россия

Vugoenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуации, связанной с трансформацией статуса педагога в современных условиях. Изменения, связанные с переосмыслением ценности образования в целом, ставят статус педагогического работника в противоречивое положение. С одной стороны, длительные условия пандемии продемонстрировали потребность в создании новой методической системы всех форм образования, предъявляя тем самым новые требования к личности и профессиональному уровню педагога. С другой стороны, наличие проблем, связанных с кадровой дефицитностью педагогических работников, создает ограничения для вхождения в систему новой личности, отвечающей современным образовательным вызовам и запросам. Вместе с тем справедливыми остаются научные дискуссии по поводу того, каким именно должен быть современный педагогический работник, чтобы его имидж и уровень доверия со стороны обучающихся и родителей начали расти. На сегодняшний день имидж становится основным атрибутом социально-профессиональных отношений. В педагогической деятельности все большую актуальность приобретают процессы по созданию профессионального имиджа, который заключается в усвоении и репродукции личностью социального опыта. В связи с переосмыслением процессов профессионального самоопределения и становления возникает необходимость анализа профессиональных компетенций в контексте подготовки будущего педагогического работника. Во многом профессиональная деятельность педагога предполагает конструктивное взаимодействие с субъектами образовательного процесса: с коллегами, обучающимися и их родителями. Вместе с тем, наряду с классическими критериями, имидж современного педагога определяет и соответствие новым требованиям, а именно наличие эмоционального интеллекта и его правильная проекция на обучающихся с учетом их запросов и социальных потребностей. Этот вектор целесообразно закладывать на этапе освоения программ высшего педагогического образования, системно меняя образовательные программы по подготовке будущих педагогов. В статье раскрываются вопросы, связанные с имиджевыми характеристиками статуса современного педагога, основанными на эмпирических оценках основных субъектов образовательного процесса. Отмечена перспективность научного осмысления данной проблематики наряду с ростом интереса к поиску оптимальных механизмов, направленных на повышение роли и значимости педагогической профессии в современных условиях.

Ключевые слова: престиж, имидж педагогического работника, учитель, педагогический работник, эмоциональный интеллект, экзистенциальные ценности, педагогическое образование, обучающийся, профессиональные компетенции, школа, профессия, подготовка педагогов

Для цитирования: Черевко, М. А. Изменение имиджа профессии педагогического работника в условиях трансформации современного образовательного пространства // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 94–104 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-94-104>

Changing the image of the teaching profession in the context of modern education transformation

Marina A. Cherevko^{1, 2}

¹The Far-Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia

²The Far-Eastern branch of the Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russia
Bugoenko@yandex.ru

Abstract. *The article analyses the situation concerning the transformation of the teacher's status under modern conditions. Changes associated with reconsidering the value of education as a whole place the status of the teacher in a contradictory position. On the one hand, the long-term conditions of the pandemic have demonstrated the need to create a new methodological system for all forms of education, thereby providing new requirements to the personality and professional level of the teacher. On the other hand, the personnel shortage of teaching staff limits the process of adopting the system of a new personality meeting modern educational challenges and demands. At the same time, scientific discussions remain valid about what exactly a modern teacher should be like so that his image, students and parents' trust begin growing. Today, image is becoming the main attribute of social and professional relations. In pedagogical activity, the processes of creating a professional image, which consists of individual's assimilation and reproduction of social experience, are becoming increasingly relevant. Connected with the rethinking of the processes of professional self-determination and formation, there is a need to analyze professional competencies in the context of training a future teacher. In many ways, the professional activity of a teacher involves constructive interaction with the subjects of the educational process: with colleagues, students and their parents. The way interactions are built and contacts are established let us make conclusions about the professional qualities of a teacher. Ushinsky: «The teacher is a key figure in the reform of education, in the matter of teaching and upbringing, nothing can be improved in the entire school business without bypassing the head of the teacher» [Egorychev, 1993. P.79]. At the same time, along with classical criteria, the image of a modern teacher is also determined by compliance with new requirements, namely, the presence of emotional intelligence and its correct projection onto students, taking into account their requests and social needs. It is advisable to lay the vector at the stage of mastering higher pedagogical education, systematically changing educational programs of training future teachers. The paper reveals issues related to the image characteristics of the status of a modern teacher, based on empirical assessments of the main subjects of the educational process. The promise of scientific understanding of the issue is noted, along with growing interest in the search for optimal mechanisms aimed at increasing the role and significance of the teaching profession under modern conditions.*

Keywords: *prestige, image of a teacher, emotional intelligence, existential values, pedagogical education, student, professional competencies, school, profession, teacher training*

For citation: Cherevko, M. A. (2024) Changing the image of the teaching profession in the context of modern education transformation *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 94–104 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-94-104>

Введение

В соответствии со Стратегическими приоритетами в сфере реализации государственной программы Российской

Федерации «Развитие образования» до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701) важнейшим приоритетом в образовании

является современная подготовка будущих учителей, с этой целью планируется систематическая работа по повышению статуса педагогической профессии в обществе. На сегодняшний день, по результатам программных мероприятий, направленных на привлечение молодых педагогов в образовательные организации, достигнуты неплохие показатели. Активно работает программа «Земский учитель», регулируется уровень оплаты труда, идет процесс формирования системы кадрового обеспечения сферы образования, позволяющей каждому педагогу повышать уровень профессионального мастерства на протяжении всей профессиональной деятельности; формируется система непрерывного профессионального роста, задающая карьерную вертикаль от молодого педагога до педагога-методиста и педагога-наставника. Идет процесс по внедрению программы наставничества с привлечением в качестве наставников учителей предпенсионного и пенсионного возраста, молодых учителей в части развития компетенций по информационно-коммуникационным технологиям, адресное повышение квалификации и методическая поддержка педагогов.

Вместе с тем вопросы, связанные с формированием и повышением имиджа педагогического работника, остаются открытой дискуссионной площадкой. Данный фактор во многом определяет профессиональный выбор молодежи и их родителей, и если речь на сегодняшний день идет о приходе в образовательные организации педагогов новой формации, то фильтры на этапе отбора оптантов должны соответствовать заданным целевым установкам. Образ педагогического работника формируется на основе специфических характеристик его деятельности и потребностей современного образования. Каждый педагогический работник несет за собой профессиональный шлейф образования и ассоциируется как живая реклама образовательной организации, в которой он трудится. Именно через его личност-

ный образ происходит формирование доверия и отношения общественности к состоянию нынешнего образования в целом. Целесообразно отметить, что результаты эмпирических исследований указывают на то, что социальный статус педагога трансформируется с учетом изменений во всей образовательной системе. Трансформации подвержены и студенты, приходящие на педагогические специальности и идущие в дальнейшем в педагогику, в силу чего мы можем наблюдать, как справедливо отмечает В. И. Загвязинский, «самую серьезную из бед: падение престижа и авторитета педагога». [Загвязинский, 2015. С. 147]

По представленным результатам ВЦИОМ, престижность профессии учителя россияне оценивают на 3,19 баллов из 5 возможных, доходность – на 2,73 балла. Вместе с тем чем выше уровень образования, тем ниже оценивается статус профессии педагога: среди россиян с неполным средним образованием балл составил 3,85, среди высокообразованных – 2,89. Сами работники сферы образования и науки оценивают эту профессию на 2,94 баллов¹.

Анализ категории престижа дает важную информацию о том, куда и почему стремятся социальные группы. В социологической литературе существуют различные подходы к понятию престижа профессии. В общем смысле престиж профессии можно охарактеризовать как совокупность субъективных оценок, которые выражают отношение данного индивида к набору профессий и формируются под воздействием социальной среды. Ряд исследователей рассматривают данный феномен как оценку социумом функциональной роли профессии. Ученый М. Х. Титма справедливо отмечает, что престиж профессии складывается под воздействием реального положения представителей данной профессии в обществе и выражает не столько само содержание конкретного вида труда, сколько социальные последствия для тех людей, которые занима-

¹ ВЦИОМ. «Профессия-учитель!». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitelja-prestizhnost-dokhodnost-privlekatelnost>

ются данной трудовой деятельностью. [Титма, 1988. С.141] В. А. Оссовский понимает престиж профессии как «соотносительную оценку социальной значимости определенной профессиональной категории, субъектом которой выступает либо все общество, либо его отдельные секторы» [Оссовский, 1985. С. 29]. Понятие престижа включает в себя оценку социальной значимости таких профессиональных характеристик, как материальное положение представителей данной профессиональной группы, качество и уровень их образования, стиль жизни, активность участия в управлении, условия труда, возможность удовлетворения потребностей в социальном признании и уважении со стороны других людей.

Интерес представляет анализ мнения Ф. Р. Филиппова, который отмечает, что престиж вообще не определяет объективность социального, профессионального положения людей, а является отражением (адекватным или неадекватным) этого положения в их сознании, общественном мнении. Следовательно, оценка престижности профессии не является результатом лишь собственного опыта, она представляет собой своеобразный сплав собственных и общественных оценок. Бесспорным остается тот факт, что источником формирования престижа любого вида труда является его значимость, важность для общества, которые определяются вкладом данного вида труда в решение текущих и перспективных задач, стоящих перед обществом. [Филиппов, 1990. С. 86] Анализируя проблему престижа педагогического труда, А. Ю. Живага делает следующий вывод: «... престиж социальной или профессиональной группы, социального института является основополагающей оценкой адекватного отражения социальных, экономических, политических позиций, норм и ценностей, характерных для данного общества. Как критерий отражения норм и ценностей престиж формируется в ходе сложных взаимодействий общественных оценок, общественного мнения». [Живага, 2008. С. 24]

Можно заключить, что основой формирования престижа того или иного вида профессиональной деятельности

является его значимость, выражающаяся в степени решения общественных задач. На этой основе общественные институты вознаграждают те виды профессиональной деятельности, которые представляют наибольшую значимость для общества на данном историческом этапе. В этой связи общественный престиж выступает в форме общественно одобряемых границ поведения, в рамках которых формируется привлекательность того или иного вида трудовой деятельности. Потребность в уважении со стороны других людей побуждает индивидов согласовывать свое профессиональное поведение с общественно одобренными стереотипами с целью получения общественного признания. Следует полагать, что общественный престиж отражает социальный статус профессиональных групп или индивида, детерминируемый, в первую очередь, уровнем доходов, власти и привилегий. При этом следует отметить, что свое отношение к профессии человек формирует как на основе ее значимости для общества, так и с учетом тех возможностей, которые она предоставит работнику для удовлетворения различных видов потребностей. Критериями оценок различных видов труда для индивида могут выступать его характер, уровень сложности и ответственности, возможности самореализации, моральное и материальное вознаграждение. Престиж профессии определяется состоянием общественной потребности в соответствующем виде труда и выступает показателем степени актуализации и удовлетворения общественных потребностей в нем.

Результаты исследования

Как отмечает ряд исследователей, занимающихся изучением проблем формирования имиджа педагогического работника, на сегодняшний день имидж педагога целесообразно формировать на основе современных пиар-технологий, популяризировать лучшие педагогические практики через СМИ. В данном контексте интересными представляются результаты исследования, проведенные среди студентов, обучающихся на педагогических специальностях ФГБОУ ВО «Тихоокеанский

государственный университет» в 2023 г.² Так, на вопрос: «О каких известных педагогах Вам приходилось слышать из СМИ» только 7% респондентов смогли отметить таковых (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский, Л. В. Выгодский), 93% студентов затруднились с ответами. Вместе с тем систематические наблюдения в контексте изменения динамики престижа педагогической профессии глазами самого студенческого сообщества дают интересные эмпирические иллюстрации. Мониторинговое исследование, проведенное нами в период с 2008 г. по 2010 г. и с 2021 г. по 2023 г., проиллюстрировало изменение престижа педагогического труда к старшим курсам (студенты старших курсов испытывают кризис, связанный с переосмыслением своего профессионального выбора и с возникающей практической возможностью глубже познакомиться с профессией, сформировать новую модель отношения к педагогическому труду). В целом будущие педагоги оценивают свою будущую профессию как низкопрестижную (табл. 1).

Анализируя роль педагога в формировании имиджевых установок в отношении педагогической профессии у студентов, отметим интересный факт, что у 76% респондентов, обозначивших педагогическую профессию как «пре-

стижную», в жизни присутствовал «идеальный педагог», как правило, их первый учитель, который проводил интересные уроки, поддерживал и вдохновлял учеников, поэтому все относились к нему с соответствующим уважением. В данном контексте, целесообразным представляется фундаментальный анализ проблемы: «А учителя кто?» Безусловно, высокий имидж педагога явствует, как правило, из самой личности педагогического работника (его уровня воспитания, образования, наличия умений нивелировать конфликтные ситуации в коллективе, отношения к профессии, уровня когнитивного и эмоционального интеллекта). В связи с этим следует предположить, что механизм повышения имиджа педагогической профессии в российском обществе должен быть обусловлен в первую очередь конкурсным отбором в педагогическое сообщество не по остаточному принципу, как происходит на сегодняшний день, а на основе фильтров, содержащих иные требования к личности будущего педагога. Мы разделяем позицию профессора Татьяны Черниговской: «В школах должны преподавать не те, кто имеет «тройки» по всем предметам и его не взяли в аспирантуру. В школы должны идти самые лучшие. Особенно в младшую школу. В младшей школе должны препо-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «На ваш взгляд, педагогическая профессия является престижной в современном российском обществе?»
(в % от общего количества опрошенных в каждой группе)

Варианты ответов	2008–2010 гг.			2021–2023 гг.		
	3 курс	4 курс	5 курс	2 курс	3 курс	4 курс
1. Является престижной	9	9	7	25	18	12
2. Не является престижной	59	67	73	43	62	78
3. Затрудняюсь ответить	32	24	20	32	20	10

Источник: составлено автором на основе опроса «Отношение студентов педагогических вузов к педагогической профессии», 2008–2010 гг., 2021–2023 гг.

² Результаты мониторингового социологического исследования по теме «Отношение студентов педагогических вузов к педагогической профессии», проведенного в периоды с 2008–2010 гг. с 2021–2023 гг. среди студентов педагогических специальностей вузов. В опросе приняли участие респонденты из ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» Педагогический институт (ранее ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет»). Тип выборочной совокупности многоступенчатый, квотный (группа, специальность/направление подготовки), случайный на этапе отбора респондентов. В опросе приняли участие 218 респондентов. Руководитель исследования: канд. социол. наук, доцент М. А. Черевко.

давать «звезды»³. В условиях современного образования концепция «понимания», а «не запоминания», как это было раньше, занимает лидирующие позиции, роль и значение педагога значительно трансформировались. Этот факт прямым образом коррелирует с имиджем современного педагога. По словам профессора Черниговской, было проведено большое количество опросов среди студентов и школьников на тему, каким должен быть хороший учитель. Как отмечает ученый, наиболее распространенным вариантом стал: «Я хочу, чтобы учитель меня понимал, был готов выслушать и дать совет, чтобы мне было с кем поговорить». На сегодняшний день образование требует от педагогического работника применение в работе таких профессионально-личностных умений, которые, возможно, не требовались ранее.

Также новых профессиональных умений от педагога ожидает и родительское сообщество. Как видно из результатов исследования, применение умений, связан-

ных с проявлением эмпатии и пониманием обучающегося по принципу равной стороны, востребовано в условиях современного образования не меньше, чем уровень компетентности педагога (табл. 2).⁴

В данном контексте мы можем сделать заключение об объективной необходимости формирования у будущих педагогов в первую очередь компетенций, связанных с эмоциональным интеллектом. Размышляя о личности педагога в условиях современного образовательного пространства, следует все большее внимание обращать на интеллектуальные возможности личности за пределами ее академического интеллекта, выделяя эмоциональный интеллект педагога как самостоятельную психологическую характеристику личности. В свою очередь, мы разделяем научные взгляды ученых, оценивающих эмоциональный интеллект педагога в обучении более существенным фактором, чем интеллектуальные способности. Так, А. И. Савенков отмечает, что эмоциональный интеллект, наряду с академическим и со-

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какими профессионально-личностными качествами, на Ваш взгляд, должен, в первую очередь, обладать учитель для продуктивной работы с современным ребенком?»
(в % от общего числа респондентов)

Варианты ответов	В % от общего числа респондентов
Эмпатия	
Любовь к детям	6,7
Принципиальность	
Компетентность	13,3
Уважение	2,2
Любовь к предмету	2,2
Способность к профилактике и урегулированию конфликтов	
Способность выслушать и заинтересовать обучающегося	73,3
Строгость	
Эрудированность	2,2

Источник: составлено автором на основе опроса «Подготовка учительского корпуса в условиях современных образовательных реформ», 2022–2023 гг.

³ Татьяна Черниговская: «От учителей зависит, какой будет наша планета». URL: <https://pedsovet.org/article/tatana-cernigovskaa-ot-ucitelej-zavisit-kakoj-budet-nasa-planeta>

⁴ Результаты опроса: «Подготовка учительского корпуса в условиях современных образовательных реформ» с 30 ноября 2022 года по 30 апреля 2023 года. Методом случайного отбора опрошено 278 респондентов. В опросе приняли участие респонденты из Хабаровского края, Приморского края, Сахалинской области, Амурской области. Руководитель исследования: канд. социол. наук, доцент М. А. Черевко.)

циальным, имеет определяющее влияние на достижение успеха индивида не только в повседневной жизни, но и в сфере профессиональной педагогической деятельности [Савенков, 2019. С. 27].

Наличие эмоционального интеллекта у педагогического работника – показатель составляющей профессиональной компетентности. Если когнитивные и эмоциональные процессы не слиты в гармоническом единстве, могут наблюдаться существенные личностные деформации: педагог становится менее уверенным в работе, несамостоятельным, напряженным, лишенным воображения, склонным рассчитывать на готовые правила и шаблоны. Эффективность профессиональной деятельности педагогического работника зависит в большей степени от сформированных в процессе обучения способностей использовать данную в педагогической ситуации информацию различными способами и в быстром темпе. Именно развитый эмоциональный интеллект позволяет педагогическому работнику познавать и использовать в работе с обучающимися не отдельные единичные педагогические факты и явления, а творчески выстроенные педагогические конструкции.

Как справедливо отмечает ученый И. Н. Андреева, эмоциональный интеллект представляет собой совокупность эмоциональных и социальных способностей, таких как способность к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, способность к управлению эмоциональной сферой и самомотивация [Андреева, 2018. С. 24]. Все структурные компоненты эмоционального интеллекта взаимосвязаны, и их тесная взаимозависимость способствует эффективному межличностному взаимодействию. Именно эти компоненты эмоционального интеллекта отмечают обучающиеся в результатах опроса – эмпатия, эмоциональная отзывчивость, «полезная» тревожность;

Эмоциональный интеллект педагогического работника на сегодняшний день (этого ждут от него получатели образовательной услуги) представляет из себя конструкцию из следующих взаимодействующих элементов:

восприятие, идентификация эмоций собственных и других людей, правильное выражение эмоций; способность педагога определить эмоции по физическому

состоянию, чувствам и мыслям обучающихся, через внешний вид и поведение обучающихся;

фасилитация мышления – способность педагогического работника вызвать определенную эмоцию и потом контролировать ее;

понимание эмоций заключается в способности понимать сложные эмоции и эмоциональные переходы с одной стадии на другую, анализировать эмоции, использовать эмоциональные знания;

управление своими эмоциями и чувствами других людей. Это рефлексивная регуляция эмоций, необходимая для эмоционального и интеллектуального развития, которая помогает оставаться открытым к позитивным и негативным чувствам; вызывать эмоции или отстраняться от них в зависимости от их информативности или пользы; управлять своими и чужими эмоциями с помощью сдерживания негативных чувств и повышения положительных без искажения содержащейся в них информации.

Ученый Ф. Н. Гоноболин выделяет наиболее важные компетенции современного педагогического работника: способность понимать ученика, педагогический такт, способность к творческой работе, способность быстро реагировать на педагогические ситуации и четко вести себя в них. Он отмечает, что «успешные» педагогические работники отличаются от «неуспешных» следующими характеристиками: благожелательное отношение к обучающимся, ориентация на детей в обучении, высокое вербальное понимание, эмоциональная стабильность. Г. Миллер приводит данные, согласно которым учителя с высоким уровнем педагогического мастерства характеризуются большей уверенностью в себе, меньшей невротичностью или тревожностью [Манойлова, 2019. С. 46]. Вместе с тем такая компетенция, как эмоциональный интеллект, качественно изменяется по мере обучения в вузе у студентов, обучающихся на педагогических специальностях.

Следует заметить, что на сегодняшний день имидж педагога зависит не только и не столько от когнитивной профессиональной наполняемости, а, как свидетельствуют исследования, от умений, которыми он сможет вооружить обучающихся для их будущей жизнедеятельности: не

впадать в панику при возникновении нестандартных жизненных ситуаций, адаптироваться в новых условиях социума, мотивировать себя несмотря на трудности и т. д. Престижность той или иной профессии во многом зависит от состояния общественной потребности в соответствующем виде труда. Следовательно, оценки престижности педагогической профессии в сознании студентов-будущих педагогических работников являются отражением общественного мнения. Они выражаются в виде стереотипов, образцов профессионального поведения и зависят от тех социальных возможностей, которые сможет им предоставить данный вид деятельности в ближайшей перспективе. Изменение приведенных позиций престижности учительского труда определяется переменами, происходящими в общественных оценках, а именно в материальном и моральном вознаграждении (повышение или понижение заработной платы, изменение статуса данной профессии в общей социально-профессиональной структуре занятости населения). Следовательно, существующая динамика определяется не только содержательными аспектами учительской работы и степенью ее сложности, но и совокупностью социально-экономических условий ее выполнения, уровнем общественной потребности в данном виде труда. Общественный престиж профессии учителя в современной ситуации не определяет смысловое будущее и, как показало исследование, не создает позитивной профессиональной перспективы для доминирующей части студентов педагогических специальностей. Своё отношение к выбранной профессии студенты определяют опираясь на ряд факторов: значимость данного вида труда для общества и те возможности, которые предоставит работа в будущем. Как видно из результатов нашего исследования, в качестве критериев оценки привлекательности педагогического труда наряду с потребностями и ценностными предпочтениями индивида выступают ценно-

сти общества, оценки общественных институтов. В целом формирование оценок престижа учительского труда в сознании молодежи осуществляется посредством усвоения готовых общественных стереотипов, существующих в обществе.

Вместе с тем, анализируя факторы, влияющие на трансформацию социального статуса педагога, целесообразно расставить акценты и на трудностях, связанных с осуществлением педагогической деятельности.

Интересным с точки зрения заявленной проблематики представляется анализ данных, полученных в рамках международного исследования по вопросам преподавания и обучения (Teaching and Learning International Survey, TALIS) Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) на основе сравнения работы российских учителей (4076 респондентов из 14 регионов Российской Федерации) с коллегами из 37 стран.⁵ Основной негативный показатель, который выявили результаты исследования, представлен в виде высокого уровня трудовой нагрузки российских педагогов. В странах ОЭСР средняя нагрузка школьного учителя составляет 39 часов в неделю, в России – 46 часов. При этом около 88% российских педагогов работают на полную ставку, еще большее количество часов работают только учителя в школах стран Азии. Критическим моментом в работе российского учителя является чрезмерный объем административной работы, в том числе в виде заполнения различных видов отчетной документации. Данный факт подтверждают и результаты исследования, проведенного среди молодых педагогов на этапе их профессиональной адаптации (таблица 3).⁶

Противоречивым остается факт, связанный с оценками престижа педагогического труда молодыми педагогами. Так, при ответе на вопрос «Как, на Ваш взгляд, за последние пять лет изменился статус педагогического работника» 27%

⁵ Интернет-журнал «Наукovedение». URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/112EVN615.pdf>

⁶ Результаты опроса: «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства» с 20 ноября 2021 года по 30 февраля 2022 года. Методом случайного отбора опрошено 237 молодых учителей, имеющих стаж педагогической деятельности в школе от 1 года до 5 лет. В опросе приняли участие респонденты из Хабаровского края, Приморского края, Сахалинской области, Амурской области Республики Саха (Якутия). Руководитель исследования: канд. социол. наук, доцент М.А. Черевко.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос: «В чем Вы испытываете наибольшую дефицитарность, работая учителем в школе?»
(в процентах от числа респондентов)**

Варианты ответов	%
Дефицит времени общения с коллегами	3
Дефицит времени общения с близкими и родными из-за большого объёма документальной работы	30
Дефицит опыта в работе с обучающимися	11
Дефицит опыта в работе с родителями	12
Дефицит опыта в планировании своего рабочего времени	20
Дефицит опыта в преподавании предмета	12
Дефицит опыта в работе с руководством	2
Дефицит понимания со стороны учащихся и их родителей	7
Дефицит времени для подготовки к урокам	2
Меня абсолютно все устраивает	1

Источник: составлено автором на основе опроса «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства».

респондентов отметили его повышение, 39% считают, что статус не изменился, 34% отметили динамику к понижению статуса педагогического работника. Безусловно, в силу отсутствия весомого профессионального опыта начинающие педагоги оценивали собственные ощущения на момент проведения опроса.

В рамках исследуемой проблемы интерес представляет изучение влияния на престиж педагогического труда такого фактора, как авторитет педагогического работника. Авторитет педагогического работника, в свою очередь, можно рассматривать как признание обучающимися значимости личности педагога, основанной на силе как образовательного, так и воспитательного воздействия. Исходя из субъективных оценок респонденты (молодые педагоги) отмечают, что «учитель является одним из авторитетов для обучающихся» (53%), 39% респондентов отмечают, что «обучающиеся воспринимают авторитет учителя как нечто необязательное» и только 8% молодых педагогов рассматривают авторитет педагогического работника в качестве ответа «авторитет педагогического работника отсутствует среди обучающихся». ⁶ Также среди важных качеств истинного, а не ложного педагогического авторитета, респонденты выделяют компетентность

педагога в своей области, референтность (готовность педагога помочь обучающимся не только в рамках своего предмета, но и в любой другой жизненной ситуации), уважение педагогом личности своих воспитанников, стремление к взаимопониманию и сотрудничеству с ними. Таким образом, наблюдается прямая взаимозависимость между авторитетом и престижем педагогического труда.

Заключение

На наш взгляд, анализ динамики векторов в отношении роли современного педагога в обществе и его престижа многогранен и противоречив. С одной стороны, перспективным и многообещающим выглядит курс, выбранный государством для повышения престижа педагогического труда и привлечения в образовательные организации молодых педагогов с новой формой мышления и новыми подходами к работе. На сегодняшний день обсуждается большое количество законодательных инициатив в отношении защиты прав педагогических работников (приравнение педагогов к сотрудникам правоохранительных органов в контексте мер административной или уголовной ответственности за оскорбление педагога, наделение педагогических работников статусом муниципального служащего). В рамках профориентационных мероприя-

тий и привлечения выпускников в педагогические вузы проводится ежегодная Российская психолого-педагогическая олимпиада школьников им. К. Д. Ушинского, в регионах активно развивается система целевого набора на педагогические специальности, существует льготное ипотечное кредитование, пролонгирована программа «Земский учитель», системно улучшаются условия оплаты труда.

С другой стороны, как проиллюстрировали результаты опроса, на имиджевые характеристики педагога значительно влияют и административно-организационные трудности, существующие на сегодняшний день в системе современного образования всех уровней. Так, на фоне постепенного «исчезновения» универсальных старших классов происходит трансформация образовательных организаций основного общего образования в подготовительные курсы для сдачи ЕГЭ. Полноценное обучение в школах заканчивается в восьмом классе, и далее обучение сводится к подготовке к экзаменам и зарабатыванию баллов для поступления в старшие классы. Следовательно, в данной образовательной концепции все компетенции, о которых ра-

нее шла речь, теряют свою значимость. Вместе с тем уровень стресса и напряжения, который испытывают все субъекты педагогического процесса, не может не отражаться и на имидже самого педагогического работника. Присутствующий «образовательный сумбур» с демонстрацией формальных рейтингов во многом снижает положительные оценки педагогического труда, педагогическому работнику новой формации сложно формировать своей авторитет и заниматься выбранным любимым профессиональным делом. Как показывает практика, в условиях современной бюрократизации педагогический работник постепенно утрачивает способность к креативному и творческому мышлению. Следует предположить, что системное решение внутренних проблем всего российского образовательного кластера следует рассматривать как основополагающий посыл к дальнейшей работе по повышению имиджа педагогического работника. Возможно, именно шлейф организационно-правовых и методических противоречий выступает основной преградой в вопросах трансформации имиджа современного российского педагога.

Список источников:

1. Андреева, И. Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я Международная научно-практическая конференция. Смоленск: СГПУ, 2018. Ч. 1. С. 22–26.
2. Егорычев, А. М. Социальное становление человека: развитие, воспитание и социализация на смыслах и ценностях национальной культуры // Педагогическое образование и наука. 2016. № 5. С. 78–84.
3. Живага, А. Ю. Особенности профессиональных ориентаций студенческой молодежи. Автореферат дисс. ... канд. социол. наук. Москва, 2008. 30 с.
4. Загвязинский, В. И. Личность педагога и перспективы развития отечественного образования // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1, № 1(1). С. 145–153.
5. Манойлова, М. А. Развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов. Псков : ПГПИ, 2019. 60 с.
6. Оссовский, В. Л. Формирование трудовых ориентаций молодежи (методологические и методические проблемы социологического исследования). Рига : Зинатне, 1985. 124 с.
7. Савенков, А. И., Нарикбаева, Л. М. Интеллект, ведущий к профессиональному успеху, как фактор развития профессиональной одаренности будущего специалиста // Одаренный ребенок. 2019. № 6. С. 22–36.
8. Титма, М. Х., Ашмане, М. Е., Матулёнис, А. А. и др. Молодежь: ориентации и жизненные пути. Рига : Зинатне, 1988. 207 с.
9. Тумалев, В. В. Учительство в ситуации социально-политических перемен. В

5-ти частях. Ч. 1: учительство как социально-профессиональная страта. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995. 42 с.

10. Филиппов Ю., Ф. Р. Школа и социальное развитие общества. М.: Педагогика, 1990. 157 с.

References:

1. Andreeva, I. N. (2018) Concept and structure of emotional intelligence / I.N. Andreeva *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy mental'nosti: 6-ya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Social and psychological problems of mentality: 6th Interuniversity Scientific and Practical Conference]. Smolensk: SGPU, part 1, pp. 22–26 (in Russ.)

2. Egorychev, A. M. (2016) Social formation of a person: development, education and socialization on the meanings and values of national culture *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science], no. 5, pp. 78–84 (in Russ.)

3. Zhivaga, A. Yu. (2008) Features of professional orientations of student youth. Abstract of diss...cand. sociol. sci. Moscow, p. 30 (in Russ.)

4. Zagvyazinsky, V. I. (2015) Personality of a teacher and prospects for the development of domestic education *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of Tyumen State University. Humanities studies. Humanities], vol. 1, no. 1(1), pp. 145–153 (in Russ.)

5. Manoilova, M. A. (2019) Development of emotional intelligence of future teachers. Pskov: PGPI, p. 60 (in Russ.)

6. Ossovsky, V. L. (1985) Formation of youth labor orientations (methodological and methodological problems of sociological research). Riga : Zinatne, p. 124 (in Russ.)

7. Savenkov, A. I., Narikbaeva L. M. (2019) Intelligence leading to professional success as a factor in the development of professional talent of a future specialist *Odarenniy rebenok* [Gifted child], no. 6, pp. 22–36 (in Russ.)

8. Titma, M. Kh., Ashmane, M. E., Matulionis, A. A. et al. (1988) Youth: orientations and life paths. Riga : Zinatne, p. 207 (in Russ.)

9. Tumalev, V. V. (1995) Teaching in a situation of socio-political changes. In 5 parts. Part 1: teaching as a socio-professional stratum. St. Petersburg: Publishing house SPbUEF, p. 42 (in Russ.)

10. Filippov, F. R. (1990) School and social development of society. М.: Pedagogy, p. 157 (in Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 26.04.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 26.04.2024.

Информация об авторе

М. А. Черевко – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры сестринского дела с курсом социальных дисциплин, Дальневосточный государственный медицинский университет; декан повышения квалификации судей и госслужащих судов, Дальневосточный филиал Российский государственный университет правосудия.

Information about the author

M. A. Cherevko – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of nursing with a course in social disciplines, the Far-Eastern State Medical University; Dean of the advanced training of judges and civil servants of courts, the Far-Eastern branch of the Russian State University of Justice.

Научная статья
УДК 351.85(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-105-116

Имидж ведущего учреждения культуры Дальнего Востока в социологических оценках

Светлана Николаевна Басова¹, Наталья Петровна Сидорова², Татьяна Александровна Торопова³, Анна Павловна Шестоपालко⁴

^{1, 2, 3} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

⁴ КГАУК «Хабаровский краевой музыкальный театр», Хабаровск, Россия

¹ basova-sn@ranepa.ru

² sidorova-np@ranepa.ru

³ babukh@mail.ru

⁴ annashestopalko@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты оценки имиджа государственного учреждения культуры на примере Хабаровского краевого музыкального театра, его внешнего и внутреннего контекста. Они отражают сложившиеся в общественном мнении образы учреждений культуры краевого центра региона, полученные посредством пилотного опроса целевой аудитории получателей их услуг, потребности, предпочтения, ожидания и требования, а также на основании рейтингов конкурентов на информационных порталах. В результате исследования определено, что имидж является важным конкурентным преимуществом учреждения культуры и, как следствие, оказывает существенное влияние в целом на их деятельность и успех на рынке. Отмечается, что для учреждений культуры важно проводить эффективную политику по формированию и управлению репутацией и корпоративным имиджем, используя для этой цели имеющиеся технологии, инструменты, средства и ресурсы. Анализ внешнего имиджа Хабаровского музыкального театра показал, что он соответствует устойчивой лидерской позиции, которую занимает на рынке культурно-досуговых услуг Хабаровского края. Поэтому для поддержания и укрепления имиджа следует и далее придерживаться текущей репутационной концепции, учитывая при этом интерес зрителей к многообразию культурных мероприятий, проводимых Хабаровским краевым музыкальным театром, а для укрепления внутреннего имиджа руководству учреждения необходимо уделить внимание развитию корпоративной культуры и материальной поддержке сотрудников.

Ключевые слова: учреждение культуры, театр, Хабаровский краевой музыкальный театр, имидж, социальный имидж, внешний имидж театра, внутренний имидж театра, рейтинговая оценка, пилотажное исследование

Для цитирования: Басова, С. Н., Сидорова, Н. П., Торопова, Т. А., Шестоपालко, А. П. Имидж ведущего учреждения культуры Дальнего Востока в социологических оценках // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 105–116 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-105-116>

The image of the leading cultural institution of the Far East in sociological assessments

Svetlana N. Basova¹, Natalia P. Sidorova², Tatyana A. Toropova³, Anna P. Shestopalko⁴

^{1,2,3} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia

⁴ The Khabarovsk Regional Musical Theater, Khabarovsk, Russia

¹ basova-sn@ranepa.ru

² sidorova-np@ranepa.ru

³ babukh@mail.ru

⁴ annashestopalko@yandex.ru

Abstract. *The article presents the results of the assessment of the state cultural institution's image on the example of the Khabarovsk Regional Musical Theater, its external and internal context. They reflect the images of cultural institutions of the regional center that have been developed in public opinion, obtained through a pilot survey of the target audience – recipients of their services, their needs, preferences, expectations and requirements, as well as ratings of competitors on information portals. As a result of the study, it was found that the image is an important competitive advantage of cultural institutions and has a significant impact on their overall activities and success in the market. It is worth noting, that it is important for cultural institutions to pursue an effective policy on the formation and management of reputation and corporate image, using available technologies, tools, means and resources for this purpose. The analysis of the Khabarovsk Musical Theater's external image showed that it contributes to the stable leadership position that the Theater occupies in the market of cultural and leisure services of the Khabarovsk Territory. Therefore, in order to maintain and strengthen the image, it is necessary to continue to adhere to the current reputation concept, while taking into account the interest of the audience in the variety of cultural events held by the Theater. To strengthen the internal image of the Theater, the management of the institution needs to pay attention to the development of corporate culture and financial support for employees.*

Keywords: *cultural institution, theater, Khabarovsk Regional Musical Theater, image, social image, external image of the Theater, internal image of the Theater, rating assessment, aerobatic research*

For citation: Basova, S. N., Sidorova, N. P., Toropova, T. A., Shestopalko, A. P. (2024) The image of the leading cultural institution of the Far East in sociological assessments *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 105–116 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-105-116>

Введение

Сущность имиджа как научной категории раскрывается с позиции ряда подходов: экономического, маркетингового, психологического и социологического. В рамках темы исследования, ориентированного на оценку имиджа учреждения культуры, наибольший интерес представляет психологический и социологический подходы, которые предполагают,

что имидж учреждения культуры – это внешний образ, создаваемый им с целью вызвать определенное впечатление, мнение и отношение различных аудиторий. В основе имиджа, с точки зрения этих подходов, лежат социально-психологические закономерности восприятия, социальные представления, стереотипы, процессы межличностных, межгрупповых и массовых коммуникаций.

Структурно имидж учреждения культуры может быть представлен совокупностью различных элементов, каждый из которых играет важную роль в формировании общего имиджа учреждения и способствует его успешному развитию на рынке культурно-досуговых услуг [Чикова, Елсукова, 2023].

Внутренний имидж учреждения представляет собой совокупность представлений, мнений и впечатлений сотрудников об учреждении, в котором они работают, его руководстве и коллегах [Бугаева, 2017]. Он включает в себя такие аспекты, как корпоративная культура, система мотивации, коммуникации внутри учреждения, условия труда, взаимоотношения между сотрудниками и т. д. Внутренний имидж играет важную роль в создании благоприятной рабочей атмосферы, повышении мотивации сотрудников и их удовлетворенности работой.

Внешний имидж учреждения культуры – это его образ, который формируется у посетителей, зрителей, партнеров, конкурентов и широкой общественности в целом. Он включает в себя такие составляющие, как репутация учреждения, перечень и качество оказываемых услуг, дизайн и оформление помещений, участие в социальных проектах и т. д. [Комарова, 2018].

Как видно из рисунка, внешний имидж учреждения включает в себя:

- имидж учреждения у потребителей – это восприятие, оценка его клиентами, зрителями, посетителями;
- бизнес-имидж учреждения – образ учреждения в глазах партнеров, инвесторов, других участников бизнес-сообщества [Гененко, Ряднова, Ефремова, 2019];
- имидж учреждения культуры в глазах государственных органов – представление об учреждении со стороны государственных структур, других регулирующих органов и общественных организаций;
- социальный имидж – восприятие учреждения обществом в целом, не только зрителями, посетителями и партнерами, но и всеми людьми, которые так или иначе взаимодействуют с учреждением [Щемелинина, 2023]. Данная составляю-

щая имиджа играет важную роль в развитии учреждения, так как она способствует формированию положительного отношения общества к нему, и как следствие – повышению его конкурентоспособности, привлекательности для спонсоров и партнеров [Симонова, 2019].

Значимость проблемы формирования, поддержания и развития имиджа любой организацией, в том числе и учреждением культуры, обусловлена необходимостью равновесия между представлением, которое учреждение хотело бы создать о себе у целевой аудитории, и представлением об учреждении, которое уже существует у потенциального клиента (эти представления могут не только не совпадать, но и быть крайне далеки друг от друга). Именно в этом и заключается значимость работы над желаемым образом учреждения культуры, ведь в случае пренебрежения данным процессом имидж может сложиться стихийно и не всегда благоприятно для учреждения [Уразметов, 2023].

В этой связи учреждениям культуры необходимо проводить мониторинг мнения различных групп общественности о своей репутации, осуществлять оценку имиджа и принимать меры по его укреплению. Результаты таких исследований должны стать тем вектором, который будет направлять всю дальнейшую деятельность учреждения по формированию (поддержанию и развитию) имиджа.

Методология исследования

Хабаровский краевой академический музыкальный театр (далее – Театр) позиционирует себя как ведущий театр Хабаровского края. Он единственный на Дальнем Востоке России, в котором представлены такие музыкальные жанры, как оперетта, балет, музыкальный детектив, спектакли для детей, пластические спектакли, музыкальные комедии и мюзиклы, что выгодно отличает театр от конкурентов, давая возможность создавать уникальное торговое предложение на рынке исполнительских искусств [Шестоपालко, Торопова, 2023].

Для сохранения и укрепления образа ведущего театра необходима постоянная работа по изучению мнения различных групп общественности о его узнаваемо-

сти, привлекательности, репутации и доверия к нему. Ведь театральная сфера занимает особое положение в современном обществе и является частью культурного наследия страны (края, города), выполняет особые нравственные, эстетические и воспитательные функции.

С целью изучения сложившегося образа (внешнего и внутреннего имиджа) Театра в сознании различных групп общественности, а также для определения позиций на региональном рынке культурно-досуговых услуг относительно конкурентов, были применены следующие методы исследования:

1. Сравнительный анализ рейтингов хабаровских театров, представленных в таких электронных поисково-информационных системах как Яндекс.Карты, Гугл.Карты, 2ГИС, Портал Bebeshka.info, Портал AyLe.ru, Tripadvisor, Я-Топчик.

Рейтинг на данных порталах определяется исходя из множества факторов, по которым рассчитывается итоговая оценка. На количество «звезд» влияет рубрика и количество фирм-конкурентов в ней, количество и качество отзывов, а также уровень доверия к людям, оставившим отзывы. Берется в расчет дата создания аккаунта, общая активность пользователя в сервисах, количество оставленных отзывов и история посещений театров (если это площадки с геоинформационной системой).

2. Пилотажное исследование с целью апробации концепции исследования, инструментария, проверки надежности процедуры, определения необходимого объема выборки, а также определения финансовых расходов и сроков проведения масштабного исследования в дальнейшем.

Исследование внешнего имиджа Театра проводилось с помощью метода сбора эмпирической информации – анкетного опроса 150 респондентов, являющихся целевой его аудиторией. Опрос был проведен с использованием Google-формы и позволил получить информацию, связанную с отношением зрителей к деятельности театра; выяснить, как часто они посещают данное учреждение; выявить потребности и жанровые предпочтения в сфере театрального искус-

ства; уточнить гендерные и возрастные признаки целевой аудитории.

Исследование внутреннего имиджа Театра осуществлялось с помощью включенного наблюдения и устного опроса представителей трудового коллектива с целью определения общей социально-психологической атмосферы, коммуникаций, взаимоотношений между сотрудниками, системы мотивации, условий труда.

Дополнительными материалами для эмпирической базы исследования являлись сведения, содержащиеся в локальных документах КГАУК «Хабаровский краевой академический музыкальный театр»; статистических, аналитических и отчетных данных о работе Театра; материалах ранее проводимых социологических опросов по проблемам имиджа театров России; информации, размещенной на сайтах театров г. Хабаровска.

Результаты исследования

Внешний имидж Театра изучался посредством анализа рейтингов Хабаровских театров и опроса целевой аудитории (табл. 1). В рейтинге среди ведущих театров краевого центра Хабаровский краевой академический музыкальный театр занимает 1 и 2 позиции, за исключением платформы 2ГИС. При этом стоит обратить внимание на то, что выборка отзывов 2ГИС составляет всего 286 единиц, поэтому данную оценку вполне можно отнести на статистическую погрешность, либо на специфический трафик аудитории. Также следует отметить, что в выборку включена Хабаровская краевая филармония, которая формально не является театром. Причина ее включения в том, что она представлена во всех рейтингах и запросах интернет-СМИ, а значит и в информационном поле она позиционируется среди театров, поэтому логично было включать ее в выборку. Филармония демонстрирует наивысшие рейтинги, что можно объяснить спецификой ее репертуара и аудитории, профессионализмом и уровнем организации деятельности. В этой связи следует принять имидж Филармонии как эталонный для данной выборки в рамках г. Хабаровска.

Использованные в качестве источников информации площадки демонстри-

Таблица 1

Результаты рейтингового анализа внешнего имиджа театров г. Хабаровска

Участники рейтинга	Показатели	Яндекс карты ¹	Гугл карты ²	2гис ³	bebishka ⁴	АйЛе.ру ⁵	tripadvisor ⁶	Я-Топчик ⁷
1. Хабаровский краевой академический музыкальный театр	Место в рейтинге	2	1	6	2	2	3	1
	Выборка (количество оценок и отзывов)	2152	1144	286	2098	1716	54	-
	Оценка	4,8	4,8	4	4,8	4,8	4,5	-
2. Хабаровский краевой театр драмы	Место в рейтинге	2	6	4	3	3	3	2
	Выборка (количество оценок и отзывов)	1759	3	85	1735	1558	21	-
	Оценка	4,7	4,6	4,4	4,7	4,7	4,5	-
3. Хабаровская краевая филармония	Место в рейтинге	1	1	5	1	1	1	5
	Выборка (количество оценок и отзывов)	149	887	132	147	118	25	-
	Оценка	4,9	4,8	4,2	4,9	4,9	5,0	-
4. Хабаровский краевой театр юного зрителя	Место в рейтинге	4-5	2	1	4	4	1	4
	Выборка (количество оценок и отзывов)	463	433	123	455	403	30	
	Оценка	4,6	4,7	4,6	4,6	4,6	5,0	
5. Хабаровский краевой театр кукол	Место в рейтинге	6	1	3	4	6	5	6
	Выборка (количество оценок и отзывов)	420	390	35	455	357	24	-
	Оценка	4,5	4,8	4,4	4,6	4,5	4,3	-
6. МБУК Камерный театр «Триада»	Место в рейтинге	4-5	1	2	4	4-5	4	3
	Выборка (количество оценок и отзывов)	551	285	136	541	468	28	-
	Оценка	4,6	4,8	4,5	4,6	4,6	4,4	-

Источник: составлено авторами по результатам анализа рейтинговых интернет-площадок.

¹ Яндекс карты. URL: https://yandex.ru/maps/discovery/podborka_teatr_khabarovsk-76/?ll=135.090243%2C48.472915&z=13

² Гугл карты. URL: <https://top-salon-avto.ru/eto-interesno.php?page=%D0%A5%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%20%D1%82%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80%20%D0%BA%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%BB%20%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%88%D0%B0%20%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82&url=/140624/habarovsk-teatr-kukol-afisha-ofitsialnyj-sajt/?ysclid=lxe99wt0x5357049849>

³ 2Гис Карты. URL: <https://2gis.ru/khabarovsk/search/%D0%A2%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80%D1%8B>

⁴ Информационный портал Бебешка. URL: <https://khv.bebeshka.info/habarovsk/teatry/>

⁵ Информационный портал АйЛе. URL: <https://khv.ayle.ru/teatry-v-habarovske/>

⁶ Информационный портал Трипаваизор. URL: <https://www.tripadvisor.ru/Attractions...>

⁷ Рейтинговый портал «Я-топчик» Хабаровскую URL: <https://topchik.me/habarovsk/teatry?ysclid=lw8t1emt247683485>

руют разные результаты. Так, например, рейтинговый портал «Я-Топчик» показывает только рейтинг без раскрытия числовой оценки результатов (далее во взвешенной оценке данные этого портала не учитывались). Как видно, оценки на отдельных площадках по некоторым театрам совпадают, что определило распределение мест.

Поскольку количество отзывов на разных рейтинговых площадках сильно варьируется, целесообразно было получить взвешенную оценку внешнего имиджа театров. Результаты взвешенной оценки КГАУК «Хабаровский краевой академический музыкальный театр» представлены в таблице 2.

Взвешенный показатель внешнего имиджа Хабаровского краевого музыкального театра демонстрирует значение 4,77 балла, что выше, чем средняя арифметическая оценка рейтинговых площадок. Расчеты взвешенной оценки по другим театрам (конкурентам) представлены в сводной таблице 3.

Как видно из представленных данных, взвешенная оценка внешнего имиджа Хабаровского краевого театра драмы составила 4,68 балла. В то время как оценка имиджа Хабаровской краевой филармонии продолжает оставаться наиболее высокой – 4,78 балла, но уже только на 0,01 единицы опережает оценки исследуемого Театра, что составляет статистическую погрешность (табл. 4).

Взвешенная оценка внешнего имид-

жа Хабаровского краевого театра юного зрителя составляет 4,63 балла, что уже существенно ниже, чем у исследуемого Театра и Хабаровской краевой филармонии. Взвешенные оценки внешнего имиджа Театра кукол составляют 4,60 балла, Камерного театра «Триада» – 4,68 балла. Итоговые взвешенные оценки по всем театрам представлены в таблице 4.

Как видно из сводной таблицы, лидерами рейтинговой оценки внешнего имиджа являются Хабаровская краевая филармония и Хабаровский краевой академический музыкальный театр с разницей 0,01 балл. При этом другие театры уступают лидерам незначительно, т. к. разница в рейтинге варьируется от 0,1 до 0,2 балла. Полученные результаты можно представить в виде точечного графика (рис. 1), где все театры г. Хабаровска представлены согласно итоговой оценке внешнего имиджа. При этом явно видны кластеры близких оценок для первых двух и третьего и четвертого театров, а оценки пятого и шестого различаются.

Таким образом, можно сделать вывод, что на основании оценки внешнего имиджа посредством анализа отзывов и оценок на наиболее популярных площадках Интернета Хабаровский краевой академический музыкальный театр имеет имидж, который соответствует той лидерской позиции, которую он формирует для своих стейкхолдеров.

Для более комплексной оценки внеш-

Таблица 2

Взвешенная оценка внешнего имиджа Хабаровского краевого академического музыкального театра

Наименование площадки	Оценка	Выборка (количество оценок и отзывов)	Удельный вес	Взвешенная оценка	Повышенная точность оценки
Яндекс карты	4,8	2152	0,29	1,39	1,387
Гугл карты	4,8	1144	0,15	0,74	0,737
2гис	4	286	0,04	0,15	0,154
bebeShka	4,8	2098	0,28	1,35	1,352
АйЛе.ру	4,8	1716	0,23	1,11	1,106
tripadvisor	4,5	54	0,01	0,03	0,033
Итого	4,6	7450	1	4,77	4,767

Источник: составлено и рассчитано авторами.

Таблица 3

**Взвешенная оценка внешнего имиджа театров-конкурентов
Хабаровского краевого академического музыкального театра**

Участники рейтинга	Наименование площадки	Оценка	Выборка (количество оценок и отзывов)	Удельный вес	Взвешенная оценка	Повышенная точность оценки
1. Хабаровский краевой театр драмы	Яндекс карты	4,7	1759	0,28	1,31	1,313
	Гугл карты	4,6	1137	0,18	0,83	0,831
	2гис	4,4	85	0,01	0,06	0,059
	bebeshka	4,7	1735	0,28	1,30	1,295
	АйЛе.ру	4,7	1558	0,25	1,16	1,163
	tripadvisor	4,5	21	0,00	0,02	0,015
Итого		4,6	6295	1,00	4,68	4,677
2. Хабаровская краевая филармония	Яндекс карты	4,9	149	0,10	0,50	0,501
	Гугл карты	4,8	887	0,61	2,92	2,920
	2гис	4,2	132	0,09	0,38	0,380
	bebeshka	4,9	147	0,10	0,49	0,494
	АйЛе.ру	4,9	118	0,08	0,40	0,397
	tripadvisor	5,0	25	0,02	0,09	0,086
Итого		4,8	1458	1	4,78	4,778
3. Хабаровский краевой театр юного зрителя	Яндекс карты	4,6	463	0,24	1,12	1,117
	Гугл карты	4,7	433	0,23	1,07	1,067
	2гис	4,6	123	0,06	0,30	0,297
	bebeshka	4,6	455	0,24	1,10	1,098
	АйЛе.ру	4,6	403	0,21	0,97	0,972
	tripadvisor	5,0	30	0,02	0,08	0,079
Итого		4,7	1907	1	4,63	4,629
4. Хабаровский краевой театр кукол	Яндекс карты	4,5	420	0,25	1,12	1,124
	Гугл карты	4,8	390	0,23	1,11	1,114
	2гис	4,4	35	0,02	0,09	0,092
	bebeshka	4,6	455	0,27	1,25	1,245
	АйЛе.ру	4,5	357	0,21	0,96	0,956
	tripadvisor	5	24	0,01	0,07	0,071
Итого		4,6	1681	1	4,60	4,602
5. МБУК Камерный театр Триада	Яндекс карты	4,5	420	0,25	1,12	1,124
	Гугл карты	4,8	390	0,23	1,11	1,114
	2гис	4,4	35	0,02	0,09	0,092
	bebeshka	4,6	455	0,27	1,25	1,245
	АйЛе.ру	4,5	357	0,21	0,96	0,956
	tripadvisor	5	24	0,01	0,07	0,071
Итого		4,6	1681	1	4,60	4,602

Источник: составлено и рассчитано авторами.

Таблица 4

Общий рейтинг оценок внешнего имиджа театров г. Хабаровска

Место в рейтинге	Театр	Взвешенная оценка повышенной точности	Взвешенная оценка
1	Хабаровская краевая филармония	4,778	4,78
2	Хабаровский краевой академический музыкальный театр	4,767	4,77
3	МБУК Камерный театр «Триада»	4,684	4,68
4	Хабаровский краевой театр драмы	4,677	4,68
5	Хабаровский краевой театр юного зрителя	4,629	4,63
6	Хабаровский краевой театр кукол	4,602	4,60

Источник: составлено и рассчитано авторами.

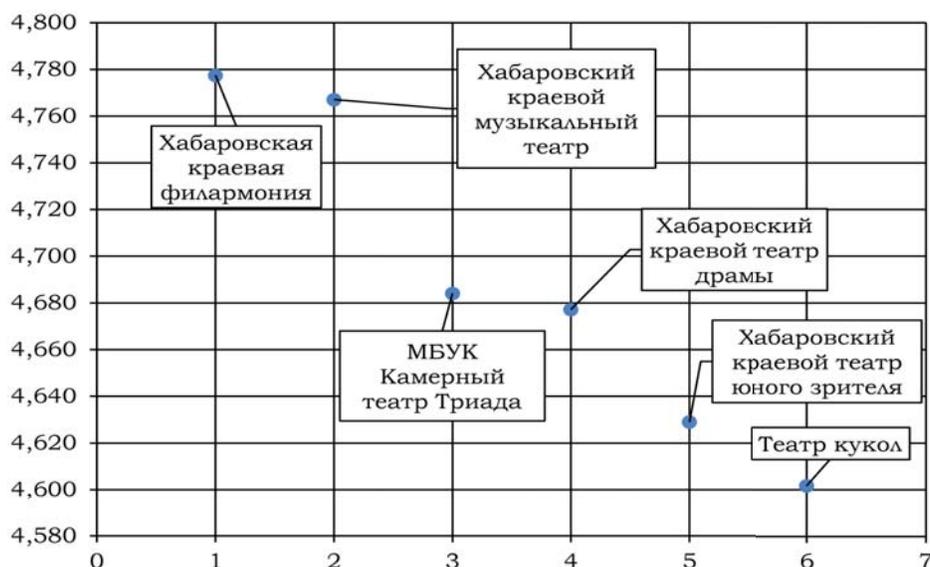

Рис. 1. Оценки внешнего имиджа театров г. Хабаровска

него имиджа Театра было произведено анкетирование целевой аудитории – зрителей. В рамках пилотажного исследования в анкетировании принимало участие 150 человек, среди которых 70% – женщины, 30% – мужчины. Среди опрошенных респондентов в возрасте до 25 лет оказалось 40 %, от 25 до 35 лет – 30%, от 30 до 50 – 20%, от 50 лет и выше – 10%.

Таким образом, удалось уточнить гендерные и возрастные характеристики целевой аудитории, к ней преимущественно относятся женщины, если говорить о возрасте зрителей, то это люди до 35 лет.

В этой связи Театру в будущем необходимо особое внимание уделять интересам и предпочтениям молодой аудитории. Но, поскольку исследование было пилотажным, и, как следствие, выборка была недостаточно репрезентативна, не стоит исключать из целевой аудитории мужчин и другие возрастные категории зрителей.

Анализ ответов на вопросы анкеты, направленные на определение частоты посещения Театра и предпочтений зрителей, показал, что половина опрошенных посещают Театр 1–3 раза в месяц (49%), пятая часть – каждые выходные

(21%), четверть респондентов ответили, что посещают иногда (2–3 раза в год) (26%). Только статистически незначительное число респондентов не посещают Театр (4%).

Более трети респондентов (38%) отдают предпочтение мюзиклам, четверть (24%) – сказкам для детей, пятая часть (20%) – экспериментальным спектаклям. Примерно столько же опрошенных (18%) готовы посещать спектакли всех жанров, представленных в репертуаре Театра. Как видно, наиболее востребованным жанром являются мюзикл, который исторически выступает «визитной карточкой» Музыкального театра г. Хабаровска, что соответствует реально сложившемуся имиджу Театра.

Анализ заинтересованности зрителей в других мероприятиях Театра показал, что одной трети опрошенных (35%) интересны экскурсии по закулисыю, другой трети (30%) – творческие встречи с артистами. В мероприятиях для детей («утренники») заинтересован каждый четвертый опрошенный (24%). В меньшей мере для респондентов интересны мастер-классы по актерскому мастерству (15%). Только один из десяти опрошенных (10%) выразил готовность посещать все мероприятия, организуемые Театром.

Полученные результаты дают основания рекомендовать проводить экскурсии по цехам и служебным помещениям Театра, лекции о театральном искусстве, мастер-классы, встречи с актерами.

Половина опрошенных (46%) получают информацию о проводимых в театре мероприятиях из социальных сетей и третья часть (30%) респондентов на сайте Театра. Менее значимыми источниками о мероприятиях Театра для опрошенных являются сайт ДВ ХАБ (14%), друзья, знакомые и коллеги (10%).

Респонденты оценивали качество мероприятий, проводимых Театром, как совокупность характеристик актерского мастерства, постановки, костюмов и декораций, музыкального сопровождения. Качеством проводимых мероприятий полностью удовлетворены 78% респондентов, частично удовлетворены 16%, не удовлетворены 6%.

По мнению большинства опрошенных (68%) в последнее время работа Театра

изменилась в лучшую сторону, а каждый четвертый (24%) считает, что она «осталась на прежнем уровне» и лишь незначительная часть отмечает ухудшение (8%).

Для определения конкурентных позиций Театра выяснялось, какие еще театры посещают респонденты. Выявлено, что наиболее часто посещаемыми являются Хабаровский краевой театр драмы (67%), Хабаровская краевая филармония (53%). Доля опрошенных, посещающих другие театры, составляет незначительную часть.

Изучение внутреннего имиджа Театра методами включенного наблюдения и опроса его сотрудников показало, что в целом социально-психологический климат в коллективе оценивается как благоприятный. На вопрос «Как Вы оцениваете взаимоотношения в рабочем коллективе в целом?» большая часть участников опроса (71%) ответили «удовлетворительно», каждый десятый (10%) считает их «хорошими». Однако пятая часть (19%) участников опроса затруднились ответить. При этом на вопрос о наличии в коллективе конфликтов и разногласий более половины опрошенных сотрудников ответили, что конфликты происходят часто, четверть отмечают, что периодически возникают споры. Каждый пятый из числа опрошенных (21%) ответил, что разногласий в коллективе нет.

Таким образом, если сопоставить ответы по оценке социально-психологического климата в коллективе и степени конфликтности, то можно констатировать, что несмотря на то, что конфликты бывают часто, они не сказываются на общей атмосфере. Это может свидетельствовать об умении руководства Театра грамотно разрешать конфликтные ситуации.

Условия труда в Театре сотрудники оценивают положительно, их устраивает режим работы учреждения, система внутренних коммуникаций, бытовые условия работы. Лишь десятая часть опрошенных высказали мнение, что условия труда в Театре необходимо менять.

Анализ применяемых в учреждении видов стимулирования труда показал, что в Театре не применяется какое-либо дополнительное стимулирование, кроме выплаты заработной платы и предостав-

ления социальных гарантий. В ходе бесед с сотрудниками было выявлено, что в качестве дополнительных стимулов труда они хотели бы получать премии за особые трудовые достижения, возможность повышать квалификацию и профессионально развиваться. Кроме того, высказывалось мнение о необходимости увеличения количества и качества корпоративных мероприятий, использования практики премирования сотрудников.

Заключение

Результаты исследования внешнего имиджа свидетельствуют, что в сознании целевой аудитории имидж Хабаровского краевого академического музыкального театра соответствует заявленному образу ведущего учреждения культуры Хабаровского края и занимает устойчивую позицию лидера на рынке культурно-досуговых услуг.

Постоянные зрители посещают Театр почти каждые выходные, из всех представленных в репертуаре жанров отдают предпочтение мюзиклу, но готовы посещать и спектакли других жанров, а так-

же заинтересованы в творческих встречах с артистами, в экскурсиях по закулисью и мастер-классах по актерскому мастерству.

Коммуникации Театра с целевой аудиторией организованы на должном уровне. Основную часть информации о проводимых мероприятиях зрители получают не только в социальных сетях, но и на сайте Театра, что говорит о качестве и уникальности его наполнения, а также об удобстве и простоте в использовании. Важно отметить, что все каналы коммуникации дают учреждению возможность получения обратной связи, а зрителю – возможность почувствовать свою сопричастность к деятельности Театра. Наблюдается высокая активность зрителей в интерактивах, опросах, конкурсах и розыгрышах, проводимых Театром. При этом некоторые затронутые в исследовании вопросы являются предметом дальнейшего исследовательского интереса внешнего и внутреннего имиджа для его дальнейшего укрепления и сохранения ведущих позиций бренда в регионе и за его пределами.

Список источников:

1. Бугаева, В. А. Внутренний имидж организации и его структура // Вестник магистратуры. 2017. № 11–2 (74). С. 38–39. EDN: ZMJNLJ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrenniy-imidzh-organizatsii-i-ego-struktura>
2. Гененко, О. Н., Ряднова, С. А., Ефремова, Н. В. Формирование имиджа учреждений культуры малых городов как инструмент эффективной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. №5 (91). С. 131–141 <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10515>. EDN XXWNMZ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-imidzha-uchrezhdenii-kultury-malyh-gorodov-kak-instrument-ih-effektivnoy-deyatelnosti>
3. Горланова, В. Д. Формирование положительного имиджа театра в Интернете (на примере театров Санкт-Петербурга) // Administrative Consulting. 2021. Т. 7. № 2. С. 24–31. EDN JEUOJY. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pozhitelnogo-imidzha-teatra-v-internete-na-primere-teatrov-sankt-peterburga>
4. Комарова, Т. А. Формирование и развитие имиджа организации // Научный журнал молодых ученых. 2018. №3 (12). С. 46–48. EDN YNJGNV. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-imidzha-organizatsii>
5. Симонова, И. В. Современные подходы к проблеме формирования имиджа культурно досугового учреждения: анализ зарубежного опыта // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 1А. С. 192–201. <https://doi.org/10.25799/AR.2019.44.1.021>. EDN BVHLO.
6. Уразметов, М. Р. Инструменты управления имиджем учреждения культуры малого города // Вестник науки. 2023. № 12 (69). С. 790–795.
7. Чикова, Т. А., Елсукова, Ю. Ю. Роль имиджа в современной организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. №7 (101). С. 218–221. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-7-218-221>. EDN NTQHRV. URL: <https://cyberleninka.org/10.24412/2411-0450-2023-7-218-221>.

ru/article/n/rol-imidzha-v-sovremennoy-organizatsii

8. Шестопалько, А. П. Маркетинговые коммуникации учреждений культуры в интернет-среде // Современные проблемы государственного и муниципального управления в Российской Федерации : материалы I Всероссийской научно-практической конференции магистрантов. – Хабаровск : Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2023 – С. 221

9. Шестопалько, А. П. Управление имиджем театра посредством маркетинговых коммуникаций // Экономика, управление, общество: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск : Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2023. – С. 264

10. Щемелинина, П. А. Имидж организации: определение, задачи, основные направления и методы исследования // Молодой ученый. 2023. № 37 (484). С. 91–92. URL: <https://moluch.ru/archive/484/105981/>

References:

1. Bugaeva, V. A. (2017) The internal image of the organization and its structure *Vestnik Magistrature* [Bulletin of the magistracy], no. 11–2 (74), pp. 38–39 (in Russ.) EDN: ZMJNLJ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrenniy-imidzh-organizatsii-i-ego-struktura>

2. Genenko, O. N., Ryadnova S. A., Efremova N. V. (2019) Formation of the image of cultural institutions of small towns as a tool for effective activity *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Art], no. 5 (91), pp. 131–141 (in Russ.) <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10515>. EDN XXWNMZ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-imidzha-uchrezhdenii-kultury-malyh-gorodov-kak-instrument-ih-effektivnoy-deyatelnosti>

3. Gorlanova, V. D. (2021) Formation of a positive image of the theater on the Internet (on the example of theaters in St. Petersburg) *Administrativnyi konsalting* [Administrative Consulting], no. 2, pp. 24–32 (in Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-polozhitelnogo-imidzha-teatra-v-internete-na-primere-teatrov-sankt-peterburga>

4. Komarova, T. A. (2018) Formation and development of the organization's image *Nauchnyi zhurnal molodykh uchenykh* [Scientific Journal of Young Scientists], no. 3 (12), pp. 46–48 (in Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-imidzha-organizatsii>

5. Simonova, I. V. (2019) Modern approaches to the problem of forming the image of a cultural and leisure institution: an analysis of foreign experience *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], vol. 9, no. 1A, pp. 192–201 (in Russ.) <https://doi.org/10.25799/AR.2019.44.1.021>

6. Urazmetov, M. R. (2023) Image management tools of a small town cultural institution *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], no. 12 (69), pp. 790–795 (in Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-upravleniya-imidzhem-uchrezhdeniya-kultury-malogo-goroda>

7. Chikova, T. A., Yelsukova, Yu. Y. (2023) The role of image in a modern organization *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika* [Journal of Economy and Business], no. 7 (101), pp. 218–221 (in Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-7-218-221>. EDN NTQHRV. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-imidzha-v-sovremennoy-organizatsii>

8. Shestopalko, A. P. (2023) Communications of cultural institutions in the Internet environment *Modern problems of state and municipal management in the Russian Federation : materials of the I All-Russian scientific and practical conference of undergraduates* [Modern problems of state and municipal management in the Russian Federation : materials of the I All-Russian scientific and practical conference of undergraduates]. Khabarovsk : Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPА, p. 221 (in Russ.)

9. Shestopalko, A. P. Managing the theater's image through marketing communications *Economics, management, society: materials of the XX All-Russian Scientific and Practical*

Conference [Economics, management, society: materials of the XX All-Russian Scientific and Practical Conference]. Khabarovsk : Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPА, 2023. p. 264 (in Russ.)

10. Shchemelinina, P. A. (2023) The image of the organization: definition, tasks, main directions and research methods *Molodoi uchenyi* [Young scientist], no. 37 (484). pp. 91–92. URL: <https://moluch.ru/archive/484/105981/> (in Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted 08.05.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 23.05.2024.

Информация об авторах:

С. Н. Басова – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Н. П. Сидорова – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Т. А. Торопова – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

А. П. Шестопалько – специалист по связям с общественностью, КГАУК «Хабаровский краевой музыкальный театр».

Information about the authors:

S. N. Basova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the chair of Management and Public Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

N. P. Sidorova – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of Management and Public Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

T. A. Toropova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the chair of Management and Public Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

A. P. Shestopalko – Public Relations Specialist at Khabarovsk Regional Musical Theatre.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья

УДК 332.146.2(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-117-126

Деятельность преференциального режима ТОР на территории Хабаровского края

Кирилл Игоревич Палиюк

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
kraliyuk@mnr.gov.ru

Аннотация. Предметом статьи выступают экономические результаты территорий опережающего развития (ТОР) Хабаровского края. Резиденты территорий осуществляют хозяйственную деятельность, отражающуюся в четырех основных аспектах: инвестиционном, экспортном, фискальном и при формировании рынка труда. На основе анализа рассчитанных автором удельных показателей по указанным выше аспектам сделан вывод о повышении влияния в региональных процессах инвестиций в основной капитал ТОР. Установлено незначительное влияние ТОР на функционирование рынка труда, что обусловлено демографическими проблемами Хабаровского края (сокращением численности населения и увеличением миграционного оттока), а также неполным выполнением резидентами ТОР плановых показателей по созданию рабочих мест. Отмечено, что стимулирование региональными органами власти экспортной деятельности резидентов ТОР, а также применение таможенных процедур свободной таможенной зоны привело к позитивным результатам – увеличению доли чистого экспорта ТОР в региональных показателях. Исследована динамика доли платежей резидентов ТОР в доходах консолидированного бюджета Хабаровского края. Определено, что незначительная доля платежей в региональный бюджет обусловлена тем, что деятельность ТОР не вышла на полную мощность при сравнении плановых и фактических достигнутых показателей по заключенным соглашениям, инвестициям и созданным рабочим местам. На основе обобщения экономических результатов деятельности особых зон сделан вывод о росте присутствия ТОР в экономике Хабаровского края.

Ключевые слова: территории опережающего развития, Хабаровский край, экономическое развитие региона

Для цитирования: Палиюк, К. И. Деятельность преференциального режима ТОР на территории Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 117–126 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-117-126>

Original article

The activity of the TAD of the Khabarovsk Territory in 2015–2021

Kirill I. Paliyuk

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
kraliyuk@mnr.gov.ru

Abstract. *The economic results of the territories of advanced development (TAD) of the Khabarovsk Territory are the subject of the article. Residents of the territories carry out economic activities reflected in four main aspects: investment, export, fiscal and formation of the labor market. Based on the analysis of specific indicators the author concluded that the impact of investments in fixed assets in regional processes of the TAD is increasing. The insignificant influence of the TAD on the functioning of the labor market has been established due to the demographic problems of the Khabarovsk Territory (a decrease in the population and an increase in migration outflow), as well as incomplete fulfillment by residents of the TAD of planned indicators for job creation. It was noted that stimulation by regional authorities of the TAD's residents export activities, as well as application of customs procedures of the free customs zone, led to positive results – an increase in the share of net exports of the TAD in regional indicators. The dynamics of the share of payments by residents of the TAD in the revenues of the consolidated budget of the Khabarovsk Territory is studied. It is determined that an insignificant share of payments to the regional budget is explained by the fact that the activities of the TAD have not reached full capacity (comparing planned and actual achieved indicators – concluded agreements, investments, and jobs created). Based on the generalization of the economic results, it is concluded that the presence of TAD in the economy of the Khabarovsk Territory is growing.*

Keywords: *territories of advanced development, the Khabarovsk Territory, regional economic development*

For citation: Paliyuk, K. I. (2024) The activity of the TAD of the Khabarovsk Territory in 2015–2021 *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 117–126. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-117-126>

Введение

Российские регионы различаются природными, экономическими и социальными условиями. При этом они формируют единое хозяйственное пространство, обеспечивая стране поступательное развитие. Соответственно, улучшение экономического потенциала регионов должно позитивно сказываться на экономическом росте государства. Развитие Дальнего Востока России являлось стратегической задачей российского государства с начала его хозяйственного освоения. Проблемы и риски, с которыми столкнулась страна на современном этапе, усиливают необходимость разработки и внедрения различных подходов и инструментов, направленных на стимулирование экономики дальневосточного региона. Одним из институциональных решений в области привлечения инвестиций и стимулирования предпринимательской активности стали территории опережающего развития (далее – ТОР). Целью создания ТОР выступает форми-

рование благоприятных условий для инвестиционной активности, ускоренного социального и экономического развития субъекта РФ, комфортных условий жизни населения¹.

Цель данной статьи – проанализировать деятельность ТОР Хабаровского края в 2015–2021 гг. Выбранный хронологический период обусловлен началом функционирования ТОР на территории Хабаровского края, наличием официальных статистических данных и периодических публикаций, позволяющих провести сравнительный анализ данных.

ТОР должны дать стимул к экономическому росту территории, на которой они создаются [Демьяненко, 2016]. Результаты деятельности ТОР в регионе могут быть представлены в следующих аспектах:

для привлечения резидентов выделяется финансирование из федерального и регионального бюджетов, т. е. происходит перераспределение финансовых потоков в пользу конкретной территории; резиденты ТОР осуществляют пря-

¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201412290024.pdf>. (дата обращения: декабрь 2023 г.)

мые инвестиции для организации хозяйственной деятельности на территории реализации проекта;

осуществление хозяйственной деятельности требует найма рабочей силы, что способствует развитию рынка труда;

деятельность резидентов направлена на удовлетворение потребностей как внутреннего, так и внешнего рынков, что влечет за собой уплату обязательных платежей и формирование торговых отношений с зарубежными партнерами.

Таким образом, деятельность ТОР затрагивает государственные финансы, инвестиции, занятость и внешнеэкономическое взаимодействие.

Обзор литературы

Дискуссии вокруг ТОР ведутся с момента их создания: обсуждается их сущность [Гриванов, 2019; Сиднева, 2019; Исаев, 2017], акцентируются различия и схожие черты с другими инструментами развития [Качалов, 2019; Сулейманов, 2021], анализируется их потенциал [Бухвальд, 2015; Минакир, 2017; Минакир, 2019].

В отдельный блок можно выделить работы, посвященные анализу промежуточных результатов, созданных в Российской Федерации ТОР, а также оценке их влияния на экономику территорий присутствия. Так, М. Е. Кривелевич оценивает результаты реализации режима ТОР на Дальнем Востоке с 2015 г. по 2020 г. и приходит к следующим выводам:

- 1) не был обеспечен опережающий приток инвестиций в основной капитал;
- 2) не произошло сколько-нибудь сильного стимулирования жилищного строительства;

- 3) не наблюдалось позитивного влияния на рынок труда в регионе, в том числе с позиции роста заработной платы;

- 4) был отмечен взрывной рост малого предпринимательства на территориях присутствия ТОР, в том числе за счет увеличения количества наемной рабочей силы [Кривелевич, 2021]. На основании полученных результатов автор предлагает проводить более тщательный отбор резидентов ТОР на основе разработанной методики.

В исследовании И. В. Барышева проанализировано воздействие ТОР Респу-

блики Саха (Якутия) на экономическое положение резидентов посредством предоставленных налоговых льгот. Автор пришел к выводу, что полученные преференции благоприятно повлияли на финансовое состояние резидентов [Барышев, 2020]. Представлен инструментарий для оценки экономической эффективности предоставления налоговых льгот резидентам ТОР, предлагается на законодательном уровне разработать и утвердить комплексную методику оценки финансового состояния резидента.

В работе «Детерминанты привлечения инвестиций в точки роста экономики Дальнего Востока России» проведен глубокий анализ теоретических подходов к рассмотрению ТОР как инструмента регионального развития. Авторами осуществлена оценка финансового потенциала дальневосточных ТОР, на основании которой определено, что высокий уровень финансового потенциала наблюдается у пяти дальневосточных ТОР, в том числе у ТОР Хабаровск [Якимова, 2022].

Е. Сидя и В. К. Кан на основании исследования финансово-хозяйственной деятельности резидентов дальневосточных ТОР пришли к выводу, что большинство первоначально рассматриваемых в качестве «якорных» компаний-резидентов не стали таковыми, так как «рентабельность в ТОР не всегда прямо пропорциональна количеству резидентов, а ТОР с высокой ожидаемой прибылью не всегда привлекают большое количество компаний» [Сидя, 2021. С. 54].

В работе С. Н. Леонова указано на наличие существенных ограничений при оценке результативности инструментов стимулирования территориального развития [Леонов, 2020а]. В продолжение рассматриваемой темы ученый осуществил оценку результативности функционирования локальных зон и оценку их влияния на дальневосточную экономику. Итогом стал вывод о том, что территории не в полной мере соответствуют определению «полюсов» (точек) роста и не оказывают явного положительного влияния на инвестиционный климат субъектов Дальнего Востока России [Леонов, 2020b].

Таким образом, в большинстве рассмотренных источников анализ резуль-

татов деятельности ТОР не позволяет говорить о существенном влиянии особых территорий на экономику региона.

Результаты исследования

Привлечение инвестиций – ключевое требование к резидентам ТОР. Рассмотрим соотношение показателей инвестиционной активности резидентов и инвестиций в основной капитал Хабаровского края (табл. 1).

Соотношение фактически осуществленных резидентами ТОР инвестиций в основной капитал к инвестициям в основной капитал Хабаровского края с 2015 г. по 2021 г. выросло практически в 22 раза. В среднем за семь лет доля инвестиций в основной капитал ТОР составила 11,4%. Увеличение данного показателя связано с тем, что темп прироста инвестиций ТОР существенно выше аналогичного показателя инвестиций в основной капитал Хабаровского края. Опережающие темпы прироста инвестиций в основной капитал ТОР достигались за счет притока новых резидентов и за счет предъявляемого к резидентам требования начать хозяйственную деятельность в первые три года с момента подписания соглашения о вступлении в ТОР. Доля инвестиций в основной

капитал Хабаровского края в валовой региональный продукт (далее – ВРП) росла в 2015–2020 гг. Следовательно, росла и доля инвестиций в основной капитал ТОР в структуре ВРП, составила в среднем 2,6%. Привлеченные резидентами ТОР инвестиции в основной капитал с каждым годом начинают играть все более значимую роль в инвестиционном процессе Хабаровского края.

Организация хозяйственной деятельности в ТОР требует от резидентов не только инвестиционных вливаний, но и обеспечения производства трудовыми ресурсами. Сопоставим количество созданных в ТОР рабочих мест с потребностью в них в крае, тем самым определив участие ТОР в функционировании рынка труда (табл. 2).

Доля занятых в ТОР на региональном рынке труда с 2015 г. по 2021 г. увеличилась в 80 раз. Количество рабочих мест в ТОР росло благодаря активному инвестированию резидентов в создание производственных мощностей. Также увеличению присутствия ТОР на рынке труда способствовало сокращение занятости в Хабаровском крае в связи с негативными демографическими тенденциями: сокра-

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал резидентов ТОР Хабаровского края

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее значение 2015–2021
Доля инвестиций в основной капитал ТОР в общем объеме инвестиций в основной капитал Хабаровского края, %	1,1	4,0	5,9	11,4	16,1	17,1	23,9	11,4
Темп прироста доли инвестиций в основной капитал ТОР, %	-	260,9	48,9	94,1	40,4	6,2	40,1	81,8
Доля инвестиций в основной капитал ТОР в ВРП, %	0,2	0,7	1,0	2,2	3,6	4,7	5,9	2,6
Темп прироста доли инвестиций в основной капитал ТОР в ВРП, %	-	236,7	44,8	111,0	64,7	33,2	24,6	85,8

Примечание: для точности анализа рассмотрены фактически привлеченные инвестиции в основной капитал, как со стороны Хабаровского края, так и со стороны ТОР; «-» – явление отсутствует

Источник: составлено автором²

² Составлено по: ТОР Хабаровск. URL: <https://erdc.ru/tors/khabarovsk.html> (дата обращения: декабрь 2023 г.); Валовой региональный продукт. URL: https://27.rosstat.gov.ru/vrp_hbr (дата обращения: январь 2024 г.); Инвестиции в основной капитал (уточненные данные). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40562> (дата обращения: январь 2024 г.).

Таблица 2

ТОР Хабаровского края на региональном рынке труда

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее значение 2015–2021
Количество рабочих мест ТОР, ед.	81	430	1 284	3 391	3 958	4 451	5 436	2719
Численность занятых в экономике края, тыс. чел.	689,0	697,4	700,6	701,1	675,7	692,6	683,6	691,4
Доля занятых в ТОР на рынке труда, %	0,01	0,1	0,2	0,5	0,6	0,6	0,8	0,4
Темп прироста соотношения доли занятых в ТОР на рынке труда, %	-	424,5	197,2	163,9	21,1	9,7	23,7	140,0

Примечание: «-» – явление отсутствует

Источник: составлено автором по данным³

щением численности населения, увеличением естественной и миграционной убыли. Так как выполнение плана по созданию рабочих мест в ТОР достигло нарастающим итогом к 2021 г. только 57,2%⁴, в дальнейшем можно ожидать увеличение значимости деятельности особых территорий для регионального рынка труда.

Дальневосточные ТОР создавались как площадки для выпуска и продвижения продукции в страны АТР. ТОР должны способствовать импортозамещению и сокращению сырьевой направленности экспорта путем создания конкурентоспособных производств. Таким образом, внешнеторговая деятельность ТОР должна приводить не только к росту положительного сальдо, но и к изменению товарной структуры внешней торговли Хабаровского края. Рассмотрим результаты внешнеэкономической деятельности резидентов ТОР (табл. 3).

Доля чистого экспорта ТОР в сальдо торгового баланса Хабаровского края с 2017 г. по 2021 г. увеличилась в 8,5 раз. Объем экспорта Хабаровского края возрастал, в том числе благодаря деятельности краевых ТОР и их резидентов⁵. В частности, за рубежом были востребованы строительные материалы ООО «ТехноНИКОЛЬ Дальний Восток»⁶, легкие многоцелевые самолеты ООО «Спецавиатехника» и высокопроходимые тактические автовездеходы ООО «Сониктранс»⁷, лущеный шпон ООО «Амурская лесопромышленная компания»⁸. Продукция резидентов ТОР в основном экспортировалась в страны АТР (КНР, Япония, Республика Корея, Таиланд) и некоторые европейские страны (Германия, Дания и Швеция)⁹. Конкурентным преимуществом резидентов ТОР в качестве экспортеров является возможность использовать таможенные процедуры свободной таможенной зоны. Благодаря данной процедуре в

³ Составлено по: ТОР Хабаровск. URL: <https://erdc.ru/tors/khabarovsk.html> (дата обращения: декабрь 2023 г.); Хабаровский край: Стат. ежегодник. г. Хабаровск, 2022. 188 с.; Хабаровский край: Стат. ежегодник. г. Хабаровск, 2020. 192 с.

⁴ По инвестициям в основной капитал ТОР к 2021 г. план выполнен на 75%.

⁵ Экспорт Хабаровского края увеличился на 25% с начала года. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1673231?ysclid=lnot6g8qut283765339> (дата обращения: январь 2024 г.).

⁶ Резидент ТОР «Хабаровск» продал каменную вату в Новую Зеландию. URL: <https://khabexport.com/news/rezident-tor-khabarovsk-prodal-kamennuyu-vatu-v-novuyu-zelandiyu/> (дата обращения: декабрь 2023 г.).

⁷ Каталог экспортеров. URL: <https://khabexport.com/exporter/catalog/> (дата обращения: декабрь 2023 г.).

⁸ Эпоха «сырого леса» подошла к концу. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/epokha-syrogole-sa-podoshla-k-koncu/> (дата обращения: январь 2024 г.)¹

⁹ Михаил Дегтярев: Необходимо проработать со стейкхолдерами варианты выхода на внешние рынки – при условии готовности предприятий. URL: https://khabexport.com/news/mikhail-degtyaryev-neobkhodimo-prorobotat-so-steykholderami-varianty-vykhoda-na-vneshnie-rynki-pri-/?sphrase_id=556 (дата обращения: январь 2024 г.).

Таблица 3

Внешнеэкономическая деятельность ТОР Хабаровского края

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее значение 2015–2021
Чистый экспорт ТОР, млн руб.	-	0	22,4	3945,3	2827,5	1488,0	176,0	1409,9
Чистый экспорт Хабаровского края, млн руб.	40660,4	75737,5	94109,6	127785,0	62973,5	73776,7	105239,7	89937,0
Доля ТОР в экспорте Хабаровского края, %	-	0	0,02	3,09	4,49	2,02	0,17	2,0
Темп прироста соотношения чистого экспорта ТОР к чистому экспорту Хабаровского края, %	-	-	-	12870,9	45,4	-55,1	-91,7	3192,4
ВРП, млн руб.	595792,3	672660,4	697951	761589,2	805215,6	856904,8	987186,5	768185,7
Доля чистого экспорта ТОР в ВРП, %	-	0	0,003	0,518	0,351	0,174	0,018	0,2

Примечание: «-» – явление отсутствует

Источник: составлено автором¹⁰

пределах территории зоны или ее части товары, в том числе иностранные, размещаются и используются без уплаты таможенных пошлин, налогов и иных пошлин. Правительство Хабаровского края также активно способствовало расширению экспортной деятельности ТОР посредством деятельности экспортного совета¹¹, организации регионального экспортного форума¹² и иных мероприятий¹³.

К особым условиям функционирования ТОР относятся льготы, в первую очередь, налоговые. Льготы призваны способствовать сокращению издержек

производства, повышению его эффективности, установлению конкурентной цены на продукцию. Таким образом, налоговые льготы должны стимулировать экономическую деятельность резидентов, что должно позитивно отразиться на объемах производства и продаж, что повлечет увеличение доходов бюджета. Оценим влияние налоговых платежей резидентов ТОР на формирование доходов регионального бюджета (табл. 4).

Доля налоговых платежей резидентов ТОР в общих доходах бюджета края изменилась с 0,1% в 2016 г. до 0,9% в 2021 г.

¹⁰ Составлено по: ТОР Хабаровск. URL: <https://erdc.ru/tors/khabarovsk.html> (дата обращения: декабрь 2023 г.); Стоимость экспортных (импортных) операций по субъектам Российской Федерации. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38574> (дата обращения: январь 2024 г.).

¹¹ Деятельность Совета. Экспортный совет при Губернаторе Хабаровского края. URL: <https://www.khabkrai.ru/governor/governor-comission-and-council/councils/Deyatelnost-Soveta/170824> (дата обращения: январь 2024 г.).

¹² Зарубежные эксперты оценили экспортный потенциал Хабаровского края. URL: https://khabexport.com/news/zarubezhnye-partnery-otsenili-eksportnyy-potentsial-khabarovskogo-kraja/?sphrase_id=556 (дата обращения: январь 2024 г.).

¹³ Визит делегации торговых представителей Российской Федерации в иностранных государствах в Хабаровский край. URL: https://khabexport.com/news/vizit-delegatsii-torgovykh-predstaviteley-rossiyskoy-federatsii-v-inostrannykh-gosudarstvakh-v-khaba/?sphrase_id=556 (дата обращения: январь 2024 г.).

Незначительная доля платежей резидентов в консолидированном бюджете края обусловлена тем, что деятельность ТОР не вышла на полную мощность при сравнении плановых и фактически достигнутых показателей по заключенным соглашениям, инвестициям и созданным рабочим местам, а льготы, предоставленные из бюджета резидентам ТОР, в среднем в 1,1 раз больше уплаченных резидентами сумм.

На основе полученных данных можно провести первоначальную оценку

краевых ТОР, обобщив экономические результаты их деятельности в Хабаровском крае (табл. 5).

Общие результаты деятельности ТОР в экономике Хабаровского края с 2015 г. по 2021 г. увеличились в 38,4 раза. В среднем за период темп прироста данного показателя составил 106,8%, со среднегодовым значением в 28639,4 млн руб. при среднегодовом значении краевых расходов на ТОР в размере 65256,8 млн руб., т. е. формируется тенденция увеличения присутствия ТОР в экономике региона. Это

Таблица 4

Платежи резидентов ТОР в доходах консолидированного бюджета Хабаровского края*

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее значение 2016–2021
Налоговые платежи резидентов ТОР, млн руб.	153,8	271,7	738,7	1305,5	1061,3	1730,1	876,9
Сумма льгот по налогам, предоставленных резидентам ТОР, млн руб.	165,9	492,7	332,0	661,1	1450,4	2701,4	967,3
Доходы консолидированного бюджета Хабаровского края, млн руб.	121 134,4	130 135	146 555,9	158 810,9	178 287,8	193 739,3	154 777,2
Доля налоговых платежей резидентов ТОР в доходах консолидированного бюджета Хабаровского края, %	0,1	0,2	0,5	0,8	0,6	0,9	0,5
Темп прироста доли платежей резидентов ТОР в доходах консолидированного бюджета Хабаровского края, %	-	64,4	141,4	63,1	-27,6	50,0	58,3

Примечание: Консолидированный краевой бюджет включает в себя доходы непосредственно Хабаровского края, его муниципальных образований, а также территориального государственного внебюджетного фонда, поэтому при сравнении сумм это было учтено (для ТОР были взяты уплаченные суммы по региональным и местным обязательным платежам и суммы выплат в территориального государственного внебюджетного фонда);

«-» – явление отсутствует

Источник: составлено автором¹⁴

¹⁴ Составлено по: ТОР Хабаровск. URL: <https://erdc.ru/tors/khabarovsk.html> (дата обращения: декабрь 2023 г.); Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда, исполнено. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58441?ysclid=lns44nnzi961009029> (дата обращения: январь 2024 г.); Доходы консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда, исполнено. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61936> (дата обращения: январь 2024 г.).

Таблица 5

Результаты деятельности ТОР в экономике Хабаровского края

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Доля инвестиций в основной капитал ТОР в инвестициях в основной капитал Хабаровского края, %	1,1	4,0	5,9	11,4	16,1	17,1	23,9
Доля занятых в ТОР на краевом рынке труда, %	0,01	0,1	0,2	0,5	0,6	0,6	0,8
Доля чистого экспорта ТОР в чистом экспорте Хабаровского края, %	-	0	0,02	3,09	4,49	2,02	0,17
Доля платежей резидентов ТОР в доходах консолидированного бюджета Хабаровского края, %	0,1	0,2	0,5	0,8	0,6	0,9	0,5
Общие результаты деятельности ТОР в экономике Хабаровского края, млн руб.	1652,6	6934,0	11001,2	29549,2	44192,4	43550,5	63596,0

Примечание: «-» – явление отсутствует

Источник: составлено автором

означает, что деятельность особых территорий положительно влияет на экономику Хабаровского края.

Заключение

Территории опережающего развития и результаты их деятельности являются предметом дискуссии в научных кругах. Рассмотрены четыре аспекта деятельности ТОР в экономике Хабаровского края: инвестиционный, экспортный, фискальный и при формировании рынка труда.

Наблюдается рост доли инвестиций в основной капитал ТОР как в инвестициях в основной капитал Хабаровского края, так и в ВРП. Увеличение количества резидентов и требования, предъявляемые к их хозяйственной деятельности, стимулируют инвестиционную активность резидентов ТОР.

Присутствие ТОР на региональном рынке труда ежегодно увеличивается, при этом не достигая значения больше, чем 0,8%. Достаточно низкая доля занятых в ТОР на краевом рынке труда обусловлена отставанием резидентов от плана по созданию новых рабочих мест. На рынок труда Хабаровского края негативное влияние оказывает демографическая ситуация, сложившаяся в регионе. Учитывая эти два аспекта, в дальнейшем можно ожидать увеличение значимости деятельности ТОР для регионального рынка труда.

Экспортноориентированность ТОР вы-

ражается в росте доли чистого экспорта резидентов в сальдо торгового баланса Хабаровского края. Экспорт представлен в основном промышленной продукцией, а большая доля вывоза приходится на страны АТР. Помимо использования резидентами ТОР таможенных процедур свободной таможенной зоны в качестве конкурентного преимущества, их экспортную деятельность активно поддерживает Правительство Хабаровского края.

Одним из ключевых факторов инвестиционной привлекательности ТОР для потенциальных резидентов является широкий перечень предоставляемых налоговых льгот. Доля платежей резидентов ТОР в структуре доходов консолидированного бюджета Хабаровского края выросла, достигнув максимального значения в 0,9%. Налоговые платежи резидентов не составляют значимой суммы относительно бюджетных доходов, так как для резидентов не закончился льготный налоговый период и предприятия не вышли на полную производственную мощность.

Общие результаты деятельности ТОР в регионе по четырем рассмотренным аспектам продемонстрировали уверенный рост. Таким образом, деятельность ТОР в экономике Хабаровского края расширяется и с каждым годом приобретает все большее значение.

Список источников:

1. Демьяненко, А. Н. О стратегических инициативах по развитию Дальнего Востока России в контексте исторического опыта // Регионалистика. 2016. № 3. С. 6–13. EDN: LMMQAX
2. Гриванов, Р. И., Шокурова, Ю. С. Человеческий капитал как фактор реализации проектов развития региональной экономики Дальнего Востока // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 1(26). С. 401–405 <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0801-0096>
3. Сиднева, А. М. Государственно-частное партнерство как механизм реализации проектов на территории опережающего развития // Вестник Поволжского института управления. 2019. № 2. С. 139–144 <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-2-139-144>
4. Исаев, А. Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61–77 EDN: YIBNOF
5. Качалов, Р. М., Полторыхина, С. В., Аблизина, Н. Н. Экономический риск в развитии территорий опережающего социально-экономического развития // Экономическая наука современной России. 2019. № 3(86). С. 104–119. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3\(86\)-104-119](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3(86)-104-119)
6. Сулейманов, М. М. Формирование особых экономических зон как фактор реализации налогового федерализма в России // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6-9. С. 858–866 https://doi.org/10.47576/2712-7516_2021_6_9_858
7. Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н. Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // ЭТАП: экономическая теория, анализ и практика. 2015. № 2. С. 72–84 EDN: UAEMHL
8. Минакир, П. А., Прокапало, О. М. Экономика Дальнего Востока России: состояние и перспективы // Регионалистика. 2017. № 3. С. 48–56 EDN: YUFICP
9. Минакир, П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.14530/se.2019.1.007-017>
10. Кривелевич, М. Е. Административно-налоговые режимы на Дальнем Востоке: взаимодействие инвесторов и государства // Пространственная экономика. 2021. № 2. С. 16–33 <https://doi.org/10.14530/se.2021.2.016-033>
11. Барышев, И. В., Кайгородов, С. П. Анализ механизма налоговых преференций, влияющих на эффективность деятельности предприятий резидентов территорий опережающего развития в Дальневосточном федеральном округе // Инновации и инвестиции. 2020. № 3. С. 152–157 EDN: ZZUCPX
12. Якимова, В. А., Хмура, С. В. Детерминанты привлечения инвестиций в точки роста экономики Дальнего Востока России // Экономика региона. 2022. № 3. С. 943–959 <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-22>
13. Сидя, Е., Кан, В. К. Эффективность политики регионального развития на Дальнем Востоке России: финансовая оценка на базе микроданных резидентов TOP // Пространственная экономика. 2021. № 1. С. 35–65 <https://doi.org/10.14530/se.2021.1.035-065>
14. Леонов, С. Н., Толмачёв, В. Д. Территории опережающего развития и свободный порт Владивосток как инструменты реализации региональной политики в Хабаровском крае // Регионалистика. 2020. № 6. С. 49–65.
15. Леонов, С. Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 3. С. 28–45 <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.3>

References:

1. Demyanenko, A. N. (2016) On strategic initiatives for the development of the Russian Far East in the context of historical experience *Regionalistika* [Regionalistics], no. 3, pp. 6–13 (in Russ.) EDN: LMMQAX
2. Grivanov, R. I., Shokurova, Yu. S. (2019) Human capital as a factor in the implementation of projects for the development of the regional economy of the Far East *Azimut nauchnykh issledovaniy: ehkonomika i upravlenie* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration], no. 1(26), pp. 401–405 (in Russ.) <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0801-0096>

3. Sidneva, A. M. (2019) Public-private partnership as a mechanism for implementing projects in the priority development territory *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* Bulletin of the Volga Region Institute of Administration, no. 2, pp. 139–144 (in Russ.) <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-2-139-144>
4. Isaev, A. G. (2017) Territories of priority development: a new instrument of regional economic policy *ЭНКО* [ECO], no. 4, pp. 61–77 (in Russ.) EDN: YIBHOF.
5. Kachalov, R. M., Poltorykhina, S. V., Ablizina, N. N. (2019) Economic risk in the development of territories of advanced socio-economic development *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], no. 3(86). pp. 104–119 (in Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3\(86\)-104-119](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3(86)-104-119).
6. Suleymanov, M. M. (2021) Formation of special economic zones as a factor in the implementation of tax federalism in Russia *Zhurnal prikladnykh issledovaniy* [Journal of Applied Research], no. 6-9, pp. 858–866 (in Russ.) https://doi.org/10.47576/2712-7516_2021_6_9_858
7. Bukhvald, E. M., Valentik, O. N. (2015) Territories of rapid development: fall or illusion? *ЭТАП: ehkonomicheskaya teoriya, analiz i praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice], no. 2, pp. 72–84 (in Russ.) EDN: UAEMHL
8. Minakir, P. A., Prokapalo, O. M. (2017) Economy of the Russian Far East: state and prospects *Regionalistica=Regionalistics*, no. 3, pp. 48–56 EDN: YUFICP
9. Minakir, P. A. (2019) Far Eastern institutional innovations: imitation of a new stage *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, no. 1, pp. 7–17 (in Russ.) <https://doi.org/10.14530/se.2019.1.007-017>
10. Krivelevich, M. E. (2021) Administrative and tax regimes in the Far East: interaction between investors and the state *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, no. 2, pp. 16–33 (in Russ.) <https://doi.org/10.14530/se.2021.2.016-033>
11. Baryshev, I. V., Kaygorodov, S. P. (2020) Analysis of the mechanism of tax preferences affecting the efficiency of enterprises of residents of priority development territories in the Far Eastern Federal District *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments], no. 3, pp. 152–157 (in Russ.) EDN: ZZUCPX
12. Yakimova, V. A., Khmura, S. V. (2022) Determinants of attracting investments into growth points of the economy of the Russian Far East *Ehkonomika regiona* [Economy of Regions], no. 3, pp. 943–959 (in Russ.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-22>
13. Sida, E., Kan, V. K. (2021) Efficiency of regional development policy in the Russian Far East: financial assessment based on microdata of ASEZ residents *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, no. 1, pp. 35–65 (in Russ.) <https://doi.org/10.14530/se.2021.1.035-065>
14. Leonov, S. N., Tolmachev, V. D. (2020) Territories of advanced development and the free port of Vladivostok as tools for implementing regional policy in the Khabarovsk Territory *Regionalistica=Regionalistics*, no. 6, pp. 49–65 (in Russ.) <https://doi.org/10.14530/reg.2020.6.49>
15. Leonov, S. N. (2020) Preferential regimes of created local growth points and their influence on the economy of the Far East *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], no. 3, pp. 28–45 (in Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.3>

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 11.03.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 11.03.2024.

Информация об авторе

К. И. Палиюк – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

K. I. Paliyuk – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 378.14

doi:10.22394/1818-4049-2024-107-2-127-138

Дополнительное образование детей: состояние и тенденции в региональном измерении

Кристина Ивановна Спека

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
speka-ki@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные механизмы обеспечения доступности дополнительного образования детей в контексте реализации приоритетного направления государственной политики. Анализ теоретических подходов иллюстрируется данными федерального статистического наблюдения последних лет и результатами Всероссийского опроса по вопросам развития дополнительного образования школьников и их родителей. Представленные данные отражают не только состояние развития дополнительного образования, но и динамику процессов в данной сфере, что позволяет автору делать научно обоснованные выводы по вопросам развития системы дополнительного образования детей.

Ключевые слова: дополнительное образование детей, доступность образовательных услуг, интересы и предпочтения родителей и детей, социологические исследования

Для цитирования: Спека, К. И. Дополнительное образование детей: состояние и тенденции в региональном измерении // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 127–138 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-127-138>

Original article

Additional education for children: the state and trends in the regional dimension

Kristina I. Speka

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
speka-ki@ranepa.ru

Abstract. The article examines modern mechanisms for ensuring the accessibility of additional education for children in the context of the implementation of the state policy priority area. The analysis of theoretical approaches to the problem is illustrated by the data of the federal statistical observation of recent years and the results of the All-Russian survey on the development of additional education for schoolchildren and their parents. The presented data reflect not only the state of development of additional education, but also the dynamics of the processes in this area, which allows the author to draw scientifically sound conclusions on the development of the system of additional education for children.

Keywords: additional education for children, accessibility of educational services, interests and preferences of parents and children, sociological research

For citation: Speka, K. I. (2024) Additional education for children: The state and trends in the regional dimension *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 127–138 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-127-138>

Введение

На протяжении всей жизни человека сопровождает обучение, и особую роль в этом процессе играет получение знаний в юном возрасте. Поэтому дополнительное образование детей является одним из ключевых факторов во всестороннем развитии ребенка с ранних лет. Основной задачей успешной реализации данной сферы является создание возможностей для равных условий и обеспечения социальной справедливости в обществе, что позволяет развивать у детей стремления к творчеству, к получению новых знаний, профессиональному и личностному самоопределению. Дополнительное образование помогает детям с разными возможностями и способностями развить навыки и умения, которые в дальнейшем способствуют найти свой путь в жизни, адаптироваться к переменам в обществе и на рынке труда. Востребованность различных форм организации детского творчества в семьях – одна из основных задач государства¹.

Сегодня меры по развитию системы дополнительного образования детей через создание условий равной доступности дополнительных общеразвивающих программ различной направленности с учетом индивидуальных потребностей и особенностей детей различных категорий реализуются в рамках национальных проектов «Образование», «Демография» (федеральный проект «Спорт – норма жизни»), «Экология», «Культура» и «Туризм», а также двух концепции – «Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года»² и «Концепция развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации до 2030

года и план ее реализации»³.

В национальном проекте «Образование» по результатам исследований самыми известными стали меры по обеспечению доступности качественного образования независимо от места проживания, развитию цифровой образовательной среды и развитию дополнительного образования детей (кружки, секции – «ИТ-кубы», «Точки роста» в малых населенных пунктах, «Кванториумы»)⁴, о которых люди знают, слышали и видят их результаты, но запрос со стороны общества на его реализацию остается все еще одним из наиболее высоких.

Основная задача для развития системы дополнительного образования детей в российских регионах – решение проблемы его равной доступности независимо от места проживания и социального статуса родителей, образовательных потребностей детей и материального обеспечения семей. Важно обеспечить баланс между традиционными запросами семей на личностное и профессиональное развитие детей и социально-экономическими приоритетами рынка труда региона и муниципального образования.

В этой связи региональные органы управления системой дополнительного образования детей призваны оценивать ее социальную эффективность не только по формальным статистическим показателям количества кружков, секций, участников, но и по результатам социологического измерения в процессе социализации и профессиональной ориентации детей за стенами школьного образования.

Методология исследования

Образование традиционно рассматривается исследователями как совокупность

¹ Дополнительное образование – инвестиция в будущее страны. URL: <https://vestnik.edu.ru/main-topic/sergei-kravtsov-dopolnitelnoe-obrazovanie-investitsiia-v-budushchee-strany>

² Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 678-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/3flgkklAJ2ENBbCFVEkA3cTOSiypicBo.pdf>.

³ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 3894-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/BzNG3VRui0oPR1XemJKbuIZ6UeXTwTD2.pdf>.

⁴ София Малявина представила ТОП-5 узнаваемых нацпроектов и рассказала, что делает людей счастливыми <https://xn--80aaparcavocigmpc9ab4d0fkj.xn--p1ai/news/sofiya-malyavina-predstavila-top-5-uznavaemykh-natsproektov/>

институтов, которые были сформированы, в первую очередь, для того, чтобы создать возможности для развития человека, его личного благополучия и профессионального успеха. Дополнительное образование детей, как специфический социальный институт, органично сочетает в себе обучение и воспитание детей, их личностное развитие и социально-профессиональное ориентирование под их жизненные стратегии и планы, а в конечном итоге – и на потребности рынка труда, прежде всего на региональном и муниципальном уровнях. Однако долгое время в социологии образования исследовательский интерес был направлен на социальные переходы в его структуре и выявление мотивов к обучению и социализацию на том или ином этапе включенности детей в образовательную деятельность.

Для социологического измерения дополнительного образования детей, эффективности его форматов, тенденций развития и влияния на личностное и профессионально-ориентированное развитие определенные трудности задает отсутствие общепринятого научно-определения термина «дополнительное образование». В научном дискурсе образовательной политики и практики ее реализации представлен широкий спектр определений дополнительного образования как набора отличных от обязательного школьного обучения мероприятий образовательного и досугового плана. Однако российское законодательство определяет: «... дополнительное образование – вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования».⁵ Специфика института дополнительного образования заключается в том, что, в отличие от дошкольного и общего уровней, оно не гарантировано и не обязательно, т.е. не является всеобщим. Конституция Российской Федерации и федеральное

законодательство в образовательной сфере не содержат четких гарантий и фиксаций обязательств государства по его предоставлению, и как следствие, его государственная поддержка во многом определяется финансовыми возможностями государственных и муниципальных бюджетов.

Вместе с тем интерес государства к развитию и совершенствованию системы дополнительного образования детей, который заметен в современных условиях, обусловлен не только неудовлетворенностью содержанием общего образования, широко распространенной практикой затрат семей на репетиторство, но и ограниченностью его доступности для обеспечения персонализированного и непрерывного образования детей в российских регионах. В этой связи интерес представляют те аспекты образовательной системы, которые не являются обязательными, а являются результатом самостоятельного выбора детьми и их семьями направлений обучения и досуга за пределами школы, но при этом органично сочетающимися в себе возможностями для личностного развития и профессиональной ориентированности детей, создаваемые государственными решениями.

Не отрицая значимости институционального подхода к изучению дополнительного образования, необходимо отметить его высокую вариативность в многообразии образовательных предложений. Это затрудняет для детей выбор четко определенной траектории личностного и профессионально-ориентированного обучения. С этих позиций считаем, что более адекватным представляется определение образовательного пространства, которое включает параллельные процессы в разном порядке их начала, перерывов и окончания не только в системе формального образования, но и в других видах обучения, в том числе граничащих с досугом. При общей тенденции к повышению разнообразия образовательных услуг значительной остается роль территории и возможностей семей для доступности их получения их детьми [Поливанова, 2020].

⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/.

Обсуждение темы

Современные отечественные исследователи С. Г. Косарецкий, К. Н. Поливанова, А. А. Поплавская, П. П. Глухов, А. А. Попов, О. В. Гончарова, А. В. Золотарева при рассмотрении вопросов социологической оценки организации системы дополнительного образования детей отмечают необходимость анализа современного состояния и функционирования системы дополнительного образования в российских регионах, так как существенная часть значимых аспектов остаются малоизученными [Косарецкий и др. 2022; Косарецкий и др. 2020; Поливанова и др. 2020; Поплавская и др., 2018; Глухов, Попов, 2022; Золотарева, Сеницын, 2020; Попов и др. 2020; Гончарова и др., 2021; Гончарова и др., 2021; Аврамова и др., 2018].

В последние два десятилетия российскими исследователями предпринимались попытки актуализации темы организации дополнительного образования детей. Так, Л. Н. Буйлова определила, что должен быть новый подход к организации дополнительного образования детей, который связан с выявлением и развитием задатков и способностей детей, ориентированных на устойчивое саморазвитие во взрослой жизни [Буйлова, 2007].

Согласимся с мнением отечественных ученых И. А. Груздева, С. Г. Косарецкого, что решающим для выбора дополнительного образования является формирование потенциала и способностей, накопление ресурсов для последующего развития ребенка [Груздев, Косарецкий, 2022].

Большинство современных семей рассматривают дополнительное образование как норму для ребенка дошкольного возраста [Косарецкий, 2019]. При этом мотивация зависит от ценностных ориентаций, культурного развития и материальных возможностей. Все это оказывает влияние на развитие спектра навыков и культивирование талантов детей [Гошин, Мерцалова, Груздев, 2019; Бочавер, 2018]. Также система дополнительного образования детей дает возможность занять их

свободное время и позволяет родителям увидеть потребности развития потенциала ребенка и раскрытие его талантов.

Результаты исследования

Дополнительное образование детей предполагает обеспечение открытости и высокого уровня доступности. Однако без изучения мнения получателей образовательных услуг, проживающих в разных регионах России, невозможно качественно выстраивать стратегии и составлять программы по обеспечению высокого уровня доступности дополнительного образования детей.

Специфика самой системы дополнительного образования детей и ее развитие может складываться из ряда факторов: культурного развития региона, его промышленного потенциала, особенностей социального, экономического и культурного развития, характера местных традиций, этноса, уклада воспитательной деятельности и т. д.

Одна из приоритетных задач на сегодняшний день – обеспечение доступности дополнительного образования, которая отражена в национальном проекте «Образование» и выражена в показателе 80% детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием к 2024 г.⁶

Социальная политика, реализуемая на региональном уровне, является одним из основных факторов обеспечения доступности дополнительного образования детей.

Основным фактором обеспечения доступности дополнительного образования является социальная политика, реализуемая на региональном уровне. Региональные системы дополнительного образования, в основе которых лежит целевая модель развития региональных систем дополнительного образования детей⁷, подвергаются процессам модернизации. Также в рамках процессов модернизации важным элементом, влекущим за собой существенные изменения, является внедрение системы персонифицированного финансирования⁸ и общедоступного на-

⁶ Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf>.

⁷ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 03 сентября 2019 г. № 467 «Об утверждении Целевой модели развития региональных систем дополнительного образования детей». URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/68ab95d94aff334dd86625ce304d49eb/download/2551/>

вигатора по дополнительным общеобразовательным программам.

По итогам 2022 г. сертификат персонифицированного финансирования можно получить в 77 регионах включая Дальневосточный федеральный округ (Амурская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Камчатский край, Магаданская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Хабаровский край)⁹.

Плановые значения охвата детей дополнительным образованием на 2023 г. достигнуты во всех субъектах Российской Федерации. Высокий охват детей дополнительным образованием по итогам 2023 г. (более 90%) отмечается в следующих Дальневосточных регионах: Сахалинская область (97,2%) и Хабаровский край (92,0%)¹⁰.

Персонифицированное финансирование с применением социального сертификата по направлению деятельности «реализация дополнительных образовательных программ (за исключением дополнительных предпрофессиональных программ в области искусств)¹¹ внедряется в 85 регионах страны. В соответствии с данным документом, не менее четверти детей имеют возможность посещать минимум одну общеразвивающую программу, а также посещать организации дополнительного образования, которые финансируются за счет государственного (муниципального) задания в субъектах Российской Федерации. Данные виды услуг для детей бесплатны¹².

Результаты мониторинга реализации социального заказа в системе дополнительного образования, свидетельствуют, что половина (52,3%) из опрошенных

организаций, сопровождающих апробацию социального заказа в регионах/муниципалитетах, считают, что использование социального сертификата никак не повлияло на доступность программ дополнительного образования детей, на повышение охвата. Четвертая часть (23,2%) отметили, что доступность значительно улучшилась, а менее десятой части (6,2%) организаций ответили, что доступность снизилась. Можно предположить, что родители оказались не готовы к быстрой адаптации на электронном ресурсе внедрения социального заказа (рис. 1).

Результаты социологического мониторинга удовлетворенности граждан системой дополнительного образования свидетельствуют, что только третья часть опрошенных родителей (34%) отметили, что благодаря сертификатам в той или иной степени улучшилась доступность программ дополнительного образования детей. Четвертая часть (27,0%) отметили незначительное улучшение доступности, а четверо из десяти (39,0%) опрошенных считают, что доступность не изменилась (рис. 2).

Для социологического анализа использовались результаты всероссийского опроса, которые наглядно демонстрируют высокий уровень погруженности родителей в вопросы дополнительного образования детей. По данным опрошенных родителей, самым популярным критерием выбора стало желание ребенка заниматься именно в этом учебном заведении. Третья часть родителей (36%), отметили, что территориальная расположенность образовательной организации является одним из ключевых факторов при выборе

⁸ Попов А.А., Глухов П.П., Ешматов Я.А. Доступность дополнительного образования в России: оценка благополучателей и региональная ситуация // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 6 (212). С. 67–83.

⁹ Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_edu_of_children/

¹⁰ Доклад о реализации плана деятельности Министерства просвещения Российской Федерации по реализации документов стратегического планирования за 2023 год <https://docs.edu.gov.ru/document/30dd4f2019c162507d66f2c8015f8301/download/6428/>.

¹¹ Федеральный закон от 13 июля 2020 года № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45676>.

¹² Минпросвещения представило подходы к реализации социального заказа в системе дополнительного образования. URL: <https://vcht.center/center/news/minprosveshheniya-predstavilo-podhody-k-realizatsii-sotsialnogo-zakaza-v-sisteme-dopolnitelnogo-obrazovaniya/>

организации дополнительного образования (рис. 3). Позитивной можно также назвать и тенденцию родителей доверять выбору и стремлениям самих детей, что может сказываться на расширении возможности самостоятельности и развития их талантов.

Более половины детей опрошенных респондентов посещают одно учреждение дополнительного образования (рис. 4). Можно предположить, что родители выбирают более простой и правильный путь

получение ребенком знаний и навыков согласно их возможностям.

По результатам опроса наибольшей популярностью (62%) среди родителей пользуется запись на кружок или секцию через портал Госуслуги, чуть меньше половины (48%) выбирают традиционный способ для записи – личное посещение образовательной организации. Вместе с тем наименьшей популярностью среди родителей пользуется запись через региональный навигатор дополнительного образования

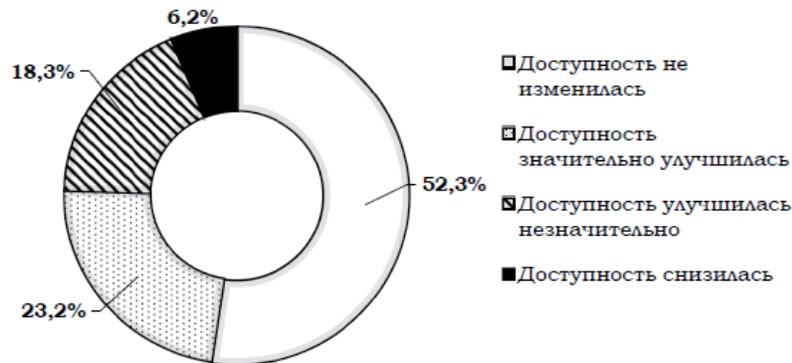

Рис. 1. Распределение ответов «Влияние использования социального сертификата на доступность программ дополнительного образования детей (повышение охвата)» (в % от числа опрошенных)¹³

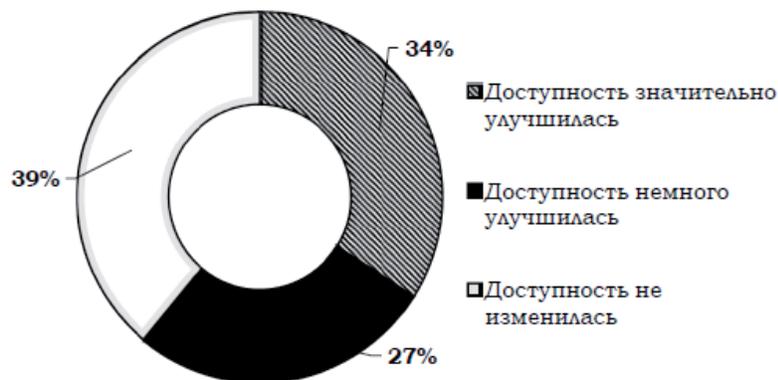

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как повлияло внедрение сертификата дополнительного образования для оплаты кружков, секций на доступность дополнительного образования регионе» (в % от числа опрошенных)¹⁴

¹³ Социально-экономические эффекты внедрения социального заказа в регионах России. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/05/main/Goncharova_O.V._Moskva.pdf?ysclid=ly5biojx38793733139

¹⁴ Оценка удовлетворенности дополнительным образованием. Онлайн опрос во всех субъекты РФ, в которых есть зарегистрированные пользователи портала «Региональный навигатор». Период проведения: ноябрь – декабрь 2022 года. Респонденты: Родители/опекуны имеющие ребенка/детей в возрасте от 5 до 18 лет, которые посещают учреждения дополнительного образования, являются пользователями портала «Региональный навигатор». Общая выборка составила: 30 167 респондентов. URL: https://vcht.center/wp-content/uploads/06.-Romir_Udovletvorennost.pdf?ysclid=ltxvcyngxz231061616.

Рис.3. Распределение ответов на вопрос: «По каким причинам родители (законные представители) выбрали учреждения для получения дополнительного образования» (в %)¹⁴.

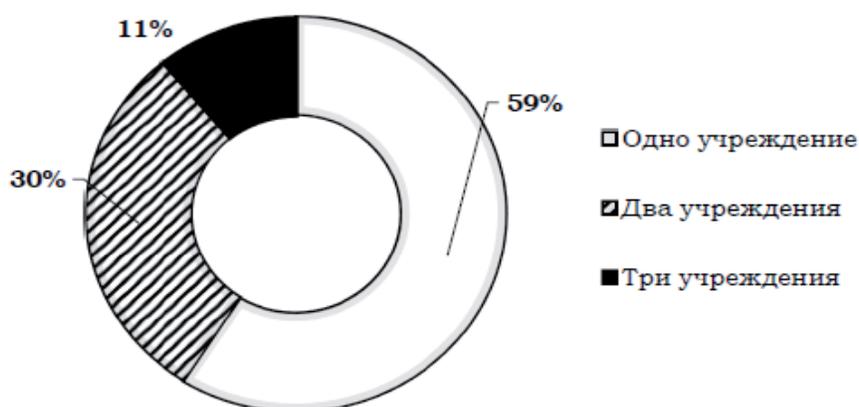

Рис.4. Распределение ответов на вопрос: «Сколько различных образовательных учреждений в рамках дополнительного образования посещает ребенок/дети» (в %)¹⁴.

(рис. 5), хотя он объединяет на одном региональном ресурсе все доступные для детей и молодежи программы и облегчает процесс записи ребенка на занятия.

Четверо из десяти опрошенных (40%) пользуются социальным сертификатом дополнительного образования для оплаты кружков и секций, что является показателем его востребованности. Из этого следует, что большинство респондентов не пользуется сертификатом (38%) или не знают, что это такое (22%). Основными причинами неиспользования сертификата, по мнению родителей (рис. 6) и по мнению организаций (рис. 7), является нежелание предоставлять персональные данные,

отсутствие подходящих кружков или мест в них, невозможность использования в желаемых учреждениях, а также непонятный принцип его работы.

По статистике Всероссийского центра развития художественного творчества и гуманитарных технологий Минпросвещения России, в 2023/2024 учебном году в стране обновлен рекорд популярности технических и естественно-научных кружков. Основными причинами роста данной популярности является как активная поддержка развития региональных программ дополнительного образования, так и расширение федеральной сети организаций дополнительного образования детей¹⁵.

Вместе с тем популярным направлени-

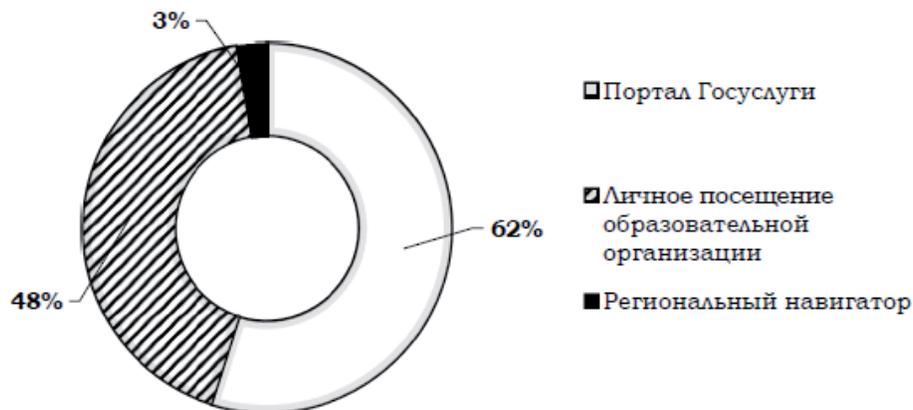

Рис.5 Распределение ответов на вопрос: «Каким способом родители (законные представители) записывают ребенка/детей в кружок или секцию» (в % от числа опрошенных)¹⁴.

Рис.6 Распределение ответов на вопрос: «По каким причинам родители (законные представители) не пользуются сертификатом» (в % от числа опрошенных)¹⁴.

Рис.7. Распределение ответов на вопрос: «По каким причинам родители (законные представители) не используют сертификат» (в % от числа опрошенных)¹³.

ем у школьников и их родителей остается социально-гуманитарная направленность (занятия иностранными языками, волонтерством, журналистикой и др.), такие кружки посещают 43,6% детей. Вторая по популярности – физкультурно-спортивная направленность, соответствующие кружки посещает свыше 39,4% детей. Развитием своих навыков в искусстве (театр, вокал, хореография, ИЗО и др.) занимаются 36,7% детей.

Для пятой части (20,6%) детей интересны кружки, тесно связанные с технической направленностью, включая ИТ, которые в условиях масштабной рекламной кампании курсов по программированию все же проигрывают художественным и спортивным направлениям. При этом государство вкладывает значительные ресурсы в развитие данной направленности (детские технопарки «Кванториум», региональные центры для одаренных детей на базе центра «Сириус», центры «ИТ-куб» и др.). Пятая часть (19,6%) детей выбирают естественно-научную направленность, а менее десятой части (7,3%) задействованы в дополнительных занятиях туристско-краеведческой направленности¹⁵.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что государственная политика, нацеленная на развитие системы дополнительного образования, способствует увеличению охвата детей в получении необходимых знаний, развитию талантов и личностному самоопределению. Вместе с тем меры по обеспечению доступности должны стать более адресными, должны учитывать особенности территорий регионов (крупный город, малый город, село), благосостояние семей и культурное наследие региона.

Проведенный анализ доказывает, что необходимо учитывать региональный контекст и зависящую от него оценку участников образовательного пространства (государство – родители, дети) при выстраивании программ обеспечения доступности дополнительного образования детей.

Система дополнительного образования сегодня приобретает особый статус, это не просто вовлечение и занятость детей, всестороннее развитие ребенка, это уникальная среда созревания личности, формирование гражданской идентичности, сохранение культурно-исторической преемственности.

Список источников:

1. Авраамова, Е. М., Клячко, Т. Л., Логинов, Д. М., Полушкина, Е. А., Семионова, Е. А., Токарева, Г. С. Мониторинг эффективности школы. Дополнительное образование школьников (2013–2017 гг.). 2018. URL: https://gcvr.edu.yar.ru/docs/2018/21_08_2018_1_monitoring.pdf.
2. Бочавер, А. А., Вербилевич, О. Е., Павленко, К. В., Поливанова К.Н., Сивак Е. В. Вовлеченность детей в дополнительное образование: контроль и ценность образования со стороны родителей // Psychological Science & Education, 2018. Т. 23. № 4. С. 32–40 <https://doi.org/10.17759/pse.2018230403>
3. Буйлова, Л. Н. Особенности социологического анализа дополнительного образования детей // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2007. № 51, вып. 3. С. 200–208. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/21809>.
4. Гошин, М. Е., Мерцалова, Т. А., Груздев, И. А. Типы родительского участия в учебном процессе детей. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2019. № 2 (150). С. 387–408 <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.13>
5. Глухов, П. П., Попов, А. А. Состояние негосударственного сектора в региональных системах дополнительного образования детей. 2020. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС.

¹⁵ В России побит рекорд популярности школьных технических и естественно-научных кружков. URL: <https://edu.gov.ru/press/8116/v-rossii-pobit-rekord-populyarnosti-shkolnyh-tehnicheskikh-i-estestvenno-nauchnyh-kruzhkov/>

¹⁶ ВЦХТ рассказал какие кружки и секции самые популярные у школьников и их родителей. URL: <https://vcht.center/center/news/vsht-rasskazal-kakie-kruzhki-i-sektsii-samye-populyarnye-u-shkolnikov-i-ih-roditelej/>

6. Гончарова, О. В., Косарецкий, С. Г. и др. Мониторинг дополнительного образования художественной направленности. 2021. М.: ВЦХТ. URL: <http://vcht.center/monitoringi/xudozh2021/>.
7. Гончарова, О. В., Косарецкий, С. Г. и др. Мониторинг дополнительного образования социально-гуманитарной направленности. М.: ВЦХТ. 2021. URL: <http://vcht.center/monitoringi/socgum2021/>.
8. Груздев, И. А., Косарецкий, С. Г. и др. Дополнительное образование и внеучебная деятельность для развития навыков. 2022. С. 77. (5 том доклада «Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок в области укрепления человека», науч. ред. И.А. Груздев). <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/816061040.pdf?ysclid=lugcx3x5zd886114011>.
9. Золотарева, А. В., Сеницын, И. С. Повышение доступности дополнительных общеобразовательных программ как условие обеспечения непрерывности общего образования в России // Непрерывное образование. 2020. № 1. С. 4–12. EDN: LKU-JSQ
10. Косарецкий, С. Г., Гошин, М. Е., Иванов, И. Ю. Участие школьников в дополнительном образовании. Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ. 2022. № 13 (30). С. 52 с. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/660456417.pdf>. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2674-3>
11. Косарецкий, С. Г., Павлов, А. В., Мерцалова, Т. А., Анчиков К. М. Дополнительное образование: изменения в контексте реализуемых приоритетов государственной политики. Мониторинг экономики образования. М.: НИУ ВШЭ. 2020. № 17. С. 15. URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354616899/release_17_2020.pdf.
12. Косарецкий, С. Г. и др. Технологическое образование школьников. Актуальная ситуация и пути развития. М.: Кружковое движение НТИ, Институт образования НИУ ВШЭ, 2019.
13. Поливанова, К. Н., Бочавер, А. А., Павленко, К. В., Сивак, Е. В. Образование за стенами школы как родители проектируют образовательное пространство детей. Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 384. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1986-8>
14. Поплавская, А. А., Груздев, И. А., Петлин, А. В. Выбор организаций дополнительного образования детей в России: к постановке проблемы // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 261–281 <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-4-261-281>
15. Попов, А. А., Глухов, П. П., Ешматов, Я. А. Доступность дополнительного образования в России: оценка благополучателей и региональная ситуация // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (212). С. 67–83. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-6-67-83>

References:

1. Avraamova, E. M., Klyachko, T. L., Loginov, D. M., Polushkina, E. A., Semionova, E. A., Tokareva, G. S. (2018) Monitoring school effectiveness. Additional education for school-children (2013–2017) (in Russ.) URL: https://gcvr.edu.yar.ru/docs/2018/21_08_2018_1_monitoring.pdf.
2. Bochaver A. A., Verbilovich O. E., Pavlenko K. V., Polivanova K. N., Sivak E. V. (2018) Involvement of children in additional education: control and value of education on the part of parents *Psychological Science & Education*, vol. 23, no. 4, pp. 32–40 (in Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2018230403>
3. Builova, L. N. (2007) Features of the sociological analysis of additional education for children *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Ural State University. Ser. 3, Social Sciences], no. 51, issue. 3. pp. 200–208 (in Russ.) URL: <http://elar.uurf.ru/handle/10995/21809>.
4. Goshin, M. E., Mertsalova, T. A., Gruzdev, I. A. (2019) Types of parental participation in the educational process of children Monitoring of public opinion: economic and social changes, no. 2 (150), pp. 387–408. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.13>

5. Glukhov, P. P., Popov, A. A. The state of the non-state sector in regional systems of additional education for children. 2020. M.: Publishing house. House "Delo" RANEPА.
6. Goncharova, O. V., Kosaretsky, S. G. and others. (2021) Monitoring of additional education of artistic orientation. M.: VTsHT (in Russ.) URL: <http://vcht.center/monitoringi/xudozh2021/>
7. Goncharova, O. V., Kosaretsky, S. G. and others. (2021) Monitoring of additional education of social and humanitarian orientation. M.: VTsHT (in Russ.) URL: <http://vcht.center/monitoringi/socgum2021/>.
8. Gruzdev, I. A., Kosaretsky, S. G. etc. (2022) Additional education and extracurricular activities for skills development, p. 77. (Vol. 5 of the report "Global landscape of research and promising developments in the field of human strengthening", scientific editor: I.A. Gruzdev) (in Russ.) <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/816061040.pdf?ysclid=lugcx3x5zd886114011>.
9. Zolotareva, A. V., Sinitsyn, I. S. (2020) Increasing the availability of additional general education programs as a condition for ensuring the continuity of general education in Russia *Nepreryvnoe obrazovanie* [Lifelong education], no. 1, pp. 4–12 (in Russ.) EDN: LKUJSQ
10. Kosaretsky, S. G., Goshin, M. E., Ivanov, I. Yu. (2022) Participation of schoolchildren in additional education. Monitoring of the economics of education. News bulletin. M.: National Research University Higher School of Economics, no. 13 (30), pp. 52 (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2674-3> URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/660456417.pdf>.
11. Kosaretsky, S. G., Pavlov, A. V., Mertsalova, T. A., Anchikov, K. M. (2020) Additional education: changes in the context of implemented state policy priorities. Monitoring the economics of education. M.: National Research University Higher School of Economics, no. 17, pp. 15 (in Russ.) URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354616899/release_17_2020.pdf.
12. Kosaretsky, S. G. et al. (2019) Technological education of schoolchildren. Current situation and development paths. M.: NTI Circle Movement, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, (in Russ.)
13. Polivanova, K. N., Bochaver, A. A., Pavlenko, K. V., Sivak, E. V. (2020) Education outside the walls of the school: how parents design the educational space for children, p. 384 (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1986-8>
14. Poplavskaya A. A., Gruzdev I. A., Petlin A. V. (2018) The choice of organizations for additional education of children in Russia: towards the formulation of the problem *Voprosy obrazovaniya=Educational Studies Moscow*, no. 4, pp. 261–281 (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-4-261-281>
15. Popov A. A., Glukhov P. P., Eshmatov Ya. A. (2020) Availability of additional education in Russia: assessment of beneficiaries and regional situation *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], no. 6 (212), pp. 67–83 (in Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-6-67-83>

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 11.03.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 11.03.2024.

Информация об авторе

К. И. Спека – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

K. I. Speka – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2024 г. № 2 (107)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 09.07.2024 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 15,6

Учетн.-изд. л. – 25,1

Тираж – 500 экз.

Заказ № 8.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
